

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOO LI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

482

КАТЕГОРИЯ ВИДА И
ЕЁ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
СВЕЗИ

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ IV

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. ВЫПУСК 482 ОСНОВАНЫ в 1893 г.

КАТЕГОРИЯ ВИДА И ЕЁ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ IV

ТАРТУ 1979

Редакционная коллегия:

М. А. Шелякин (отв. редактор), Б. М. Гаспаров, П. С. Сигалов

О ПРИЧИНАХ УСТОЙЧИВОСТИ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин

I

Двувидовые глаголы, в основном иноязычного происхождения, занимают в грамматической системе современного русского языка довольно значительное место. По данным «Обратного словаря русского языка», более 800 глаголов являются двувидовыми [10/940]. Из них около 150 [8/65] образуют видовые пары при помощи чистовидовых приставок и одновременно употребляются без формального преодоления двувидовости. К последним относятся более 50 глаголов, которые, согласно пометам в «Обратном словаре русского языка», характеризуются в разных словарях то как двувидовые, то как несовершенного вида в зависимости от признания чистовидовых приставок (например, словарь С. И. Ожегова их последовательно учитывает), и около 100 глаголов, которые расцениваются словарями только как двувидовые, но имеют преимущественно однопоставочные образования, составляющие чистовидовые корреляты к беспоставочным глаголам (разумеется, с точки зрения признания их таковыми). В чем же причины устойчивости двувидовых глаголов в русском языке? На этот вопрос лингвисты отвечают по-разному.

Так, И. П. Мучник считает, что сохранению двувидовости глаголов, когда они стали появляться в 18 в. и 19 в., способствовали следующие факты: 1) их специфическая словообразовательная структура — наличие явно иноязычных суффиксов -изова-, -ирова-, -изирова-; 2) интерфиксальная осложненность этих суффиксов, препятствующая дальнейшему увеличению состава слова при формальной перфективации или имперфективации глагола [8/66], а также отсутствие ударения на конечный -а-, так как «при конечном ударенном -а- двувидовой глагол

способен образовать видовые корреляции с помощью суффиксов и приставок, ср. *организовать* — *организовывать* — *организовать*, при безударном же гласном -а- эти корреляции могут образоваться только при помощи приставок, ср. *концентрировать* — *сконцентрировать*, *классифицировать* — *расклассифицировать*» [8/63]. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что следует также иметь в виду и другие факторы, внутреннего и внешнего характера, совокупность которых привела к упрочению аналитических средств в плане выражения категории вида, а именно — стремление носителей литературного языка 18 и 19 веков, владевших западноевропейскими языками, максимально сохранять внешний облик заимствованных глаголов и связь процесса двувидовости с общей тенденцией в грамматическом строе русского языка к аналитизму [8/66]. Говоря о развитии двувидовости глаголов в советский период, И. П. Мучник дополняет перечень причин ее устойчивости еще такими факторами: **семантический** — большинство бесприставочных двувидовых глаголов не образует формы несовершенного вида с помощью суффикса -ива-/-ыва- в силу преобладания в них результативного значения; **формально-видовой** — глаголы с суффиксами -изирова-, -ирова-, -фицирова- (около 85% всех двувидовых глаголов) из-за указанных выше морфонологических особенностей имеют тенденцию образовывать видовые пары лишь путем префиксации, но префиксальная перфективация отличается от суффиксальной имперфективации рядом специфических черт, ограничивающих образование формально-видовых корреляций (она не создает четкой видовой соотносительности у многозначных глаголов, не имеет полной абстрапированности от деривационных оттенков и характеризуется большим разнообразием средств своего выражения); **социолингвистический** — двувидовые глаголы, как правило, принадлежат к интернациональной лексике: «Для сохранения интернационального характера структуры глаголов отнюдь не безразличны пути их видового оформления. Очевидно, что присоединение к глаголу приставки отводит его в сторону от интернациональной лексики» [8/74].

Таким образом, И. П. Мучник видит в устойчивости двувидовых глаголов преломление многих и разных факторов видовой системы русского языка и его социального развития. Такой многоаспектный подход к проблеме казался бы обладает объяснительной силой, так как, наверно, всегда найдутся факты, подтверждающие как будто ту или иную изложенную причину. Однако, во-первых, эти причины оставляют без ответа вопрос о том, почему одна часть двувидовых глаголов пусть и немногочисленная, проявляет все же тенденцию к формальной дифференциации видовой корреляции при помощи приставок. Во-вторых, при разнородности выдвинутых причин, становится неясным, какие из них являются ведущими (или ведущей), а ка-

кие — только способствующими. В-третьих, при внимательном рассмотрении каждого фактора можно привести контраргументы. Так, иноязычность, чуждость суффиксов для системы русского языка, видимо, нужно доказывать не их происхождением, а какими-то другими критериями. Интерфиксальная осложненность суффиксов двувидовых глаголов не всегда препятствует формально-видовой дифференциации (ср. перерегистрировать — перерегистрировывать и под.). При конечном ударенном -а- только 4—5 бесприставочных двувидовых глаголов способны образовать видовые корреляции при помощи суффикса -ива-, да и то с оговоркой (о чем см. ниже). Влияние носителей литературного языка, владеющих западноевропейскими языками, на сохранение двувидовых глаголов — факт чисто умозрительный, его тоже надо доказать. Неясно также, является ли двувидовость следствием тенденции к аналитизму грамматического строя русского языка или самой причиной этой тенденции. Общей семантической чертой всех двувидовых глаголов является их предельно-результативный характер, но почему только часть из них образует видовые корреляции при помощи приставок. Далее, несмотря на отличие префиксального образования видовых пар от суффиксального, опять-таки около 150 глаголов почему-то их имеет. И, наконец, фактор интернационализации глагольной лексики, видимо, предполагает какую-то кодификацию и направленную «оглядку» на другие языки, ибо простое сопоставление русского «электрифицировать» и нем. elektrifizieren, франц. électrifier и т. д. [8/74] еще ни о чем не говорит, ср. образования *логарифмировать* — *прологарифмировать*, *интервьюировать* — *проинтервьюировать* и т. д.

Несколько иначе объясняет двувидовость русских глаголов Н. С. Авилова. Ей представляется, что в условиях контекста двувидовые глаголы обладают известной двусмысленностью. Поэтому потребность в устранении этой неясности приводит к развитию формальной дифференциации видовых значений у этих глаголов за счет десемантизированных приставок. Последний способ оказался удобным и продуктивным потому, что суффиксальная имперфективация осложняет глагольную основу, а десемантизированная префиксация, в силу терминологичности заимствованного глагола, дает достаточно чистые видовые пары. В итоге Н. С. Авилова приходит к заключению, что в русском языке наблюдается общая тенденция глаголов с заимствованными основами к формальному выражению вида, хотя эта тенденция у разных глаголов и неодинаково активна [2/77]. Наиболее упорно сохраняют свою двувидовость глаголы с суффиксами -изирова-, -изова, которые «появились наиболее поздно и до сих пор сохраняют известную чуждость системе русского глагола» [2/76]. Ср. также несколько выше: «Глаголы с суффиксами -ирова- в большой своей части сохраняют известную

чуждость русскому языку и в отношении их вхождения в систему словообразования» [2/76]. Следовательно, по мнению Н. С. Авиловой, по мере усвоения заимствованных глаголов системой русского языка их двувидовость будет устраняться — этого требует закон восстановления симметрии [2/78]. Ср. «Даже наиболее чуждые русскому языку глаголы стремятся войти в русскую видовую систему путем увеличения количества приставочных и вторичных суффиксальных глаголов» [2/76]. Отсюда можно сделать вывод, что постановка вопроса об устойчивости двувидовых глаголов в русском языке вряд ли целесообразна: речь должна идти скорее не об устойчивости, а лишь о путях и времени устранения их языком. Подобной точки зрения придерживается Е. Смешкова, писавшая о двувидовых глаголах в словацком языке [16]. Она также считает, что иноязычные глаголы, не ставшие еще общеупотребительными и относящиеся к терминологической лексике, сохраняют свою двувидовость.

При всей привлекательной простоте изложенного взгляда Н. С. Авиловой и др. на проблему двувидовости глаголов нельзя не считать прежде всего с фактами, а именно с тем, что, по данным «Обратного словаря русского языка» и наблюдениям И. П. Мучника [8], Л. П. Демиденко [5], более 600 глаголов «не обнаруживает никаких признаков — ни реальных, ни потенциальных — утраты двувидовости» (8/72) и что «темпы устранения двувидовости в современном русском языке чрезвычайно незначительны по сравнению с темпами увеличения общего количества двувидовых глаголов» [5/151—152]. Об этом же пишет Л. Н. Смирнов по поводу двувидовых глаголов в словацком языке: «Тенденция к устранению двувидовости охватывает, в сущности, сравнительно небольшое число двувидовых глаголов. Это позволяет сделать вывод, что двувидовость в группе заимствованных бесприставочных глаголов словацкого языка является чертой весьма характерной и достаточно устойчивой» [12/149—150]. С другой стороны, по признанию Н. С. Авиловой, даже среди глаголов с суффиксом -ова-, несмотря на их явное «обрусение», встречаются двувидовые: *адресовать, аккредитовать, ассигновать, короновать, оркестровать, презентовать, титуловать, тигровать, аттестовать, стартовать* и др. [2/71], а некоторые приставочные корреляты так и не вошли в употребление: *оспециализировать, оцивилизовать, заарестовать* и др. [2/77]. Кроме того, опять встает вопрос, что понимать под усвоением заимствованных глаголов системой русского языка, — под «чужим», «наиболее чужим» и уже «своим». Ведь слово «пальто» употребляется в русском языке уже более века без формального словоизменения, но можно ли считать на этом основании его «ещё чужим»? Двувидовые глаголы в этом отношении заметно отличаются от несклоняемых существительных: они по-русски спрягаются, по-русски образуют причастия и др. формы

и, более того, выступают в качестве производящих глаголов в приставочном словообразовании (ср. *кодировать* — *перекодировать*, *бронировать* — *разбронировать* и др.).

Проблема двувидовости глаголов еще больше осложняется, если обратиться к соответствующим фактам других славянских языков. Как свидетельствуют слависты, в южнославянских языках двувидовость глаголов распространена значительно шире, чем в русском [7/165], а в польском и чешском она легче преодолевается, чем в русском [17, 15]. Все это говорит о том, что каждый славянский язык имеет собственное внутрисистемное отношение к проблеме двувидовых глаголов и ссылка на «чужое» и «свое» привела бы к признанию, например, всех глаголов болгарского языка «чужими», так как, по выражению Св. Иванчева, «в сущности, можно говорить о двувидовости любого болгарского глагола несовершенного вида» [7/172].

Св. Иванчев объясняет разницу в двувидовости глаголов по отдельным славянским языкам наличием/отсутствием временных форм аориста и перфектного типа и особенностями функций префиксов: в южнославянских языках глагольные префиксы преследуют чисто словообразовательные цели, в севернославянских языках — кроме того, видообразующую и временную — для выражения будущего времени [7/179—180]. Еще раньше И. Грицкат связала широкую распространенность двувидовых глаголов в сербскохорватском языке со спецификой его приставочных значений, которые в этом языке в основном носят пространственный характер и в меньшей мере развили временные, количественные и чистовидовые значения [4/115]. Отсюда делается вывод о ведущей причине двувидовости глаголов в сербскохорватском языке — отсутствии подходящих префиксов для перфективации глаголов с новыми значениями в момент их появления [4/111]: «Сербскохорватский язык развил необыкновенное для славянской глагольной системы богатство двувидовых глаголов за счет известного ослабления жизненности в сфере префиксов» [4/65].

Думается, что путь, выбранный И. Грицкат, Св. Иванчевым и др. для изучения проблем двувидовости глаголов в славянских языках, более надежен и убедителен и при решении вопроса о развитии двувидовых глаголов в русском языке следует прежде всего исходить из внутрисистемных факторов.

II

Двувидовость русских глаголов — явление вынужденное, а не системное в отличие от болгарского языка, где она, если согласиться с Св. Иванчевым, обусловлена и грамматически [7/191]. Нет никаких оснований говорить о тройственном харак-

тере видового противопоставления в русском языке, как это предлагает Л. П. Демиденко [5/152]. По наблюдениям Л. П. Бирюковой [3], двувидовые глаголы русского языка в своем употреблении ничем не отличаются от глаголов с формально выраженным видом. Только для дифференциации своих видовых значений в ряде форм (в инфинитиве, прошедшем времени, действительном причастии прошедшего времени, повелительном наклонении, настоящем и будущем простом) многим из них пришлось обратиться за помощью к контексту, подобно падежным формам существительных 3-его склонения. Почему «пришлось» и почему «многим из них», а не всем, на эти вопросы отвечает сама устойчиво сложившаяся система видового формообразования в русском языке к моменту появления основной массы двувидовых глаголов и особенности семантики последних, т. е. сам процесс столкновения первого со вторым. Рассмотрим эти сталкивающиеся стороны в отдельности.

На основании обобщения работ в области исторического видообразования Н. С. Авилова справедливо пришла к выводу о том, что «в русском языке к XVI веку система видовых соотношений включала в себя вполне определившиеся и сохранившиеся поздние соотношения, а именно: бесприставочный глагол несовершенного вида в соотношении с приставочным глаголом совершенного вида; приставочный глагол совершенного вида в соотношении с приставочным глаголом несовершенного вида с суффиксом -а-; приставочный глагол совершенного вида в соотношении с приставочным глаголом несовершенного вида с суффиксом -ива-» [1/8]. К этому следует добавить еще одно непродуктивное соотношение — бесприставочный глагол сов. вида на -и- и бесприставочный глагол несов. вида на -а- (*бросить* — *бросать*, *решить* — *решать* и др.). Для понимания дальнейшего развития видового формообразования необходимо отметить, что бесприставочные глаголы с многократным суффиксом -ива-/ыва- в XIX веке «явно идут на убыль» [там же/141] и функционально, как и лексически, были замкнутыми: они выражали многократность, давнопрошедшее время или категорическое отрицание (с частицей *не*). Поэтому они не смогли проникнуть в бесприставочные глаголы совершенного вида для образования соотносительных форм несовершенного вида.

Таким образом, в русском языке имперфективация глаголов совершенного вида при помощи суффиксов -ива-/ыва- оказалась связанной только с приставочными глаголами. Причем с одним условием для приставочных глаголов на -ова-: ударение должно падать на исходный -а- (ср. *перезэкзаменовать* — *перезэкзаменовывать*, но *переремонтíровать* и под.). Именно закрепление суффикса имперфективации -ива-/ыва- за приставочными глаголами и мешало бесприставочным двувидовым глаголам прорвать зону своей двувидовости, даже несмотря на ударение

в исходе основы. Лишь 5-ти глаголам — *арестовать, конфисковать, образовывать, атаковать, мобилизовать* — как будто удалось имперфективировать свои формы при помощи этого суффикса, но с определенными оговорками: их не следует употреблять в значении настоящего времени [13]. Кстати говоря, и в форме прошедшего времени несовершенного вида данные глаголы употребляются только для выражения кратности действия, а глагол *образовать* можно считать приставочным (для видообразования не имеет значения выделяемость приставки). Показательно, что в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка перечисленные глаголы даны как двувидовые, без указания на образование от них имперфективных форм на -ива- [6/631—632]. Фактор же ударения на исходный -а- проявил себя в сохранении двувидовости некоторых приставочных образований: *воздействовать, заимствовать, использовать, исследовать, оборудовать* и нек. др.

Двувидовые глаголы появляются в русском языке с конца XVIII века и особенно в XIX веке, и в настоящее время число их увеличивается. Это главным образом бесприставочные глаголы с продуктивным суффиксом -ова-/-ева- и его вариантами -ирова-, -изова-, -изирова- иноязычного происхождения, а также несколько бесприставочных глаголов славянского происхождения на -и-, -а-, -е- (*женить, казнить, крестить, венчать, обещать, велеть*), которые в современном языке стали относительно двувидовыми, так как имеют приставочные корреляты совершенного вида (*поженить, перекрестить, повенчать, пообещать* и др.).

По своей формальной структуре все двувидовые бесприставочные глаголы являются с точки зрения видовой системы русского языка глаголами несовершенного вида и относятся к предельно-результативным глаголам, имеющим тенденцию к образованию видовых пар. В силу указанных ограничений в образовании видовых пар путем суффиксальной имперфективации, двувидовые глаголы на -ова-, -а- имели только один выход для формальной дифференциации видовых значений — чистовидовую префиксацию, а немногочисленные двувидовые глаголы на -и- — два выхода — суффиксальную имперфективацию (при помощи суффикса -а-) и чистовидовую префиксацию. Последние так и поступили: по свидетельству Н. С. Авиловой, в конце XVIII — начале XIX веков такие глаголы, как *родить, пленить, решить, кончить, рушить, пасть* были двувидовыми [1/34—35], в современном языке они имеют имперфективные формы (*рожать, пленять* и т. д.). Другие глаголы на -и- выбрали префиксальный путь образования видовых пар: *женить-поженить, рушить-разрушить, молвить-промолвить* и др. Почему эти глаголы не выбрали суффиксального образования видовых пар, видимо, объясняется для каждого глагола соб-

ственной причиной: так, раньше были црк. *крещати*, *казати* (в значении «казнить»), *рушати*, которые, как церковнославянизмы, не сохранились в языке; глагол *молвить* в несовершенном виде давал бы непривычное сочетание фонем («молвлять») и не был лексически актуальным (ср. *говорить* — *сказать*).

Как известно, чистовидовая префиксация имеет в русском языке нерегулярный характер и зависит от семантико-словообразовательных условий: чтобы префикс выполнял чистовидовую функцию, он должен семантически совпадать со значением исходного глагола [14]. В русском языке уже выработались определенные семантические модели образования видовых пар для бесприставочных глаголов при помощи префиксов и для приставочных глаголов при помощи суффиксальной имперфективации. Поэтому чистовидовая префиксация заимствованных бесприставочных глаголов предполагает наличие приставочных значений, соответствующих значениям этих глаголов, и семантических моделей образования видовых пар для приставочных глаголов, в соответствии с которыми могла быть выбрана определенная чистовидовая приставка. Если значение заимствованного глагола не находило таких моделей, не имело семантического «прецедента» в них, то он оказывался вне системы формального видообразования и становился двувидовым. Другими словами говоря, основным фактором (но не единственным, о чем см. ниже) устойчивости бесприставочных двувидовых глаголов является неперасположенность друг к другу семантических моделей образования видовых пар и значений заимствованных глаголов. Это напоминает выделенный И. Грицкат для сербскохорватского языка фактор двувидовости глаголов — перасположенность/неперасположенность приставочных значений языка к перфективации глаголов. Однако, представляется, было бы точнее говорить о двусторонней перасположенности/неперасположенности именно семантических моделей образования видовых пар (для бесприставочных и приставочных глаголов) и значений заимствованных глаголов. Видимо, этот фактор действителен вообще для всех других славянских языков, где роль суффиксального образования видовых пар каким-либо образом ограничена. С этой точки зрения рассмотрим ниже семантические отношения двувидовых глаголов с моделями образования видовых пар в русском языке.

III

Как уже говорилось, в современном русском языке около 150 бесприставочных двувидовых глаголов одновременно употребляется с формальным преодолением двувидовости при помощи приставок. По сути дела, их можно не считать двуви-

довыми или считать относительно двувидовыми. Все их видовые пары с префиксальным глаголом входят в семантические модели обычных видовых пар с чистовидовыми приставками или с суффиксальной имперфективацией, как и видовые пары других заимствованных глаголов, бесприставочная основа которых относится словарями к несовершенному виду, а приставочная — к коррелятивной форме совершенного вида. Следовательно, относительно двувидовые бесприставочные глаголы выступают то как глаголы несовершенного вида, то как двувидовые и в первом случае ничем не отличаются от заимствованных глаголов, бывших, видимо, когда-то какое-то время двувидовыми и затем перешедших в группу глаголов несовершенного вида (в связи с видовой префиксацией). Вот почему можно воспользоваться списком И. П. Мучника [9/110—111] тех заимствованных глаголов, которые в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и словаре С. И. Ожегова уже даны как глаголы, образующие при помощи приставок видовые соотношения, и дополнить его глаголами, которые можно расценить как относительно двувидовые на основании указанных в начале статьи грамматических помет и толкований словарей. Расположим наиболее показательный материал по отдельным семантическим моделям образования видовых пар (с чистовидовой префиксацией и суффиксальной имперфективацией) следующим образом: сначала представим видовые пары с русскими глаголами, затем — с заимствованными глаголами без двувидовости и с относительной двувидовостью, отделяя все их друг от друга двоеточием.

Видовые пары с приставкой *с-*:

а) Указание на движение вниз (ср. *сбросить, слетать*): *тянуть скатерть со стола — стянуть, валить дерево — свалить* и др.: *пикировать — спикировать, планировать — спланировать* (о самолете): *парашютировать — спарашютировать*, отсюда *агитировать — сагитировать, провоцировать — спровоцировать*.

б) Значения составления, совместности, соединения (из локального значения направленности действия к пункту сосредоточенности, ср. *съехаться, согнать*), откуда значение конструктивности: *копить деньги — скопить, мешать — смешать, щурить — сощурить* и др., *делать — сделать, творить — сотворить* и др.: *брошюровать — сброшюровать, группировать — сгруппировать, комбинировать — скомбинировать, прессовать — спрессовать, комплектовать — скомплектовать, компоновать — скомпоновать, концентрировать — сконцентрировать, планировать — спланировать: координировать — скоординировать, кооперировать — скооперировать* и др.

в) Значения приравнивания, соответствия, копирования: *сличить — сличать, списать — списывать* и др.: *калькировать —*

скалькировать, фотографировать — сфотографировать, копировать — скопировать; моделировать — смоделировать, фокусировать — сфокусировать и др.

Видовые пары с приставкой *за-*:

а) Значение покрыть, закрыть поверхность чем-либо с помощью действия (ср. *застроить площадь*): *стеклить — застеклить, стелить — застелить, конопатить — законопатить и др.: асфальтировать — заасфальтировать, балластировать — забалластировать, гипсовать — загипсовать, гримировать — загримировать, баррикадировать — забаррикадировать, пломбировать — запломбировать, бетонировать — забетонировать: пеленать — запеленать, маскировать — замаскировать, драпировать — задрапировать, кольцевать — закольцевать, бальзамировать — забальзамировать, блокировать — заблокировать и др.*

б) Значение действий, направленных на достижение результатов, предназначенных для перспективного использования (ср. *запродать*): *заготовить дрова на зиму — заготовливать, записать адрес — записывать и др.: бронировать (номер в гостинице) — забронировать, консервировать — законсервировать, конспектировать — законспектировать, мариновать — замариновать, резервировать — зарезервировать: стенографировать — застенографировать, регистрировать — зарегистрировать, визировать — завизировать, кодировать — закодировать, шифровать — зашифровать и др.*

в) Значение добыть, взять при помощи действия (ср. *заработать, завоевать*): *хапать — захапать, манить — заманить, захватить — захватывать, арканить — заарканить, гарпунить — загарпунить и др.: пеленговать — запеленговать, патентовать — запатентовать (взять — брать патент).*

Видовые пары с приставкой *про-* являются в русском языке продуктивными при исходных глаголах со значением сквозной направленности действия, которое имеет и приставка (ср. *проколоть, прорезать*). При этом сквозная направленность действия может носить как предметный (физический), так и временный, линейный характер. Ср. видовые пары глаголов со значением сквозной направленности действия через предмет, вглубь: *буравить — пробуравить, дырять — продырывать, сверлить — просверлить и под. Ср. видовые пары глаголов со значением направленности действия «сквозь» время, от начала до конца, постепенно: читать книгу — прочитать, слушать курс лекций — прослушать. Отсюда: вентилировать — провентилировать, фильтровать — профильтровать, компостировать — прокомпостировать, декламировать — продеklamировать (ср. говорить — проговорить), демонстрировать фильм — продемонстрировать, нумеровать — пронумеровать, цитировать — процитировать,*

штудировать — проштудировать и др.: анализировать — проанализировать, иллюстрировать — проиллюстрировать, телефонировать — протелефонировать, голосовать — проголосовать, инспектировать — проинспектировать и др. Особенно часто используется приставка *про-* в видовом значении при глаголах речи, информации: *информировать — проинформировать, интервьюировать — проинтервьюировать, телеграфировать — протелеграфировать, дублировать — продублировать*, а также при глаголах математического действия: *логарифмировать — прологарифмировать, интегрировать — проинтегрировать, суммировать — просуммировать, дифференцировать — продифференцировать*.

Видовые пары с приставкой *от-* чаще всего представлены глаголами со значением специальной обработки предмета: *ср. отмочить — отмачивать кожу, отделать — отделявать, откатать — откатывать белье и др.: никелировать — отникелировать, редактировать — отредактировать, фрезеровать — отфрезеровать, ремонтировать — отремонтировать, ретушировать — отретушировать, градуировать — отградуировать*. В ряде случаев используется финитивное значение приставки: *мобилизовать — отмобилизовать, салютовать — отсалютовать*. Ср. также *оттиснуть и оттитовать, штамповать — отштамповать*, как *отчеканить — отчеканивать* и др., *ответить — отвечать и парировать — отпарировать, отбросить — отбрасывать и пасовать — отпасовать*.

Видовые пары с приставкой *раз-* распространены среди глаголов со значением действия дробления, действий, направленных в сторону, что соответствует и значению приставки: *делить — разделить, дробить — раздробить, членить — расчленить* и др.: *фасовать — расфасовать, классифицировать — расклассифицировать: кассировать — раскассировать*.

Видовые пары с приставкой *о-* (*об-*) связаны со значением инхоативных и каузативных действий вокруг по поверхности предмета и полноты охвата предмета: *обвязать — обвязывать, окружить — окружать* и др.: *ср. кантовать — окантовать, скальпировать — оскальпировать, сушить — осушить, студить — остудить: поэтизировать — опозитизировать, характеризовать — охарактеризовать, шлюзовать — ошлюзовать*.

Не продолжая подобного перечня видовых пар, отметим, что все двувидовые глаголы с формальной дифференциацией видовых значений при помощи приставок имеют те или иные соответствия в семантических моделях образования видовых пар.

Теперь рассмотрим семантику двувидовых глаголов, которые не проявляют тенденции к формальной дифференциации видовых значений. Они подразделяются на следующие основные типы:

1) Глаголы со значением широкого, массового внедрения, снабжения того/тем, что обозначено именной частью производящих основ или дополнением: а) *европеизировать, ангажировать, социализировать, капитализировать, национализировать, интернационализировать, коллективизировать, германизировать, пролетаризировать, американизировать, латинизировать, славянизировать, профессионализировать* и др.; б) *индустриализировать, электрифицировать, кинофицировать, газифицировать, радиофицировать, механизировать, телефонизировать, паспортизировать, автоматизировать, тракторизировать, химизировать, военизировать, милитаризировать, вакцинировать, орнаментировать* и под.; в) *экипировать, бункировать, костюмировать, казематировать* и др.

Видимо, для перфективации этих глаголов подошла бы приставка *о-* (*обо-*), ср. *облесить, обобществить, обмундировать*, но в русском языке последние глаголы образованы непосредственно от имен и нет модели видовых пар для глаголов со значением широкого, массового внедрения, снабжения того, что обозначено в именной части глагольной основы.

В русском языке образования с приставкой *о-* (*об-*) вообще лексически ограничены: они свойственны либо инхоативным глаголам (*грубеть — огрубеть, гложуть — огложуть*), либо каузативным глаголам, мотивированным именами (*круглый — округлить, человек — очеловечить* и т. д.). При чем значение глаголов сводится к обозначению действий, направленных на наделение качественным признаком, свойством. Приведенные двувидовые глаголы, очевидно, не обладают такой словообразовательной структурой и значением. Поэтому попытки образовать «оспециализировать», «оцивилизовать» не увенчались успехом.

2) Глаголы со значением массового вывода/ввода, расположения, задержки, изъятия того, что обозначено дополнением (обычно во множ. числе): *эвакуировать, импортировать, транспортировать, репатриировать, интернировать, монополизировать, иммигрировать, дислоцировать, рекогносцировать, оккупировать* и др. Трудно подобрать приставочные значения и семантические соответствия в видовых парах приставочных глаголов для этой группы двувидовых глаголов.

3) Глаголы со значением приведения массового и различного к единообразию или системе правил, ограничений и т. д.: *унифицировать, регламентировать, тарифицировать, нормировать, кодифицировать, стабилизировать, лимитировать, стандартизировать, каталогизировать, систематизировать, типизировать, схематизировать, шаблонизировать* и под. Также отсутствуют семантические соответствия в видовых парах русских глаголов (обычно толкуются через сочетания слов: *унифицировать — подвергнуть унификации* и т. д.).

4) Глаголы со значением действий, направленных на полу-

чение частей, элементов, совокупностей, названных в именной части глаголов: *гранулировать, парцеллировать, дозировать, градуировать, детализировать, армировать, штабелировать, брикетизировать, райнировать, эшелонировать* и др. Может быть, для перфективации этих глаголов подходила бы приставка *раз-* (ср. *линовать — разлиновать, крошить — раскрошить*), но она отличается признаком «деструктивности» в русском языке, что не отвечает специфике семантики данных двувидовых глаголов.

5) Глаголы со значением действий, направленных на специальную обработку, переработку предмета с целью получения свойств качеств, соответствующих предметам, названным в именных частях глаголов: *пастеризовать, бактеризовать, стерилизовать, хлорировать, гальванизировать, дистиллировать, анестезировать, рафинировать, витаминизировать; экранизировать, драматизировать, гармонизировать, театрализировать, реставрировать, газировать, шоссировать* и др. Вряд ли приставка *от-*, которая, казалось бы, могла перфективировать приведенные глаголы, соответствовала бы их семантике, так как она придает глаголам значение тщательности действия, совершаемого чаще всего на поверхности предмета (ср. *шлифовать — отшлифовать, никелировать — отникелировать, лакировать — отлакировать*).

6) Глаголы со значением действий, направленных на придание объекту определенного вида, формы, свойств, на отделку предмета подо что-либо или чем-либо (они близки к предыдущей группе): а) *сатинировать шелк, калибровать, сталировать, глазировать, герметизировать, амортизировать, модифицировать, рационализировать, модернизировать, гофрировать, плиссировать, реформировать, специализировать, девальвировать* и др.; б) *идеализировать, романтизировать, персонифицировать, индивидуализировать, фальсифицировать, мистифицировать, канонизировать* и др.; в) *авторизовать, архаизировать, стилизовать* и др.; г) *активизировать, интенсифицировать, тонизировать, стимулировать, терроризировать* и др.; д) *назализировать, лабиализировать, редуцировать* и др.; е) *легализировать, ратифицировать, пролонгировать* и др. Те же причины отсутствия перфективации при помощи приставки, которые были указаны для предыдущей группы.

7) Глаголы со значением изготовлять, делать, производить, составлять, получать предмет, обозначенный именной частью основы: *протезировать* (изготовлять протез), *клишировать, макетировать, микрофильмировать, амальгировать, резюмировать, аннотировать, синтезировать* и др. Вероятно, здесь могла бы быть использована приставка *с-* для перфективации (ср. *делать — сделать, мастерить — смастерить* и т. д.), но она употребляется с глаголами, конструктивный объект которых обозначается отдельными существительными.

8) Глаголы со значением использовать, применить предмет

по назначению, функции, названный именной частью основы: *торпедировать, катетеризовать* (вставлять катетер), *драгировать, тампонировать, детектировать, документировать, аргументировать, мотивировать, бойкотировать, саботировать, массировать, абонировать, абстрагировать, постулировать, идентифицировать* и др. Вряд ли можно подобрать соответствующее приставочное значение, которое соответствовало бы семантике этих глаголов.

9) Глаголы со значением действий, направленных на изменение, определение количества, качества предмета: *тарировать, диагностировать, квалифицировать, дегустировать, аттестовать, темперировать* и др. Такая же причина, как и в предыдущем случае.

10) Глаголы со значением лишения, прекращения или ограничения деятельности, жизни: *ликвидировать, парализовать, аннулировать, атрофировать, изолировать, локализовать, гильотинировать* (ср. *казнить, колесовать, четвертовать*). Эти глаголы обозначают действия, перфективные уже по самой своей природе (их трудно представить в процессе самого осуществления), в русском языке нет соответствующих приставочных значений.

11) Глаголы с приставкой *де-* (*дез-*) в значении «совершать действие, противоположное действию производящего глагола»: *дегазировать, демонтировать, дешифровать, декодировать, деморализовать, децентрализовать, демаскировать* и под. В русском языке есть приставочное значение, аналогичное приставке *де-*: ср. *монтировать — размонтировать, разбронировать, разминировать* и т. д. Однако два одинаковых приставочных значения привело бы к снятию вообще данного значения.

12) Глаголы с приставкой *ре-* в значении «повторно, вновь совершить действие»: *реконструировать, реабилитировать, реэвакуировать* и под. В русском языке также есть приставочное значение, аналогичное приставке *ре-* (ср. *переизбрать, переписать* и т. д.), но два одинаковых значения привело бы к снятию этого значения.

Из других двувидовых глаголов, которые не находят семантических моделей образования видовых пар в русском языке, отметим еще такие, как *делегировать, госпитализировать, этапировать, гарантировать, презентовать* (ср. *даровать, дать — давать*), *титловать* (давать титул), *апеллировать, констатировать* и нек. др.

На наш взгляд, можно выделить еще один фактор устойчивости двувидовых глаголов в русском языке. Мы имеем в виду широкое и самостоятельное образование соотносительных по значению с двувидовыми глаголами существительных при помощи суффиксов *-фикация* и *-изация*: ср. *национализировать — национализация, электрифицировать — электрификация* и т. д.

Существует мнение, что подобные пары, состоящие из имени действия и глагола, создаются параллельно от общей основы, а не подчиняются друг другу в словообразовательном отношении [11/102—104]. Несомненно, это влияет на сохранение и укрепление двувидовости глаголов, имеющих семантические дублиеты среди бесприставочных существительных.

Таким образом, нам представляется, что интернациональный характер многих двувидовых глаголов является следствием прежде всего действующих внутрисистемных факторов в области видового формообразования, но это не исключает и влияния особого положения терминологической лексики в системе языка на ее грамматическое поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Развитие видовых соотношений глагола. — В кн.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы. М., 1964.
2. Авилова Н. С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой. — ВЯ, 1968, № 5.
3. Бирюкова Л. П. Функционирование двувидовых глаголов в современном русском языке. АКД, Л., 1973.
4. Грицкат И. О. неким видским особеностима српскохрватског глагола. — «Јужнословенски филолог», XXIII, 1958.
5. Демиденко Л. П. К проблеме двувидовости в современном русском языке. — В кн.: Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966.
6. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
7. Иванчев Св. Проблеми на аспектиалноста в славянските езици. София, 1971.
8. Мучник И. П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке. ВЯ, 1966, № 1.
9. Мучник И. П. Двувидовые глаголы в русском языке. — «Вопросы культуры речи», III, 1961.
10. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
11. Русский язык и советское общество. Словообразование русского литературного языка. М., 1968.
12. Смирнов Л. Н. Глагольное видообразование в современном словачком литературном языке. М., 1970.
13. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь — справочник. Л., 1973.
14. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии (II). — Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 434. Вопросы русской аспектологии. II, Тарту, 1977.
15. Sedláček I., Sedláčková, Z. Ruská slovesa vidově obojvidá. «Sovětska jazykověda», IV, 1954.
16. Smiešková, E. Dbojvidové slovesá cudzicho pôvodu v slovenčine — «Slovenská reč»; roč. 26, 1961, čís. 4.
17. Netteberg K. Études sur le verbe polonais. Copenhagen, 1953.

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ВИДОВОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Д. Фетискина

В настоящее время в отношении возможности видовой соотносительности стало очевидным, что основной причиной парности или непарности глаголов по виду следует считать влияние способа действия (далее Сп. Д.) на видовую грамматическую семантику.

Вопрос о семантической причине как основной, обуславливающей соотносительность/несоотносительность глаголов, в принципиальном плане был поставлен Ю. С. Масловым в статье «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке» [11]. В более поздней своей работе («Глагольный вид в современном болгарском литературном языке») исследователь указывал на то, что «основной базой этого явления (непарности по виду) надо считать влияние лексики, лексического значения глаголов на грамматическую категорию вида и прежде всего — влияние той стороны лексического значения, которая обобщена в понятии различных способов действия» [12].

Сейчас уже достаточно широко исследована способность глаголов различных Сп. Д. выражать грамматическое значение вида. В работах советских исследователей Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Е. А. Земской, С. С. Григорян, Н. С. Авиловой, Л. А. Быковой, М. А. Теленковой, И. А. Воскресенской, М. А. Шелякина, П. С. Сигалова и др., а также некоторых зарубежных аспектологов (К. Неттеберг, Д. Грубора, И. Польдауфа, Э. Кошмидера) выделены Сп. Д., одни из которых в силу своего значения способны сочетаться лишь с грамматическим значением совершенного вида (одноактный, ограничительный, дистрибутивный, сативный Сп. Д., представленные одновидовыми глаголами совершенного вида), другие оказываются способными сочетаться лишь с грамматической семантикой несовершенного вида (статальный, реляционный, эволютивный, итеративные

Сп. Д., представленные одновидовыми глаголами несовершенного вида). Такие Сп. Д., как финальный, комплетивный, чрезмерно-качественный Сп. Д., сочетаются с грамматическим значением обоих видов и представлены соотносительными по виду глаголами (дочитать — дочитывать, подбросить — подбрасывать «хворосту в костер», переварить — переваривать «мясо» и др.).

Выявлена зависимость видообразования от категории предельности/непредельности, категории, через которую непосредственно осуществляется влияние Сп. Д. на вид. Сп. Д., объединенные предельностью, могут быть представлены как абсолютными перфектива тантум, так и соотносительными по виду глаголами. Последнее обусловлено тем, что предельное действие, связанное с достижением определенного, предусмотренного самой природой этого действия результата [15], может быть представлено и как направленное на достижение этого результата или предела действие (что связано с семантикой несовершенного вида), и как достигшее его (что предполагает семантику совершенного вида) [4]. Непредельные Сп. Д. всегда представлены глаголами абсолютными имперфектива тантум. Это связано с внутренней беспредельностью процессов, выражаемых непредельными глаголами, действия которых вследствие этого не могут мыслиться в своем итоге, результате [11].

Кроме Сп. Д., представленных глаголами абсолютными перфектива тантум и абсолютными имперфектива тантум, а также глаголами с регулярной соотносительностью (таких Сп. Д. в русском языке немного, см. отмеченные выше финальный, комплексный, чрезмернокачественный Сп. Д.), значительное количество Сп. Д. представлено как несоотносительными, так и соотносительными по виду глаголами. См. следующие Сп. Д.: смягчительный (приврать — привирать, но приустать), кумулятивный (насушить — насушивать «грибов», но наглупить), начинательный (закричать, заблестеть, но запеть — запевать), общерезультативный (прочитать — прочитывать, но проголосовать), большинство интенсивных (замечаться, затерзаться, но зачитаться — зачитываться, заиграться — заигрываться; долгаться «до того, что...», но «докуриться — докуриваться «до того, что...») и нек. др.

Общим значением исчерпанности, высокой интенсивности действия объединены, с одной стороны, предельные глаголы эксцессивно-кратного и эксгаустативного Сп. Д. (исстрадаться, изволноваться; убежаться, упрыгаться) [16]¹, а с другой стороны, предельные глаголы эксцессивно-воздействующего и то-

¹ Наряду с широко распространенными в науке терминами Сп. Д. мы пользуемся по отношению к некоторым Сп. Д. терминами, представленными в докторской диссертации М. А. Шелякина (речь идет о Сп. Д., не выделявшихся еще до работ М. А. Шелякина или не имевших своего наименования).

тального Сп. Д. (загрызть — перен., захвалить, застращать; измотать, избить, исстыдить). Однако глаголы первых двух Сп. Д. являются абсолютными перфектива тантум, глаголы последних Сп. Д. могут быть соотносительными (загрызть — загрызаты, захвалить — захваливать; измотать — изматывать, избить — избивать).

Из этих примеров видно, что отношение значения Сп. Д. и предельной семантики к виду отличается большой сложностью. Оно зависит от многих факторов, способных оказывать неодинаковое влияние на видовую соотносительность.

Часто видовая дефективность с Сп. Д. с принципиально возможной соотносительностью объясняется причинами несемантического характера: формальными, фонетическими, диалектными, фактами нереализованности тех или иных форм в системе языка (о таких причинах видовой несоотносительности писали И. А. Калинин, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Ю. С. Маслов, М. А. Теленкова, Л. А. Быкова. О необходимости обращения к анализу несемантических причин видовой несоотносительности в Сп. Д., представленных соотносительными и несоотносительными по виду глаголами, пишет в последнее время Н. С. Авилова [3]). Семантические причины этого явления изучены недостаточно.

Очевидно, что внимание исследователей в таких случаях должно быть обращено на семантические особенности различных групп глаголов с одним и тем же значением (начинательным, интенсивным, результативным, смягчительным и др.), а по отношению к производным глаголам, кроме того, и на семантические особенности различных групп исходных основ, которые способны оказывать неодинаковое влияние на видовую семантику [4].

Аспектологические свойства глаголов характеризованных Сп. Д. (в частности, их видовая соотносительность/несоотносительность) в зависимости от предельной/непредельной семантики исходных основ исследовались М. А. Шелякиным [16]. Обратившись к таким особенностям семантики исходных основ, которыми обуславливается непосредственное взаимодействие вида и Сп. Д., исследователь выделил две разновидности предельных глаголов, имеющих отличное друг от друга отношение к видовой семантике. В одной разновидности предельность действия связана с результативно-целевой направленностью действия. Такие глаголы образуются от предельных основ и могут быть соотносительными (доискаться — доискиваться «причин чего-л.», прочитать — прочитывать «книгу», выпросить — выпрашивать «что-л.», заносить — занашивать «что-л.» и под.). В другой разновидности предельность связана лишь с количественным ограничением действия, ограничением, никак не связанным с внутренним, результативно-целевым развитием действия. Глаголы с

таким значением образуются от неопредельных основ и являются чаще несоотносительными: погулять, побежать, отбушевать (количественно-временное ограничение действия), раскричаться, избегаться, захвастаться (количественно-интенсивное ограничение действия) [16/203—204].

Как отмечает автор, предельные глаголы, внутреннее развитие которых связано с достижением определенного, предусмотренного природой действия одномоментного результата, обозначают активные, контролируемые субъектом действия, которые вследствие этого поддаются обобщению с точки зрения целостного/нецелостного (далее Ц/НЦ) обобщения действия). Неопредельные же глаголы, как отмечалось, исключают какую-либо направленность выражаемого ими действия на предопределенный природой этого действия результат (А. А. Холодович) и лишены той активности, контролируемости действия, которые могли бы предоставить возможность такого Ц/НЦ обобщения. Указанным закономерностям подчиняются и производные от таких основ глаголы различных Сп. Д [16/198].

Выявленная тенденция позволяет объяснить различное отношение к виду приведенных выше групп глаголов, объединенных общим значением исчерпанности, высокой интенсивности действия: соотносительных глаголов эксцессивно-воздействующего и тотального Сп. Д. загрызть — загрызать (перен.), захвалить — захваливать; измотать — изматывать, избить — избивать, которые образуются от предельных основ, и несоотносительных глаголов эксцессивно-кратного и эксгаустативного Сп. Д. истрадаться, изволноваться; убежаться, упрыгаться (глаголы этих Сп. Д. образуются от неопредельных основ). См. также различную возможность видовой соотносительности аугментативных глаголов: разгуститься, разважничаться, но разгореться — разгораться, раскипеться — раскипаться, а также длительно-интенсивных: довеселиться, домечтаться, но доискаться — доискиваться, дозвониться — дозваниваться. Соотносительными здесь являются глаголы, имеющие в качестве исходных предельные основы (гореть, кипеть, искать, звонить), несоотносительными — глаголы, имеющие в качестве исходных неопредельные основы (веселиться, мечтать, грустить, важничать).

Обращение к предельной/непредельной семантике исходных основ с точки зрения ее влияния на видовую соотносительность производных глаголов является дальнейшим шагом в исследовании семантических причин видовой соотносительности.

Однако видовая соотносительность глаголов, образованных от предельных основ, так же как и несоотносительность глаголов, образованных от неопредельных основ, не является абсолютной (на это указывал, в частности, и сам автор) [16/366, 390, 460, 215]. См., с одной стороны, парные образования в эксцессивно-длительном Сп. Д., глаголы которого образуются от неопредель-

ных основ (захлопотаться, забегаться, замечаться, залюбоваться, но засмотреться — засматриваться, зачитаться — зачитываться), финально-следственном Сп. Д. (догруститесь, довольноваться, дощеголяться, но докуриться — докуриваться, доучиться — доучиваться «до того, что...», а с другой стороны, нарушение соотносительности в Сп. Д., глаголы которых образуются от предельных основ, например, тотальном (избить — избивать, но истерзать, изругать), аугментативно-квалификативном (расхвалить — расхваливать, раздразнить — раздраживать, разнежить — разнеживать, но растревожить, разбранить) и ряде др. Сп. Д. Подобные случаи требуют дальнейшего исследования и объяснения.

В аспектологической литературе обращалось внимание на такие семантические факторы, обуславливающие дефективность глаголов, как эмоционально-экспрессивная и стилистическая окрашенность действия [13/92], а также отыменной характер отдельных групп глаголов [6/424—425; 9/36—37; 5/196].

Отметим, что Ю. С. Маслов связывал эмоциональную или стилистически окрашенную передачу действия с семантикой совершенного вида (см. примеры, приводимые исследователем: грубо-иронич. «окачуриться», серьезно-торж. «скончаться», «преставляется») [13/92]. Однако эмоционально и экспрессивно окрашенными могут быть и глаголы несовершенного вида. Значения многих из них связаны с отрицательной оценкой действия: тащиться, шлаться, злиться, браниться, брюзжать, сплетничать и мн. др. Оценочная характеристика, как известно, всегда является и эмоциональной характеристикой, а последняя связана с экспрессией [10/382—390]. Все эти глаголы также дефективны в видовом отношении. Нужно, очевидно, говорить об эмоционально-экспрессивной и стилистической окрашенности действия как о факторе, обуславливающем видовую несоотносительность и глаголов совершенного, и глаголов несовершенного вида, причем не только бесприставочных, но и производных (зашлаться, разозлиться, избранить, добрюзжаться и др.).

Такое же влияние на видовую соотносительность оказывают и отыменные глаголы (некоторые из них могут быть осложнены эмоционально-оценочной экспрессией). См. несоотносительность бесприставочных глаголов несовершенного вида: мечтать, нервничать, желтить, золотить, важничать, кляузничать и несоотносительность производных от них глаголов совершенного вида: замечаться, разнервничаться, изжелтить, иззолотить, закляузничаться, доважничаться [6, 9, 5] (ниже дается объяснение указанным языковым фактам).

С рассмотренными группами глаголов может быть связана видовая несоотносительность в Сп. Д., принципиально не исключаящих семантики обоих видов (см., например, эксцессивно-

длительный Сп. Д.: засмотреться — засматриваться, заспать — засыпаться, но заклеузничаться, забрюзжаться).

В отдельных работах внимание исследователей обращается на семантические причины, позволяющие объяснить видовую парность/непарность различных групп глаголов по отношению к определенным, конкретным Сп. Д. Так, в диссертации Л. А. Быковой, анализирующей видовую соотносительность глаголов несовершенного вида со значением длительного действия, видовая соотносительность связывается с возможностью глагола выражать как длительное, так и кратковременное действие, действие, представленное как отдельное проявление: шутить — пошутить, смотреть — посмотреть. Значение малой продолжительности действия переходит здесь в значение «выполнить действие в один прием». Глаголы длительного действия, не могущего быть кратковременным, иметь значение одного проявления, образуют с приставкой по- формы с детерминативным значением: поболеть, поспать, похандрить [5/86]. Всегда исключают соотносительность глаголы, имеющие лишь расширенно-временное значение ([5/153]. В подобных случаях речь идет о влиянии на видовую соотносительность большей или меньшей возможности временного ограничения действия.

В одной из последних работ Н. С. Авиловой обращается внимание на возможность образования соотносительных форм некоторых интенсивных глаголов специально-результативных Сп. Д., образованных от непредельных основ, в том случае, когда они приобретают значение достижения результата для самого субъекта действия (глаголы со значением доведения действия до отрицательного для субъекта результата: допрыгаться — допрыгиваться, положительного: выспаться — высыпаться) [3/19].*

Большое значение имеет дальнейшее исследование категории предельности/непредельности с точки зрения ее влияния на видовую соотносительность, исследование характера предельности/непредельности в зависимости от лексико-семантических особенностей различных групп глаголов, в том числе, лексико-семантических особенностей различных групп исходных основ производных глаголов. Это позволит ответить на вопрос, почему отдельные группы глаголов, образованных от непредельных основ, могут быть соотносительными, а отдельные группы глаголов, образованных от предельных основ — несоотносительными (т. е. дальше исследовать тенденцию, выявленную М. А. Шелякиным), позволит объяснить видовую несоотносительность производных глаголов, образованных от отыменных основ, а также от основ, осложненных эмоциональной экспрессией (см. стр. 8).

* См., однако, многие несоотносительные глаголы с тем же значением «доведения действия до отрицательного для субъекта результата»: добегаться, довертеться, долетаться; довольноваться (до инфаркта), доплакаться и др.

Нам представляется, что большая или меньшая возможность временного ограничения действия (о которой говорит Л. А. Быкова [5]), влияющая на видовую соотносительность глаголов несовершенного вида со значением длительного действия, также находится в непосредственной связи с различным характером выражаемого этими глаголами неопределенного действия.

Указанный подход к исследованию видовой соотносительности глаголов представляет возможность рассмотреть причину различного отношения к виду глаголов в пределах одного и того же Сп. Д. в широком плане, по отношению ко многим Сп. Д.

Анализ видовой соотносительности ряда характеризованных Сп. Д., представленных соотносительными и несоотносительными по виду глаголами (в первую очередь, интенсивных, а также качественно-результативных, кумулятивного, начинательного, общерезультативного), показывает, что различные группы неопределенных основ, так же как и различные группы предельных основ, в зависимости от характера выражаемого ими предельного/неопределенного действия могут оказывать неодинаковое влияние на видовую соотносительность образуемых от них глаголов.

В Сп. Д., образующихся от неопределенных основ (эксцессивно-длительном: зачитаться — зачитываться, заважничаться; финально-следственном: докуриться — докуриваться, довеселиться; аугментативном: разнервничаться, разыграться — разыгрываться; начинательном: закричать, взреветь, запеть — запевать), исключается видовая соотносительность лишь тех глаголов, которые образуются от основ абсолютных или преимущественных имперфектива тантум. Глаголы этих же Сп. Д., образованные от относительных имперфектива тантум, могут быть соотносительными.

Характерной чертой категории предельности/непредельности, свидетельствующей о ее пограничном положении между лексическими и грамматическими признаками глагола, является, как известно, «подвижность», относительная самостоятельность признака предельности/непредельности, [12/198; 16/216; 219; 14/55]. В результате этого в определенных условиях признак неопределенного действия может сниматься, а неопределенный глагол становиться предельным и наоборот. Абсолютные имперфектива тантум — это всегда неопределенные глаголы. Неопределенный признак выражен здесь ярко, сильно, нейтрализация его полностью исключается или возможна в очень ограниченных условиях и неполно (преимущественные имперфектива тантум).

Абсолютными или преимущественными имперфектива тантум являются следующие лексико-семантические группы основ, чаще всего образующие рассматриваемые Сп. Д.:

статальные основы психических и физиологических состояний: мечтать, нервничать, грустить, терзаться, волноваться, мол-

чать, горевать, плакать и нек. др. (действия этих глаголов связаны с обозначением происходящего на одном уровне, лишённого динамичности состояния, в процессе пребывания в котором ничто не возникает, не изменяется) [8/75]. См. производные от таких основ несоотносительные глаголы указанных Сп. Д.: замечаться, затерзаться, разнервничаться, разволноваться, загоревать, загрустить, домолчаться, домечаться;

статальные и близкие к ним эволютивные основы качественно-характеризующего действия: важничать, жадничать, капризничать, умничать, фантазировать, плутовать, лгать, брюзжать, хвастаться, веселиться, резвиться и мн. др. (действия таких глаголов направлены не на результативное развитие и изменение действия, а на качественно-оценочную характеристику одушевленного субъекта). См. несоотносительные производные глаголы; разважничаться, раскапризничаться, разбрюзжаться, зафантазироваться, захвастаться, залгаться, забрюзжать, закапризничать, доумничаться, долгаться;

основы ненаправленного движения и перемещения: бегать, ходить, ездить, вертеться, кружиться и др. и многоактные глаголы речи и речевых явлений: кричать, ахать, охать, ворчать, трещать, хохотать и мн. др. (значения неопределенно-кратных глаголов связаны с мыслью о постоянстве повторения неопределенного действия и в силу этого — с его беспредельностью, значения многоактных глаголов — с многократным повторением того же самого по качеству действия). См. несоотносительные глаголы, образованные от этих основ: забегаться, закружиться, забегать, добегаться, довертеться, раскричаться, разворчаться и др.

Все рассмотренные группы абсолютных имперфектива тантум исключают не только реальную, но и потенциальную возможность активного, целенаправленного характера действия, с которым может быть связана возможность целостного/нецелостного обобщения действий как исходных, так и производных глаголов [16/203—204].

Часто среди рассмотренных групп выступают глаголы с именной основой. Некоторые из них осложнены, кроме того, эмоционально-оценочной экспрессией (грустить, нервничать, мечтать; жадничать, важничать, умничать, веселиться и др.).

Именной признак, как известно, не имеет иного развития и изменения, кроме количественно-интенсивного (важный — очень важный, архиважный, грусть — сильная, невыносимая). Эта семантика передается и отыменным глаголам. Глаголы важничать, кляузничать, умничать, капризничать несут в себе качественно-характеризующую семантику соответствующих существительных и прилагательных (важный, жадный, кляузник, умник — существительные и прилагательные со значением характеристики поведения субъекта, черт его характера). Действия

этих глаголов, как было отмечено выше, направлены не на результативное развитие и изменение действия (которое исключается в таких глаголах), а на качественную характеристику свойств одушевленного субъекта, совершающего это действие.

Указанные особенности неопределенной семантики являются постоянными для отыменных глаголов, поскольку выражены словообразовательно (именной основой).

Особым образом отмечены (маркированы) также неопределенность у глаголов движения (за счет возможной оппозиции глаголов бегать, ходить и под. с однонаправленными глаголами идти, бежать и под.) и многоактность, расчлененность действия у глаголов речи и звуковых явлений (за счет возможной оппозиции их с одноактными глаголами: кричать — крикнуть, стучать — стукнуть).

Все это препятствует нейтрализации неопределенных значений рассмотренных групп основ, или исключая ее (в основах абсолютных имперфектива тантум) или предполагая эту нейтрализацию в очень ограниченных условиях (см. органиченную возможность употребления в предельном значении глаголов лгать, кляузничать, ябедничать, плутовать, воровать, ненаправленных глаголов движения ходить, бегать, летать и под.). Основным для глаголов лгать, ябедничать, кляузничать, плутовать, воровать является значение расширенно-временного действия. И лишь когда они приобретают возможность конкретного употребления, они приобретают и возможность выражения предельного значения (лгать — солгать кому-л. в какой-то определенный момент, плутовать — сплутовать, кляузничать — наклеузничать на кого-л.) [14/55]. В определенных, очень узких контекстах может возникать предельное значение и у ненаправленных глаголов движения — обязательно при наличии детерминативов, указывающих на предельность движения: Он каждый день ходит в университет; Этот самолет ежедневно летает в Москву.

Такая нейтрализация не может изменить преимущественно неопределенного характера этих глаголов. Предельность в таких случаях остается осложненной неопределенными оттенками качественно-характеризующего, эмоционально-оценочного действия, кратными оттенками. Таким образом, эта нейтрализация осуществляется не только в ограниченных контекстуальных условиях, но и неполно. Например, предельность неопределенно-кратных глаголов в данном случае может быть связана лишь с реальным достижением результата каждого акта повторяющегося действия, исключая направленность действия на достижение определенного результата каждого акта такого действия, что свидетельствует о неполноте такой предельности, слабой ее выраженности. Такие основы оказывают аналогичное с абсолютными имперфектива тантум влияние на видовую соотносительность

образованных от них глаголов (см. приведенные выше группы несоотносительных глаголов, образованные от этих основ).

Эмоциональная экспрессивность действия, «сосредоточивая внимание на факте как таковом» [12/201], в бесприставочных неопределенных глаголах тоже, следовательно, выступает в качестве фактора, усиливающего их неопределенность. С эмоциональной оценкой действия связано качественно-характеризующее значение неопределенных глаголов.

Имеется, однако, большая группа неопределенных основ, нейтрализация неопределенности которых осуществляется свободно. Они широко употребляются как в неопределенном значении, так и предельном (ср.: Он пишет, не мешайте ему; но Он пишет письмо). Неопределенность в таких глаголах нейтрализуется полностью. Ср.: Он хорошо пишет — глагол употреблен в неопределенном значении качественно-характеризующего действия, но Он пишет письмо — глагол имеет чисто предельное значение конструктивного действия, качественно-характеризующее значение полностью нейтрализовано. Это неопределенное значение создается в данном случае лишь контекстом, а не исходной основой глагола писать (в отличие, например, от отыменных глаголов или глаголов, осложненных эмоциональной оценкой: важничать, кляузничать, брюзжать и под.). Отсюда и возможна его полная нейтрализация. Это, как правило, глаголы с собственно глагольной основой (писать, читать, играть и мн. др.).

Подобные глаголы Ю. С. Маслов относит к группе нейтральных в отношении предельности/неопределенности или группе относительных имперфектива тантум (глагольная группа *comptunia*) [12/180, 200].

Указанная нейтрализация возможна в глаголах с ярко выраженным эволютивным характером, особенно в тех глаголах, которые могут иметь неопределенное значение действия с включенным объектом (это значение ближе всех стоит к значению предельному). См. следующие основы относительных имперфектива тантум, образующие глаголы рассматриваемых Сп. Д.:

эволютивные основы со значением конкретной занятости субъекта какой-л. деятельностью (интеллектуальной, физической): читать, учить, играть, петь, рисовать, чертить, писать, лечить, гладить, стирать, курить, пахать и др. (зачитаться — зачитываться, заучиться — заучиваться, разыграться — разыгрываться, запеться — запеваться, докуриться — докуриваться до того, что... и др.);

эволютивные основы целенаправленных зрительных и слуховых восприятий: смотреть, глядеть, слушать (засмотреться — засматриваться, досмотреться — досматриваться до того, что...; заслушаться — заслушиваться, заглядеться — заглядываться, дослушаться — дослушиваться).

По сравнению с абсолютными или преимущественными им-

перфектива тантум неопределенность этих основ представлена значительно слабее.* Эволютивное действие, как известно, сопровождается какими-либо количественными или качественными изменениями в субъекте или объекте [4/27—28], поэтому самый незначительный сдвиг в семантике этих глаголов (особенно в семантике неопределенных глаголов со значением включенного объекта или глаголов типа смотреть, глядеть), нацеливающий эти изменения на определенный результат, приводит к их предельности. Такая предельность представляет возможность для целостного/нецелостного обобщения глагольного действия (и исходного глагола, и производного — М. А. Шелякин). Эта возможность, очевидно, сохраняется и в случае актуализации неопределенных значений таких основ, что и приводит к видовой соотносительности глаголов, образованных от относительных имперфектива тантум.

В Сп. Д. с различным отношением к виду может не исключаться, кроме того, видовая соотносительность глаголов, образованных от неопределенных основ, которые, однако, нельзя отнести к группе относительных имперфектива тантум. См. основы со значением длительного пребывания субъекта в каком-л. состоянии, занятости субъекта каким-л. длительным действием: сидеть, стоять, лежать, спать; жить, гостить, служить, воевать, работать, гулять (засидеться — засиживаться, долежаться — долеживаться до того, что..., зажитья — заживаться, доработаться — дорабатываться до того, что...).

Употребление их в предельном значении очень ограничено. См. употребление их в качестве предельных основ для образования лишь финального Сп. Д.: досидеть, дослужить, доработать и др. [16/489—490]. Однако эти основы отличаются и от рассмотренных выше абсолютных или преимущественных имперфектива тантум. Как и относительные имперфектива тантум, они являются основами собственно глагольного происхождения, не осложненными качественно-характеризующими оттенками (это неопределенное значение создается здесь тоже лишь контекстом: хорошо воюет, хорошо служит, а в некоторых основах оно вообще исключается или возможно в ограниченных контекстах: см. хорошо лежать, хорошо стоять?), эмоционально-экспрессивными признаками и оттенками расчлененности, кратности действий (ср. с рассмотренными выше основами типа кричать, стучать, бегать, ходить, летать и под.). Они широко употребляются в конкретно-процессном значении. Ср. с основами типа важничать, жадничать и под., которые имеют лишь расширенно-временное значение несовершенного вида.

* У глаголов смотреть, глядеть даже в случае употребления их в неопределенном значении сохраняется «нерезультативная» (не приводящая к предельному результату) целенаправленность действия: смотреть на море, глядеть на закат.

Нужно, очевидно, говорить об определенной градации степени выраженности неопредельного признака в различных лексико-семантических группах глагольных основ в зависимости от различной способности этих основ к выражению расширенно-временного или конкретно-процессного действия, статального или эволютивного характера действия, в зависимости от осложненности или неосложненности неопредельного действия качественно-характеризующими, эмоционально-экспрессивными оттенками, оттенками расчлененности, кратности действия. Необходимо учитывать при этом степень возможной нейтрализации неопредельных значений таких основ, а отсюда — большую или меньшую возможность (или абсолютную невозможность) выражения ими предельных значений. От этого может зависеть, как было показано выше, различная возможность видовой соотносительности глаголов с одним и тем же значением Сп. Д. Все эти группы неопредельных основ неодинаково влияют на видовую соотносительность: абсолютные имперфектива тантум исключают соотносительность как на I, так и на II ступени видообразования (видовую соотносительность производных от них глаголов), относительные имперфектива тантум — не исключают соотносительность и на I и на II ступени видообразования (читать — прочитав — прочитывать), последняя группа неопредельных основ исключает соотносительность на I ступени, но предполагает ее на II ступени видообразования (лежать — перфективация такого глагола невозможна, но: залежаться — залежаться).

Среди предельных основ также выделяются основы, различающиеся степенью выраженности предельного признака. С одной стороны, выделяются основы с сильно, полно выраженной предельностью: деструктивные основы [16/202—213]: бить (посуду), пилить, резать, ломать, жевать, колоть и др.; отдельные группы квалификативных основ со значением различных воздействий на неодушевленный и одушевленный объект: стирать, гладить, чистить, калить, парить, варить, сушить, жарить, жечь, носить (одежду), таскать; просить, пытаться, хвалить, дразнить, бить, сечь, мучить и др.; конструктивные основы: писать (письмо), играть (пьесу), петь (песню), клеить (конверты), вязать (шарф), печь (пирог), делать (стол), строить (дом) и мн. др.; основы со значением действий, направленных на различного рода познание, восприятие предмета: искать, читать, слушать, смотреть (фильм); основы со значением действий, направленных на приобретение, получение объекта: брать, копить, дарить и под.

Предельность таких глаголов представлена широко. Они образуют широкий круг Сп. Д. с результативно-целевой предельностью (интенсивные: заучить, избить, нагладить «как следует рубашку», донскаться причин чего-л. и нек. др.; общере-

зультативный: читать — прочесть, точить — выточить, жечь — сжечь; дистрибутивный: перечитать все, перетаскать все; кумулятивный: засушить, наварить, напечь; смягчительный: поддразнить, подучить; завершительный: доносить костюм, довязать шарф). Ряд таких основ выступает в нескольких предельных значениях, например, глагол бить выступает и в предельном значении насильственного воздействия на одушевленный объект и как деструктивный глагол (ср.: бить кого-л., но бить стекло), глагол учить — и в предельном значении воздействия (заучить кого-л. совсем), и в значении действия, направленного на познающее восприятие предмета (учить урок). Предельные значения этих основ, не осложненные никакими оттенками непредельного действия (качественно-характеризующими, эмоционально-оценочными, многоактными и пр.), связаны со значением развивающегося и постепенно изменяющегося результативного действия (предельность пантивных глаголов [8/73]). Такая предельность представляет широкую возможность контролируемости действия, а отсюда — и возможность его целостного/нецелостного обобщения. Рассматриваемые основы не исключают, как правило, перфективации (стирать — выстирать, сушить — высушить, играть — сыграть, читать — прочесть) и видовой соотносительности образуемых от них глаголов.

С такими основами связана видовая соотносительность производных глаголов в Сп. Д., глаголы которых, будучи образованными от предельных основ, не всегда являются соотносительными. См. следующие Сп. Д.:

тотальный: износить — изнашивать, истаскать — истаскивать (об одежде), избить — избивать (кого) и др.; эксцессивно-воздействующий: заучить — заучивать (совсем), застирать — застирывать, захвалить — захваливать и др.; длительно-усилительный: доискаться — доискиваться, допроситься — допрашиваться (с трудом); аугментативно-квалификативный: (расхвалить — расхваливать и др.); результативно-качественные: начистить — начищать, отчистить — отчищать (как следует), выпарить — выпаривать (как следует белье) выписать — выписывать (тщательно буквы) и др.; кумулятивный: засушить — засушивать (грибов), настроить — настраивать (домов), напилить — напильничать (дров); интенсивно-усилительный: выпросить — выпрашивать, высмотреть — высматривать, выискать — выискивать и др.; общерезультативный: прочесть — прочитывать, сжечь — сжигать, разыскать — разыскивать, выточить — вытачивать и др.

Предельность рассмотренных групп предельных основ по своим характеристикам близка к возможной предельности относительных имперфектива тантум. Многие из них сами являются относительными имперфектива тантум (читать, писать, стирать и др.).

С другой стороны, выделяются основы, предельность кото-

рых представлена неполно, слабо, несет в себе оттенки непредельного действия: качественно-характеризующие, эмоционально-экспрессивные, оттенки многоактной расчлененности действия. Чаще всего — это предельные квалификативные основы со значением различных воздействий на неодушевленный или одушевленный объект или субъект действия (многие из них — отыменного происхождения):

глаголы со значением наделения объекта (или субъекта) цветовым признаком, придания ему какого-л. вида, состояния: чернить (исчернить, вычернить), золотить (иззолотить), коптить (закоптить, выкоптить, накоптить), пылить (напылить), хламить (нахламить); алеть (разалеться), краснеть (раскраснеться);

глаголы эмоционального, волевого, речевого, психического и насильственного воздействия: бранить (разбранить, выбранить), злить (разозлить), стращать (настращать, застращать, исстращать), кричать (накричать на кого-л., докричаться кого-л.), стучать (достучаться до кого-л.), срамить (засрамить, иссрамить), волновать (разволновать), терзать (затерзать, истерзать), тиранить (затиранить, истираниить), муштровать (намуштровать, вымуштровать), кляузничать (накляузничать), ябедничать (наябедничать) и под.

В отличие от рассмотренных выше основ, предельное употребление этих основ ограничено. Кроме интенсивных Сп. Д. (и иногда — глаголов общерезультативного Сп. Д.), они не образуют почти никаких других Сп. Д. с результативно-целевой предельностью. Предельное значение каузативного воздействия для многих из них является вторичным по отношению к первичным непредельным значениям: терзать (терзаться), волновать (волноваться), кричать (на кого-л.), стучать (достучаться к кому-л.), кляузничать, ябедничать (на кого-л.). Предельность этих основ, осложненная непредельными оттенками (многоактивными: кричать, стучать, терзать, гонять (загонять слишком кого-л.), качественно-характеризующими: желтить, золотить, хламить и др., в том числе — эмоционально-экспрессивными: стращать, мордовать, кляузничать и под., предполагает лишь значение тотивной результативности действия (нераздельное осуществление результативного действия [8/73], исключая постепенно развивающийся и изменяющийся результативный процесс (трогать — растрогать, терзать — растерзать, бранить — разбранить) [7/78]. Такие глаголы часто исключают перфективацию (пылить, золотить, стращать, бранить) и всегда — видовую соотносительность на II ступени видообразования (видовую соотносительность производных глаголов).*

* Предельность рассматриваемых основ по своим характеристикам соотносится с возможной предельностью преимущественных имперфектива тантум.

В Сп. Д., различные группы глаголов которых, будучи образованными от предельных основ, характеризуются неодинаковой возможностью выражения грамматического значения совершенного/несовершенного вида, такие основы образуют несоотнесительные по виду глаголы (ср. с возможной соотносительностью глаголов тех же Сп. Д., образованных от рассмотренных выше групп предельных основ):

длительно-усилительный Сп. Д.: докричаться, достучаться (но доискаться — доискиваться, допроситься — допрашиваться); тотальный: истерзать, иссрамить, изжелтить (но износить — изнашивать, избить — избивать); эксцессивно-воздействующий: застращать, затиринить, затереть (но застирать — застирывать, залечить — залечивать); кумулятивный: нахламить, напылить (но насушить — насушивать, настроить — настраивать); качественно — результативные: отлаять, отругать как следует, вымуштровать, выбрать (но отчистить — отчищать, выпарить — выпаривать как следует белье); общерезультативный: закоптить, наябедничать (но сжечь — сжигать, прочистить — прочищать).

Таким образом, речь может идти о степени выраженности предельного/непредельного признака в различных группах бесприставочных глаголов, а также исходных основ производных глаголов, что может приводить к различной возможности видовой соотносительности в пределах одного Сп. Д.* Сказанным может объясняться и несоотносительность глаголов, образованных от отыменных глагольных основ, а также основ, осложненных эмоциональной экспрессией (см. стр. 25).

Рассматривая семантические причины видовой соотносительности/несоотносительности глаголов различных Сп. Д., необходимо обратить внимание на внутреннюю организацию семантических признаков, формирующих значения Сп. Д., в системе Сп. Д. и смысловой структуре конкретных глаголов. В семантической системе Сп. Д. признаки интенсивности, результативности, смягчительности, инхоативности, качественности; итеративности действия и др. существуют не в одном Сп. Д., часто они, образуя значение конкретных Сп. Д., могут накладываться друг на друга, пересекаться друг с другом [12/188]. Признак

* В абсолютно несоотносительных Сп. Д. видовой несоотносительность может быть обусловлена лишь значением Сп. Д. См., например, ограничительный Сп. Д., глаголы которого могут образовываться не только от абсолютных или преимущественных имперфектива тантум, но и от относительных имперфектива тантум (поважничать, поволноваться, но: поварить, поискать), однако значение ограничительности предполагает лишь семантику совершенного вида. Многие глаголы эволютивного Сп. Д. также относятся к группе относительных имперфектива тантум и могут, таким образом, быть парными по виду, однако значение эволютивности полностью исключает семантику совершенного вида. Глаголы Сп. Д. с регулярной соотносительностью всегда образуются от основ с сильно выраженной предельностью (см. чрезмернокачественный, финальный, повторительный Сп. Д.).

результативности, например, кроме глаголов с собственно обще-результативным значением (написать, прочитать), присутствует и в глаголах «почернеть», «побледнеть», накладываясь на инхоативное значение этих глаголов и пересекаясь, таким образом, с инхоативным Сп. Д. Инхоативный признак, в свою очередь, кроме собственно инхоативных глаголов (вянуть, сохнуть, бледнеть), может присутствовать и в смысловой структуре некоторых начинательных глаголов (заболевать, загуливать), финитивных (отгивать, отцветать), финальных (догнивать), пересекаясь, таким образом со значением начинательного финального, финитивного Сп. Д. Признак смягчительности, кроме глаголов собственно смягчительного Сп. Д. (прилечь, пообноситься), выступает и в ряде глаголов итеративных Сп. Д. (покалывать, напевать), а также в некоторых глаголах ограничительного Сп. Д. (поварить, погрызть слегка). Широко представлен в семантической системе Сп. Д. интенсивный признак, способный выступать не только в собственно интенсивных Сп. Д., но и наряду с начинательным значением (взречь, вскричать), кумулятивным (надымить сильно, много), качественно-результативными значениями (надраить, вымуштровать, отгладить как следует), осложненно-качественным (выписывать тщательно буквы), итеративным (нахлестывать, отплясывать).

В результате этого значение многих Сп. Д. представляет собой сложное явление, созданное различными наложениями и пересечениями нескольких семантических признаков. При этом различные признаки, формирующие значение конкретного Сп. Д., могут характеризоваться неодинаковым отношением к грамматической семантике вида, а в том случае, когда какой-л. семантический признак пересекается со значением другого Сп. Д. лишь в части его глаголов, различные группы глаголов в пределах одного Сп. Д. оказываются представленными различным набором дифференциальных семантических признаков.

Неодинаковой может быть степень выраженности того или иного признака в смысловой структуре глаголов различных Сп. Д., поскольку он может выступать в качестве обязательного или факультативного, основного или второстепенного. Все это отражает связь и взаимодействие различных семантических признаков в системе Сп. Д. и смысловой структуре конкретных глаголов, и учет этого особенно необходим при исследовании сложных случаев видовой соотносительности глаголов (видовой соотносительности в Сп. Д., представленных как соотносительными, так и несоотносительными глаголами).

Так, например, присутствие инхоативного признака, сочетающегося со значением обоих видов, в некоторых глаголах начинательного и финитивного Сп. Д. обуславливает их соотносительность, хотя основные значения этих Сп. Д. (значение начальной и финитивной фазы действия) исключают значение

несовершенного вида (см.: запить — запивать, загулять — загуливать, заболеть — заболевать; отцвести — отцветать, отгнить — отгнивать). И наоборот, значение одноактности, полностью исключаящее семантику несовершенного вида, присутствуя в некоторых глаголах смягчительного Сп. Д. (вздремнуть, всплакнуть), обуславливает их несоотносительность при общей направленности доминирующего значения смягчительности к видовой соотносительности (см.: приоткрыть — приоткрывать, подлечить — подлечивать и др.).

Как известно, значение интенсивности (особенно высокой степени интенсивности) более легко и естественно сочетается с семантикой целостного, сомкнутого действия. При анализе видовой соотносительности глаголов начинательного Сп. Д. выясняется, что, например, тенденция к несоотносительности признака интенсивности в части его глаголов (глаголов с приставкой вз-) усиливается аналогичной же тенденцией значения начинательности, в результате чего все глаголы со значением интенсивного начала (взречь, вскричать) — абсолютно несоотносительные глаголы совершенного вида (ср. с соотносительностью начинательных глаголов, в которых присутствует признак инхоативности действия: запивать, заболевать).

Наоборот, качественно-результативные и количественно-объемные значения способны сочетаться с грамматической семантикой обоих видов (ср. регулярную соотносительность результативно-качественных глаголов с приставкой пере-: переварить — переваривать, пересолить — пересаливать, а среди количественно-объемных Сп. Д. — регулярную соотносительность комплетивных и финальных глаголов: подрезать хлеба — подрезать, подбросить — подбрасывать дров в огонь; допеть — допевать песню, довязать — довязывать свитер и др.).

Интенсивность, которая часто сопутствует качественно-результативным и количественно-объемным значениям (см. кумулятивный Сп. Д.: наговорить всего, качественно-оценочный: выбелить тщательно стены, отгладить как следует рубашку, интенсивно-качественный: нагладить, начистить как следует, осложненно-характеризующий: выписывать тщательно буквы), обуславливает сложную картину видовой соотносительности в таких Сп. Д.

В зависимости от степени присутствия, с одной стороны, качественных и количественно-объемных признаков, а с другой стороны, признака интенсивности в смысловой структуре глаголов качественно-интенсивных и количественно-интенсивных Сп. Д. (а также отдельных группах глаголов этих Сп. Д.) наблюдается различная степень их видовой соотносительности.

Так, например, более широко признак качества действия присутствует в глаголах осложненно-характеризующего Сп. Д. (выписывать — выписать тщательно буквы, выделять

— выделать с большим искусством что-л.) и качественно-оценочного Сп. Д. (выбелить — выбеливать тщательно стены, отутюжить — отутюживать тщательно брюки) по сравнению с глаголами интенсивно-качественного Сп. Д. (набелить сильно, начистить как следует). Соотносительность первых двух Сп. Д., представлена шире, чем соотносительность интенсивно-качественного Сп. Д. (глагол набелить, например, в ССРЛЯ регистрируется как несоотносительный, но: выбелить — выбеливать). Особенно широко представлена соотносительность осложненно-характеризующего Сп. Д., в котором признак качественности действия выступает на первое место.

С другой стороны, признак интенсивности в пределах одного и того же кумулятивного Сп. Д. сильнее проявляет себя в группе кумулятивных глаголов, образованных от непереходных основ (основ со слабо выраженной предельностью): наглупить, намудрить, надымить сильно, много/ и слабее — в группе кумулятивно-объектных глаголов: наварить много, чрезмерно много (но нельзя: сильно) варенья, засушить много (но не сильно) грибов и др. Первая группа глаголов названного Сп. Д. представлена несоотносительными глаголами, вторая — соотносительным (наглупить, начудить, надымить, но: наварить — наваривать варенья, засушить — засушивать грибов).

Таким образом, говоря о семантических причинах видовой соотносительности глаголов, необходимо учитывать целый ряд семантических факторов, способных оказывать влияние на видовую грамматическую семантику. Основные из них — значение самого Сп. Д. и семантика предельности/непредельности, по отношению к производным глаголам — кроме того — предельная/непредельная семантика исходных основ.

Проблема видовой соотносительности сложна. Особую сложность представляет выяснение причин видовой соотносительности в Сп. Д. с различным отношением к виду, выяснение причин видовой соотносительности/несоотносительности в тех случаях, когда один и тот же Сп. Д. допускает возможность видовой соотносительности и вместе с тем не всегда эту возможность реализует.

Исследование видовой соотносительности в таких случаях невозможно без исследования Сп. Д. как системы, как взаимосвязанных разрядов лексики, поскольку в смысловой структуре многих глаголов значения разных Сп. Д. могут совмещаться, накладываясь друг на друга или пересекаясь одно с другим. Вследствие этого значения многих Сп. Д. представляют собой сложное явление, созданное различными наложениями и пересечениями нескольких семантических признаков (признаков интенсивности, результативности, качественности, инхоативности и др.). В пределах одного Сп. Д., кроме того, отдельные группы глаголов могут отличаться различным набором дифферен-

циальных семантических признаков, а также различной степенью их выраженности. Все это стоит в ряду причин, обуславливающих сложный характер видовой соотносительности в пределах одного Сп. Д.

Дальнейшее исследование категории предельности/непредельности с точки зрения ее влияния на видовую соотносительность глаголов предполагает исследование особенностей предельной/непредельной семантики в различных группах глаголов (см., например, количественно-временную и результативно-целевую предельность, выделенные М. А. Шелякиным). Актуальной задачей аспектологии является исследование связи характера предельности/непредельности (например, различной степени выраженности предельного/непредельного признака) и лексико-семантических особенностей различных групп глаголов или исходных основ производных глаголов, исследование тех особенностей лексической семантики, которые обуславливают различную степень активности называемого глаголом действия [1/13—18; 2/5—19], вневременной или конкретный характер действия, осложненность глагольного действия различными оттенками (качественно-характеризующими, эмоционально-экспрессивными, многоактными и др.), усиливающими его непредельный характер или ослабляющими результативное развитие и изменение действия и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. О глаголах абсолютного несовершенного вида. — В кн.: Русский язык. М., 1975.
2. Авилова Н. С. Об одном типе видовой соотносительности в современном русском языке. — В кн.: Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975.
3. Авилова Н. С. «Способ глагольного действия» и возможности видовой соотносительности глагола. НДВШ. Филол. науки, 1975, № 2.
4. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
5. Быкова Л. А. Несоотносительные глагольные формы несовершенного вида в современном русском языке. Канд. дисс. Харьков, 1956.
6. Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Воскресенская И. В. Взаимодействие лексических и грамматических значений в категории вида современного русского глагола. Канд. дисс., М., 1964.
8. Грубор Д. Из книги «Видовые значения». — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., ИЛ, 1962.
9. Земская Е. А. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.
10. Киселева Л. А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка. Уч. зап. ЛГПИ, т. 281, Л., 1968.
11. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. Изв., АН СССР, Отд. лит. и яз., т. 7, вып. 4, 1948.

12. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. (Значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
13. Маслов Ю. С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языке). — В кн.: Славянская филология, ЛГУ, с. 92. 1964.
14. Ничман З. М. Предельные и непредельные глаголы речи. — В сб.: Лексико-грамматические проблемы глагола. Новосибирск, 1969.
15. Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах. — В сб.: Филология стран Востока. МГУ, 1963.
16. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. Докт. дисс., Л., 1972.

О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ ВИДОВ В РУССКИХ ПРИЧАСТИЯХ

Н. А. Луценко

0.1. В статье сделана попытка проанализировать основные мнения по вопросу о виде в причастиях. Вопрос этот сложен и запутан уже в силу тех обстоятельств, что ни о виде, ни о причастии в лингвистике еще не выработано достаточно четких представлений. Рассмотрение поэтому велось в контексте более широких проблем, что, впрочем, бесполезно для исследования, которым автору предстоит заниматься за пределами данного обзора.

0.2. Разнообразие мнений по вопросу, фигурирующему в заголовке, распределяется между двумя полюсами: первый — подчеркивание (или полагание) того, что вид причастия одинаков с видом глагола; эту точку зрения, учитывая ее распространенность, назовем традиционной; второй — причастия не обладают видом. Во многих случаях, кроме того, вопрос осложняется тем, что в рассуждения вводится понятие времени и семантика причастия определяется как видо-временная; принятие такой позиции, как правило, ставит лингвиста перед необходимостью как-то выразить свое отношение к вопросу: что превалирует в семантике причастия — вид или время? Обсуждение указанных основных пунктов и составит основную часть нашей работы. Другая часть будет посвящена рассмотрению некоторых сопутствующих проблем.

1.1. Традиционная точка зрения, представленная в академических грамматиках, вузовских учебниках и большинстве специальных исследований формулируется следующим образом: причастие обладает видом, оно наследует вид того глагола, от которого образовано. Дальнейший ход мысли ведет лингвиста к одному из следующих заключений:

1) «... нет необходимости подробно останавливаться на проявлениях категории вида в причастиях» (Л. П. Калакуцкая 1971, с. 37; часто этот вывод подразумевается; К. В. Горшкова 1964; Е. С. Истрина 1952, перензд. 1960; Н. С. Пospelов

1955; А. М. Финкель 1965, 2-е изд.; Ф. К. Гужва 1967 и др.*).

2) Видовые значения в причастиях выражаются «так же последовательно и ярко, как в самих глаголах» (А. М. Пешковский 1956, 7-е изд., с. 112; иногда подобный вывод предлагается в качестве результата исследования функциональных особенностей причастия; см. ниже: 2.2.).

3) Вид в причастии — остаточное явление, «результат его словообразовательных возможностей от глаголов обоих видов, а не выражение собственного формообразования» (Е. А. Иванникова 1974, с. 299; эта точка зрения характерна для сторонников адъективного понимания причастия: И. К. Кучеренко 1967; Л. З. Зайцев 1974; А. А. Прокопчук 1971 и др.).

1.2. Сопоставление 2) и 3) отчасти, а внимательный анализ принципов, на которых они основаны, полностью вскрывает противоречивость и методологическую неприемлемость традиционных рассуждений о характере вида в причастиях. Говоря более широко, здесь имеет место случай, когда простота описания (рассуждения) не совпала с логикой научного объяснения и не только повлекла, но и с необходимостью запрограммировала определенные теоретические выводы. Что в данном случае имеется в виду?

Еще Г. П. Павский, обосновывая принадлежность причастия к формам глагола, писал: «... в них [причастиях] остаются признаки залогов, времени и пространства (видов — Л. Н.). Это и служит единственным их отличием от имен» (выделено нами — Л. Н.). И далее: «Если же какое причастие потеряет глагольные качества, то оно тотчас станет наряду со всяким прилагательным именем» (1850, 2-е изд., с. 101). В том же духе высказываются современные лингвисты: «В русском, словацком или чешском языках, — отмечает А. В. Исаченко, — любой глагол не просто обозначает процесс (действие, состояние), а соединяет это значение с понятиями грамматического вида и залога». И несколько ниже: «На этом основании мы вправе отнести именно к глагольным формам (а не к отглагольным образованиям) все те «слова», в которых проявляется грамматическая категория вида и залога» (1960, с. 13).

* Система отсылок, принимаемая в данной работе, преследует две цели:

1) представить хронологию рассмотрения обсуждаемых вопросов; 2) по возможности, без ущерба для полноты изложения, сократить его путем введения в текст указаний, передаваемых обычно в сносках. В скобках поэтому называются: а) автор, год выхода его работы и, если необходимо, — через запятую — страницы; б) год выхода первого издания (если известен) и какое по счету издание использовано в обзоре. В последующем изложении указание на то, каким по счету изданием пользуется автор обзора, не повторяется. В отдельных случаях имя автора и год выхода могут быть замечены номером работы в списке, помещенном в конце статьи. Границы между данными по различным работам обозначаются точкой с запятой. Применяемая нумерация разделов и подразделов призвана сократить систему взаимотсылок.

Все это означает, что, оставаясь на позициях Г. П. Павского, А. В. Исаченко и др., говорить о каких-либо особенностях проявления вида в причастиях — значит рубить сук, на котором только и держится положение о принадлежности причастия к формам глагола. Этот-то сук и рубят сторонники точки зрения «причастие-прилагательное», стараясь доказать, что обладание видом — показатель не глагольности, а отглагольности. «Сохранение видового значения в отглагольных именах и причастиях, — пишет И. К. Кучеренко, — является только остатком глагольного значения вида» (1967, с. 16). Сторонникам же противоположных взглядов ничего не остается делать, кроме того как утверждать, что вид в причастии выявлен так же ярко, как и в глаголе. Ситуация неплохо может быть пояснена словами Н. П. Некрасова: «Находясь под влиянием общего отвлеченного взгляда на русский глагол, нет возможности объяснить в нем ни развития свойственных ему форм в языке, ни их значения без того, чтобы не подчинить того и другого новым общим выводам, непосредственно истекающим не из его сущности, а из того же отвлеченного понятия о глаголе» (1865, цит. по 49, с. 184—185). Что касается выхода из указанных противоречий, то его нужно искать в том, на наш взгляд, действительно научном подходе к проблеме частей речи, который в свое время разрабатывали Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, А. А. Шахматов и др. (см.: 29).

1.3. Отсюда понятно, что традиционная точка зрения на характер проявления вида в причастии — это не более чем запрещение исследовать эту проблему, не что иное как следствие логических противоречий, в которых запуталась теория причастия как класса слов. Постановка и решение проблемы вида в причастии, таким образом, должны основываться на отличных от традиционных принципах его рассмотрения.

Обратимся теперь к некоторым конкретным особенностям толкования семантики причастия, связанным с проблемой выявления в нем видовых значений.

2.1. В пределах и за пределами традиции довольно распространено рассмотрение семантики причастия как видо-временной. В данном плане, например, оставаясь в целом в рамках традиции, говорит о значении причастия В. В. Виноградов (1938 и др.), причем Виноградов подчеркивает при этом доминирующую роль в нем вида (см. ниже). Не отделяя причастие от деепричастия*, то есть на несколько иной основе, эту же точку зрения отстаивает Дж. Форсайт (1970, а еще раньше, чем Форсайт и Виноградов, об этом писал Д. Н. Кудрявский (1916, с. 74). Названные, относящиеся к разному времени работы, разу-

* Ср.: «От глагола у деепричастия категория вида и залога...» (И. Г. Голанов 1965, 2-е изд., с. 224).

меется, только хронологический пунктир в совокупности работ, связанных с указанным подходом. Чем конкретно он характеризуется?

Разговор об этом завязывается вокруг определения, данного в свое время В. В. Виноградовым, и несколько отличной ориентации суждений Ю. С. Маслова.

2.2. В. В. Виноградов формулирует свою точку зрения следующим образом: «В причастиях категория времени тесно связана с категорией вида и до некоторой степени подчинена ей. Значение причастий видо-временное» (1938; 1947; 2-е изд., 1972, с. 224).

Развить данный взгляд, лишенный обоснования, почти в одно и то же время пробовали А. С. Белова (1953; функциональный аспект) и Р. К. Кавецкая (1952; морфологический). Отметим тут же, что ни той, ни другой исследовательнице не удалось преодолеть ограниченность традиции, в силу чего их работы по общей направленности (результату) представляют собой доведение до логического завершения частных аспектов традиционной точки зрения со всеми ее недостатками. Показательно в данном отношении встретившееся у обеих исследовательниц уже известное нас суждение о том, что вид в причастии выявлен так же ярко, как и в глаголе, а также другие, по форме являющиеся выводами, а по логической сути — априорно заданными утверждениями; ср., например, вывод о том, что каждое причастие, как и глагол, подводится под категорию того или другого вида, что причастия, как и глаголы, образуют видовые пары и др. С нашей точки зрения, механический характер подобных заключений совершенно очевиден.

Вместе с тем и Р. К. Кавецкая, и А. С. Белова обращают внимание и на некоторые особенности, относящиеся к специфическому проявлению вида в причастиях. Р. К. Кавецкая, в частности, указывает на отличия, связанные с выражением в формах причастия внутривидовых значений (подвидов; в современной терминологии — способов действия; позднее об этом же говорит Л. Л. Буланин: 1976, с. 155), а также отмечает своеобразие видовой соотносительности в причастных конструкциях*. «Это своеобразие, — пишет Р. К. Кавецкая, — связано с наличием в причастных конструкциях видо-временных значений. В определенных синтаксических условиях (при глаголе-сказуемом прошедшего времени) причастия совершенного вида могут быть соотносительными и с причастиями на -вший, -ший несовершенного вида, и с причастиями на -щий. Например: «Сейчас, в кабинете Кирилла Извекова, Дибич видел удержанный памятью взгляд маленького солдата, сохранивший свою особую

* Здесь мы имеем дело с еще одним случаем, показывающим, как традиционный подход ограничивает возможности интерпретации интересных самих по себе фактов.

черту» (Федин). Сравните, с одной стороны, «сохранивший», а с другой — «сохранявший» и «сохраняющий». Это обуславливает возможность употребления параллельных конструкций с причастиями на -вший, -ший несовершенного вида и с причастиями на -щий (настоящего времени) при глаголах прошедшего времени» (1952, с. 11).

Этот же факт А. С. Беловой используется иначе — как доказательство того, что в причастии категория времени постепенно теряется (1953, с. 20). Вообще же суть рассуждений А. С. Беловой сводится к тому, что во всех анализируемых автором позициях — одиночной препозиции и постпозиции, в препозитивном и постпозитивном причастном обороте — основным значением причастия является вид. Что касается времени, то данное значение выявляется в зависимости от того, в какой форме и в каком контексте выступает причастие. Например, одиночные препозитивные причастия на -щий, -щийся, -вший, -вшийся несовершенного вида при глаголе-сказуемом в прошедшем времени выражают только видовое и не выражают временного значения. При глаголе в форме будущего или настоящего времени причастия первых двух типов (на -щий и -щийся) выражают и вид («процессуальный признак») и время (одновременность). В этой же позиции при глаголе в любой форме причастия от совершенных глаголов, по мнению автора, указывают только на вид. (1953, с. 10—11).

Эти и другие замечания автора интересны тем, что совпадают по общей направленности с рассуждениями, содержащимися, с одной стороны, в более ранней по времени статье П. Бицилли (1941) и, с другой стороны, хронологически следующих за ней работах Дж. Феррела, Е. М. Демьяновой, Дж. Форсайта и др. (соотв.: 1955; 1970; 1970). И только по направленности; поскольку заключения по материалу у названных авторов не совпадают. Феррел, в частности, при анализе семантики причастия склоняется к тому, чтобы рассматривать каждую форму причастия (а также деепричастия) относительно выражения в них вида и времени как имеющую «свой собственный статус» (1955, с. 548). «Возможно, что наиболее яркой чертой с точки зрения языковой системы, — пишет автор, — является разнообразие временных подсистем (или более точно — видо-временных). Подсистема причастий действительного залога отличается от подсистемы причастий страдательного залога. Обе в свою очередь отличаются от деепричастий. В то время как прошедшее время деепричастия и страдательного причастия несовершенного вида очень ограничено в употреблении, прошедшее время действительного причастия несовершенного вида очень широко используется. Иначе говоря, в то время как деепричастия и причастия страдательного залога стремятся ограничиться, главным образом, противопоставлением по виду, при-

частия действительного залога используют временную, а также видовую оппозицию» (там же, с. 545). Практически этому же принципу следует Форсайт, анализируя по отдельности различные типы причастий и деепричастий, однако Форсайт, подобно А. С. Беловой, пытается провести общую мысль о приоритете вида над временем. Иначе оценивает ситуацию Е. М. Демянова: «Сдвиг временных соотношений и относительная видовая независимость между предикатом и атрибутом-причастием говорят о том, что в подобных случаях нарушаются рамки глагольности и это причастие является таковым только по форме. Это еще один из формальных морфологических и синтаксических признаков, отличающих истинное причастие от причастия по форме» (1970, с. 80). В статье П. Бицилли обращено внимание на другой аспект — необходимость учитывать при анализе причастных форм способ восприятия действия субъектом высказывания (в плане зависимости — независимости). Последнее представляется нам особенно важным: Бицилли впервые указывает на необходимость (если связывать замечание автора с более близкой нашему времени терминологией) учитывать при анализе различные аспекты модальности, о плодотворности чего нам в общем плане уже приходилось писать (см. 29 и ниже 4.7).

2.3. Ю. С. Маслов в своем капитальном труде по аспектологии болгарского глагола (1959) также говорит о видо-временных значениях причастий. Аспекты описания, однако, здесь оказываются смещенными в сторону времени; традиционная точка зрения, таким образом, вновь выступает в качестве несколько видоизмененной. Об особенностях подхода Ю. С. Маслова можно судить по его заключительному замечанию к разделу о причастиях, первая половина которого — дань традиции, вторая же — собственно характеристика нового подхода. «... В этой системе (-системе болгарских причастий), — пишет Ю. С. Маслов, — категория совершенного и несовершенного вида получает яркое проявление; по существу именно на виде основываются здесь главные различия во временном значении причастий» (с. 292; выделено нами — Л. Н.). В соответствии с принимаемой позицией («от времени») находится используемая терминология: описание ведется не в терминах видовых значений, а в терминах одновременности — предшествования.

Несколько позднее эти позиции эксплицитно очертил ученик Ю. С. Маслова В. Д. Климонов, отметив: «... Категория времени в ее особом варианте применительно к строю атрибутивного причастия... нераздельна с категорией вида (несовершенство — совершенство действия), и потому есть смысл говорить об особых видо-временных характеристиках страдательного причастия» (1962₁, с. 24). В то же время в работах В. Д. Климонова (ср. 1962₂) обнаруживается и влияние точки зрения В. В. Виноградова, восходящей, как можно полагать, к не-

которым замечаниям А. А. Потебни (вслед за В. В. Виноградовым их цитирует В. Д. Климонов). В. Д. Климонов пишет: «Насколько большое значение имеет категория вида можно судить по тому обстоятельству, что в польском языке страдательные причастия на *n*, *-t* противопоставляются только по виду: нет особых морфологических показателей в строе причастия для обозначения категории времени. В русском языке те суффиксы, которые, как принято думать, указывают на время причастий: *-ом*, *-ем*, *-им*, *-н(н)*, *-ен(н)*, *-т*, фактически указывают на вид» (1962₁, с. 27). Так же, как и Ю. С. Маслов, В. Д. Климонов ведет описание в терминах одновременности и предшества. Это, как выясняется окончательно, и есть те особые видо-временные характеристики, о которых говорилось выше: «... причастие обладает категорией относительного времени (поэтому вид и время сливаются в единые видо-временные значения) ...» (1962₁, с. 32). О русском причастии в таком же плане говорит И. Г. Голанов (1965, с. 216), по принципу «от времени» описывают его семантику Л. П. Калакуцкая, К. В. Горшкова и др. (см.: 1.1. п. 1).

Между или, может быть, над точками зрения В. В. Виноградова и Ю. С. Маслова и их последователей должно быть поставлено мнение Гёрана Якобсона, отметившего: «... мы придерживаемся точки зрения, что время и вид — перекрывающиеся друг друга категории и что не существует точных границ между тем, что мы определяем как выражающее вид или время в глагольной форме (1969, с. 36).

2.4. Сущность вышеизложенного требует выяснения следующих вопросов: 1) имеем ли мы дело с двумя равноценными подходами? 2) если нет, то какой из них более адекватен?

Очевидно, что в данном случае — рассматривая их — не обойтись без рассуждений общего плана. В принципе это стало возможным, на наш взгляд, только после появления работ Е. Куриловича, рассматривавшего вопрос взаимоотношения вида и категории предшества в генетическом и типологическом плане.

Е. Курилович (1972 и др.) устанавливает в частности, что вид по отношению к категории предшества вторичен: «В то время как глагольный вид возникает не во всех языках, — отмечает автор, — категория предшествования свойственна всем» (1972, с. 98). Эта же особенность выявляется и в системном плане. Если говорить, например, об отношении аориста к имперфекту и презенсу (в этой системе, согласно Куриловичу, содержится уже зародыш вида), то первичным как раз будет отношение аорист (предшествование): презенс (одновременность с моментом речи), поскольку имперфект семантически подчинен презенсу (момент прошлого, определенный через отнесение к моменту речи); в отношении же аорист: имперфект аорист выра-

жает совершенность. «Категория вида поэтому, — отмечает автор, — базируется на категории предшествования» (там же, с. 97). Что касается причастия, то различие между видом и предшествованием в нем нейтрализовано, что также указывает, по мнению автора, на близкое родство обеих категорий.

Тезис о нейтрализации в причастии вида и категории предшествования, по всей видимости, приложим к современному русскому (и вообще — славянскому) причастию*. Во всяком случае им можно объяснить отмеченное выше сосуществование описаний на основе принципов «от вида к времени» (Белова, Кавецкая, Форсайт и др.) и «от времени к виду» (Маслов, Климонов, Голанов и др.); причем, видимо, предварительно следует согласиться с адекватностью обоих подходов. Кроме того, традиционные представления о парадигме причастия тоже как будто подтверждают указанный тезис. Ср.: *пишущий* : *написавший* — *писавший*; *читаемый* : *прочитанный* — *читанный*. (Параллельность данных отношений с отношением *презент* : *аорист* — *имперфект*, на наш взгляд, очевидна). Таким образом, многие противоречия и неясности, встретившиеся нам в предыдущем изложении, снимаются данным объяснением.

Однако и в этом случае останутся неразработанными некоторые другие аспекты проблемы вида в причастии, что особенно будет ясно из дальнейшего. В частности, как справедливо отметила Л. П. Бирюкова, «еще не существует исследования, посвященного функционированию видов в причастных формах» (1973, рисс., с. 169). У Дж. Форсайта (1970) и у Л. Л. Буланина (1976) можно найти только отдельные замечания, которые свидетельствуют, что аспект этот важен и интересен. Кроме того, остается, даже если полностью принять теорию Е. Куриловича, а ее, на наш взгляд, еще следует уточнять в деталях, актуальной проблема конкретизации аспектов взаимодействия категории вида и предшествования как в плане парадигматическом (о данном аспекте см. ниже), так и в плане выявления особенностей их отношений в синтагматике. Разумеется, также не менее важен вопрос интеграции общих и частных идей, часть которых уже была рассмотрена выше.

3.1. Пока только точка зрения А. Стендера-Петерсена представляет полюс, противостоящий традиции: причастия не имеют ни времени, ни вида (1937). Занимаясь несовершенными страдательными причастиями прошедшего времени**, Стендер-Петерсен привлекает к рассмотрению ряд новых аспектов, важных независимо от того, как относиться к его концепции.

* У Е. Куриловича об этом прямо не говорится.

** Отметим, что вывод Стендера-Петерсена касается именно данного ряда причастий. Однако, если учитывать, что вопрос о виде данных причастий не выносится за скобки проблемы вида причастия в целом, то такой подход к позициям Стендера-Петерсена вполне правомерен.

Прежде всего, на наш взгляд, заслуживает внимания неучитываемое как до, так и после появления работы Стендера-Петерсена различие типов контекстуального использования причастия. В различных случаях употребления пассивных причастий на *-ный, -тый*, указывает Стендер-Петерсен, речь должна идти о различных функциях одной и той же формы. «У нас нет сомнений в том, — отмечает автор, — что выражение *крапле(н)ные карты* представляет прилагательное, но эта же форма выступает в вербальной функции в следующих предложениях: *Приземистая, широколицая женщина, с крапленным оспой лицом, стирала белье*, Островский, *Как закалялась сталь*, — *Ползли бесконечные полосочки, крапленые черточками ленты*, оттуда же». И далее: «Различие между *истинными* и *неистинными* причастиями является, таким образом, в современном языке мотивированным контекстом различием между адъективизированным (отглагольным) и неадъективизированным (глагольным) употреблением одной и той же причастной формы. Тем не менее оба способа употребления согласуются в том, что глагольное причастие как отглагольное образование лишено категорий времени и вида» (1937, с. 401—402; разрядка автора — Л. Н.).

По мысли автора, выражения *краденные (кем-то) вещи* и *крашенная (охрой) дверь* могут быть соотнесены с выражениями *вещи, которые кто-то украл* и *дверь, которую выкрасили (охрой)* потому, что они не содержат представления о протекании и совершенном виде (с. 402). Позднее Дж. Форсайт по этому поводу заметит, что подобное утверждение «является результатом неправильного уравнивания несовершенности с выражением действия как длительного процесса». И добавит: «Такие причастные формы, будучи далекими от «утраты» видового значения, иллюстрируют, однако, тот основной факт, что глагол несовершенного вида является в каком-то смысле «безвидовым», потому что он просто обозначает тип действия без отношения к его совершенности» (1970, с. 304).

Форсайт, однако, оставляет без возражений аргумент, которому Стендер-Петерсен придает решающее значение: отсутствие причастий, образованных от вторичных несовершенных глаголов типа *раскрашивать, закрашивать, выбивать, разбивать* и т. п. «Именно невозможность их образования, — отмечает Стендер-Петерсен, — является гарантией того, что различие значения между мнимо имперфективными и перфективными причастиями следует искать не в видовой корреляции, а где-либо в другом месте» (с. 403).

В этих поисках важен и положительно поучителен вводимый Стендером-Петерсеном в рассуждения диахронический аспект. Автор связывает вопрос о виде причастий с формированием данной категории, которую он, вслед за Э. Кошмидером

и Н. Ван-Вейком, считает славянским новообразованием. «Я, — отмечает Стендер-Петерсен, — ставлю вопрос таким образом: пыталась ли вообще эта видовая система завоевать так называемое *part. praet. pass.*? И я склонен ответить так: *part. praet. pass.* в русском языке до сегодняшнего дня осталось вне видовой системы, так же как оно собственно никогда не уподоблялось временной системе русского языка» (с. 404). Не войдя в видовую систему, эти формы, как считает Стендер-Петерсен, сохранили за собой унаследованную из древности корреляцию определенности — неопределенности (с. 405).

На наш взгляд, Дж. Форсайт был неправ, упрекая Стендера-Петерсена в том, что тот неправомерно уравнивает длительность с несовершенностью. Дело в том, что несовершенность в чистом (мотивированном) виде — это и есть длительность или процессность. Иначе говоря, именно в таком ранге несовершенность (вместе с совершенностью) вступает в борьбу со старыми отношениями определенных и неопределенных глаголов. Используя некоторые методические идеи Л. Ельмслева, ключевые данные теории Н. Ван-Вейка, И. Немца и др., перипетии формирования видовой системы, как они нам представляются, можно передать таким образом:

вид	{	определенный	{	совершенный
	{	неопределенный	{	несовершенный
			{	многократный

Происходящие при этом процессы (схематически) заключались в следующем:

1) Включение и развитие оппозиции совершенность — несовершенность должно было привести к интенсивному образованию многократных глаголов (в русском языке вершиной такого развития, как известно, явился XVIII в.);

2) Действие тенденции к мотивации (см.: 15а) должно было переводить их в класс несовершенных (невозможность актуального *прочитываю* говорит о том, что процесс не был осуществлен);

3) Действие же консервативной тенденции (15а) должно было приостановить образование (как лексико-семантическое, так и морфологическое) многократных глаголов и сохранить старое деление на определенный и неопределенный виды.

Таким образом, в современном русском языке, как можно заключить, учитывая сказанное выше, представлено равновесие между оппозициями определенности — неопределенности и совершенности — несовершенности. В этом плане заслуживает

внимания попытка обосновать в системе русских глагольных отношений существование среднего, или нейтрального, члена (Шелякин 1975), который, если возвратиться к нашей схеме, представляет в этой системе неопределенность.

В чем же прав и в чем не прав Стендер-Петерсен? Отметим, что Ван-Вейк, на чьи идеи опирается Стендер-Петерсен, указывает на сосуществование и функциональную взаимообусловленность обеих оппозиций (1929; рус. пер. 1962, с. 242), чего, как кажется, к сожалению, не учитывает Стендер-Петерсен. Стендер-Петерсен прав, когда говорит о том, что некоторые элементы языка могли не охватываться системой вида, но не прав, когда, как и другие лингвисты, представляет себе категорию вида в русском языке окончательно сформировавшейся (ср.: Немец 1958, рус. пер. 1962 и др.).

Таким образом, если парадигматически страдательные прошедшие несовершенные причастия и остались в пределах старого отношения определенности/неопределенности (на наш взгляд, указанный выше главный аргумент Стендера-Петерсена — неопровержимое тому доказательство), то при этом они должны сохранять в себе и содержащийся в них зародыш отношения совершенности/несовершенности и в случае необходимости реализовать его синтагматически. Однако в этом, на наш взгляд, еще предстоит разбираться в деталях.

3.2. Заслуживает внимания также попытка объяснения тех же фактов, предпринятая Н. Н. Прокоповичем (1947; то же: 1974). Как и А. Стендер-Петерсен, Прокопович говорит о противоречиях, возникших в языке при вхождении в систему глагольных отношений категории вида, но это не те противоречия, на которые указал Стендер-Петерсен. «В русском глаголе, — пишет Н. Н. Прокопович, — развивалась форма вида, происходила видовая дифференциация глаголов, закрепление за определенными глаголами определенного видового значения. Причастия, образованные от глаголов, за которыми закрепилось значение совершенного вида, не создавали в этих конструкциях противоречия между значениями вида и времени (речь идет о категории предшествования — Л. Н.). Напротив, обозначая действие как ограниченное во времени, они поддерживали значение результативности, присущее этим конструкциям. Причастия же, образованные от глаголов, за которыми закрепилось значение несовершенного вида, создавали противоречие: с одной стороны, в причастии обозначается результат явления, имевшего место до момента речи, но продолжающий существовать в момент речи, а, с другой — несовершенный вид, обозначающий явление не ограниченным во времени и включающий результативность как одну из разновидностей ограничения действия во времени.

Такое положение повело к тому, что в этих (-предикатив-

ных. — Л. Н.) конструкциях страдательные причастия от глаголов несовершенного вида выходят из употребления, а само понятие причастия «прошедшего» времени (т. е. причастия с суффиксами *-н-*, *-т-*) начинает родниться с совершенным видом» (1974, с. 180). В данном случае важно, главным образом, не то, что данное объяснение, как легко можно заметить, не отменяет сказанного Стендером-Петерсеном и наших комментариев к его идеям, а то, что оно существенно дополняет указанное и, кроме того, связывает его (стоит в одном ряду) с рассуждениями Е. Куриловича, с обоснованностью которых мы предварительно согласились выше (2.4.).

* *

*

4.0. Остается рассмотреть ряд проблем, располагающихся отчасти внутри, отчасти вне проблемы вида в причастии, существенных, однако, для уяснения этой проблемы в целом. Таковы: вопрос о видовой парадигме причастия, причастие в его отношении к прилагательному и глаголу и некот. др.

4.1. Относительно первого из названных вопросов можно заметить, что разнообразие представленных по нему мнений основывается на имеющем глубокие основания отсутствии эксплицитных представлений о том, что такое видовая парадигма причастия. Для большинства — имплицитно — это совокупность причастных форм, связанных видовыми отношениями. Варьирование точек зрения по этому вопросу, таким образом, в ряде случаев имеет поверхностный, а в других, однако, и глубокий статус, т. е. касается вопросов более широкого теоретического плана.

4.2. Облегчая представление относящихся сюда фактов, воспроизведем часть таблицы русского глагольного спряжения, разработанной А. Н. Тихоновым (1967, с. 61), в которой переданы именно парадигматические отношения в сфере причастий (литерные обозначения незаполненных клеток введены нами, см. с. 50).

Позицию, отраженную в таблице, можно уточнить, цитируя А. В. Бондарко: «Некоторые глагольные формы существуют лишь в одном виде: действительные причастия настоящего времени — *применяющий*; страдательные причастия настоящего времени — *применяемый*; полные и краткие страдательные причастия от подавляющего большинства глаголов — *примененный*, *применен* (несовершенный вид таких причастий возможен лишь от отдельных бесприставочных глаголов, ср. *битый*, *бит*; *слышанный*, *слышан*; *читанный*, *читан*)» (1967, с. 36). В вопросе о статусе форм типа *читанный* А. В. Бондарко следует за А. В. Исаченко, который считает парадигматическими только формы,

Производные формы \ Исходная форма (инфинитив)			Несовершенный вид	Совершенный вид
			бросать(ся)	бросить(ся)
Причастия	Действительный залог	Наст. вр.	бросай-ущ-ий(ся)	нет (А)
		Прош. вр.	броса-вш-ий(ся)	броси-вш-ий(ся)
	Страдательный залог	Наст. вр.	броса-ем-ый	нет (Б)
		Прош. вр.	нет (В)	брош-енн-ый

образованные от глаголов совершенного вида (типа *прочитанный*) [1960, с. 566]. Более категорично об этих формах высказался Л. Дюрович: «Случай, где суффикс типа -н/т-... сочетается с основой нс/в, являются в принципе прилагательными» [1974, с. 7]. На этих же позициях (Дюровича) стоят В. В. Лопатин [1966], Л. П. Калауцкая [1971] и др.

4.3. Если отбросить чисто внешние отличия, отличия других точек зрения от данной связаны с заполнением пустых клеток, т. е. с расширением состава членов парадигмы. При этом чаще всего заполненной оказывается клетка В. Так, например, В. А. Жеребков и Ю. Л. Левитов, отражая широко распространенное понимание обсуждаемого вопроса, рядом с формой *прочитанный* ставят *читанный*, выделяя, кроме того, в качестве отдельного соотношения пару *читавшийся*—*прочитавшийся* [1976, с. 36]. И. С. Рахманкулова [1958, с. 92], Ю. Ванников и М. Виньярски [1970, с. 60] и др. на место форм типа *читанный* ставят формы рефлексива: *делавшийся*, *решавшийся*. Синтезировано эти взгляды выражены А. Н. Гвоздевым, который [1958, с. 359] дав в таблице, аналогичной представленной выше, рядом с формой *написанный* форму *читанный*, отметил: «В значительном количестве случаев отсутствие страдательного причастия у глаголов несовершенного вида возмещается причастием с частицей -ся, так что получается соотношение их с страдательными причастиями совершенного вида: *тема, изучавшаяся в прошлом месяце* — *изученная в прошлом месяце*; *дверь, запиравшаяся на ночь* — *запертая на ночь*; *убиравшийся* — *убранный*; *закрашивавшийся* — *закрашенный* ... *выдвигавшийся* — *выдвинутый*». Л. Л. Буланин [1976, с. 154], кроме того, в одну клетку с *читаемый* ставит причастие *читающий*. Аналогичные мнения можно найти и во множестве других работ.

На наш взгляд, включение в парадигму причастий явно опре-

деленных — *делавшийся, решавшийся, читавшийся* (хотя, как известно, есть *читанный*) — еще одно подтверждение того, что виды развиваются (см. схему) в системе определенности; в то же время сохранение некоторого числа образований типа *писанный* показывает, что победа совершенности/несовершенности над определенностью/неопределенностью еще не окончательна, что меж ними, как было отмечено [3.1.], установилось определенное равновесие.

4.4. В работах Д. Н. Кудрявского, П. Бицилли, Дж. Форсайта, Л. Дюровича и др. уделено внимание причастию на -щий совершенного вида. (В таблице этой форме должна принадлежать клетка А). Д. Н. Кудрявский, как известно, первый фиксировал появление данных форм и предсказывал им [1912; 2-е изд. 1913, с. 96] в дальнейшем парадигматический статус. Относительно причин их появления совершенно в духе Д. Н. Кудрявского недавно высказался Л. Дюрович [1974, с. 12]: «Есть основания объяснить их возникновение тенденцией — или возможностью — русской причастной системы воссоздать структуру, имеющуюся в личных формах». Интересно также, что и в наше время предположение, аналогичное прогнозам Д. Н. Кудрявского, формулирует Дж. Форсайт: «... вполне возможно, что данная форма может в конце концов стать частью литературного языка» [1970, с. 303]. Однако только П. Бицилли теоретически как-то обосновывает неслучайность подобных форм (*узнающий, вымрущий*) в современном языке.

Факт встречаемости этих форм, отмечает Бицилли, говорит о широких возможностях в русском языке для использования формы на -щий. Эта форма «встречается не только как беспризнаковая от глагола несовершенного вида. Она может быть также образована от совершенного глагола и в таком случае становится маркированной» [1941, с. 257]. В немаркированном употреблении причастие на -щий лишено самостоятельного значения времени. Маркированно эта форма используется для обозначения будущего. Аналогичные отношения автор устанавливает для форм на -ший, только в этом случае маркированной является форма несовершенного вида. Форсайт, присоединяясь к последнему замечанию [1970, с. 310]*, собственно и в своем предположении относительно будущего вхождения в систему совершенного причастия на -щий, видимо, отражает то, как он понимает точку зрения П. Бицилли. Бицилли, однако, нигде не говорит о расширении использования совершенных форм на -щий. Такая позиция, с нашей точки зрения, имеет глубокие внутренние основания.

4.5. Просмотрев зафиксированные в различных работах примеры употребления таких форм, можно заметить, что эти при-

* В данном случае не исключено влияние точки зрения Р. Якобсона.

частия встречаются, как правило, в тексте, передающем ситуацию потенциального плана, и там, где обычно не могут быть замечены причастием несовершенного вида (т. е. немаркированной формой). Ср.: Братьев моих истребленье, тогда неизбежно *падающих* (Жуковский, Отрывок из «Илиады»); Весьма рады, когда кто, *приедущий* из столицы, найдет, что у них точно так же, как в Петербурге (Гоголь, Выдержки из карманных записных книжек); Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не *предъявляющий* никаких свидетельств и паспортов... (Гоголь, Мертвые души) — примеры В. И. Чернышева, см. 45, с. 202; ...трудно сказать, чья пуля быстрее найдет *заинтересующий* ее лоб — ваша или моя (Октябрь, 1967, № 11) — пример В. А. Ицковича — и т. д. Тексты такого рода, как можно проследить по памятникам, уже в древнем письменном языке постепенно заменялись текстами, в которых на месте настоящего совершенного (-будущего) стоит настоящее несовершенное, аорист, а позднее и перфект. Дадим некоторые примеры из разных списков «Повести временных лет». Радз. сп.: По ѿЦѣ РѣЦѣ гдѣ ВТЕЧЕТЬ В ВОЛГУ ЖЕ; Лавр. сп.: ПОТЕЧЕ; Акад. сп.: ТЕЧЕТЬ; ТРОИЦК. сп.: ПО РѣЦѣ ПО ОЦѣ КДѣ ВОШЛА В ВОЛГУ ЖЕ [Обширный аналогичный материал собран А. В. Бондарко: 1962, с. 77 и сл.]. Радз. сп.: АЩЕ КТО МТРѣ НЕ ПОСЛУШАЕТЬ В БѣДУ ВПАДЕТЬ; Лавр. сп.: В БѣДУ ВПАДАЕТЬ; Акад. сп.: АЩЕ КТО МТРѣ НЕ СЛУШАЕТЬ В БѣДУ ВПАДАЕТЬ. Своеобразно этот процесс отражался в языке былин. Ср.:

- [1] *Нырнет* тут Добрынюшка у бережка,
Вынырнул Добрынюшка на другоём.
 [2] Сам же тут Добрыня *приужахнется*,
 Сам Добрыня *испроговорит*:
 «Видно нонечу Добрынюшке кончинушка!»
Лежит тут колпак за земли греческой,
 А весу-то колпак *буде* трех пудов.
Ударил он змею было по хоботам,
Отшиб змеи двенадцать тых же хоботов...

«Добрыня и змей» [Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I].

Ввиду указанных фактов, можно считать, что у формы *на-ищий* совершенного вида нет объективных оснований стать парадигматической. О данной форме можно говорить, видимо, только как о потенциальной [ср. 4.6. и 4.7.].

4.6. Последнюю из оставшихся в таблице клеток, образно выражаясь, заполняют Н. П. Некрасов, Дж. Феррел и С. И.

Небыкова. «Отрицание (грамматикою), — пишет Н. П. Некрасов [1865, с. 257—258], — смысла будущего времени в русских причастиях оказывается особенно несправедливым на форме *мый*, в которой грамматика как будто не подозревает и возможности обозначать будущее время». «Эта форма чаще, чем *ф. наций*, имеет по смыслу и по образованию значение будущего времени; так напр., если форма *поправлю, исправлю* — *поправим, исправим* по грамматике признается за форму будущего времени, то почему же производная от нее форма: *поправимый, исправимый* не может иметь значения будущего времени?» [с. 258].

Подобно Н. П. Некрасову, Феррел находит сходство между системой активных и пассивных причастий в том, что в литературном языке, по его мнению, встречается настоящее причастие совершенного вида. В частности, присутствие в таком тексте, как *Кипучая, могучая, никем не побеждаемая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая!*, творительного агента, отмечает лингвист, исключает попытку объяснить *побеждаемая* как потенциальное отглагольное прилагательное [1955, с. 548]. Если сопоставить это рассуждение с тем, что говорит о подобных образованиях много занимавшаяся ими В. Ф. Иванова, то единственным аргументом против того, чтобы считать данную форму причастием, который можно извлечь из ее теоретических рассуждений применительно к данному случаю (по мнению В. Ф. Ивановой такие образования являются прилагательными), может быть только указание на образование этой формы от совершенного глагола. В. Ф. Иванова считает, что для страдательного причастия настоящего времени «обязателен... несовершенный вид глагола, так как известно, отмечает автор, — что совершенный вид, в том грамматическом значении, которое он имеет сейчас [?!], не сочетается со значением настоящего времени» [1955, с. 76—77]. Об этом же, вслед за В. Ф. Ивановой, говорит В. В. Лопатин: образования типа *устрашимый*, отмечает лингвист, «являются прилагательными уже потому, что причастия настоящего времени от таких глаголов, в силу их грамматической семантики, вообще не образуются» [1966, с. 39]. Очевидно, что указанные авторы не ощущают разницы между понятиями «форма настоящего времени» и «значение настоящего времени»; несовместимость касается только второго и совсем не обязательна для первого: будущее совершенное, как известно, по значению — не настоящее, по форме же — настоящее.

По этому поводу С. И. Небыкова справедливо заметила: «Неясно, почему способность образовываться от основ совершенного вида не может быть признаком причастия?» В. Ф. Иванова обосновывает это положение тем, что грамматическое значение совершенного вида (простое будущее) не может быть свойственно причастиям настоящего времени. Однако этот до-

вод легко опровергнуть: независимый инфинитив или глагол в личной форме совершенного вида с отрицанием (*Здесь не пройди — здесь не пройдешь*) так же, как и рассматриваемые формы на -м-, не являются средством выражения будущего времени; его отношение к временному плану характеризуется выпадением из противопоставления по времени, что не мешает этим формам оставаться в пределах глагольных категорий» [1970, с. 67]. В дальнейшем С. И. Небыкова считает возможным говорить о вневременном страдательном причастии совершенного вида. Если соглашаться с тем, что будущее — это своеобразное наклонение (Курилович 1962), то суждения Небыковой, по всей видимости, — всего лишь отражение этого своеобразия (в них, как можно заметить, отражено иное понимание будущего).

Очень важно указать на то, что в приведенных выше рассуждениях В. Ф. Ивановой с ног на голову поставлен уже известный нам факт, что для современного (и, как мы видели, в значительной степени уже и для древнего) состояния языка не характерны тексты, маркированно ориентированные на будущее. По отношению к формам совершенного вида на -мый данная тенденция отражается в том, что в подавляющем своем большинстве они функционируют только с отрицанием *не*. Эта их особенность проявляется уже в начальном письменном периоде («Материалы» И. И. Срезневского красноречиво об этом свидетельствуют). То же В. Ф. Иванова отмечает для современного языка: «...обычно они... употребляются в соединении с отрицательной частицей не». И далее [!]: «Можно даже говорить об определенном грамматическом типе прилагательных с суффиксом -м-, сложенных с отрицанием, по образцу которых создаются новые и новые слова» [указ. раб., с. 77]. Не-, таким образом, выполняет функцию нейтрализатора маркированности данных форм.

В древнем языке можно найти примеры замены маркированной формы немаркированной в условиях, исключающих нейтрализующее влияние *не*. Ср.: **НО ЛЮБЫ ТВОРИТИ ЕЛИКО ХОЩЕТЬ НЕ ВЪЗДЕРЖИМИ ОТЪ МУЖЪ СВОИХЪ ВЕСЬМА** (Радз. сп. «Пов. вр. лет»); **НО ЛЮБЫ ТВОРАТЬ ЕЛИКО ХОЩЕТЬ НЕ ВЪЗДЕРЖИМИ ОТЪ МУЖЪ СВОИХЪ ВЕСЬМА** [Акад. сп.]; в Лавр. же списке: **НО ЛЮБЫ ТВОРАТЬ ЕЛИКО ХОЩЕТЬ НЕ ВЪЗДЕРЖАЕМИ ОТЪ МУЖИИ СВОИХЪ ВЕСЬМА**. Такого рода примеры еще более подтверждают то, что от древности по направлению к нашему времени действует тенденция переориентации текста: ирреальность (потенциальность) сменяется обращенностью к реальности, в полном соответствии с чем формы, соответствующие ирреальности (неопределенности), переходят в разряд потенциальных или вообще исчезают (ср. замену форм на -мый в украинском и других языках типом *купуваний*). Таким образом, о русской

форме совершенного вида на *-мый* (без не) можно говорить в том же плане, что и об аналогичной ей форме на *-щий*, т. е. как об окказионально-потенциальной.

4.7. Суждения Феррела, как можно заметить, по направленности совпадают с тем, о чем говорит Стендер-Петерсен, и еще более — с аргументами, которые выдвигает Л. Л. Буланин против точки зрения В. В. Лопатина, Л. П. Калакуцкой и др., отстаивая причастный (неадъективный) характер форм типа *крашенный*. Возражая указанным авторам, Л. Л. Буланин отмечает: «Однако как же тогда расценить форму *слышанный* в выражении *легенда, слышанная им от деда?* Дополнение со значением субъекта действия им совершенно однозначно указывает на наличие у этой формы значения страдательного залога; не вызывает сомнения и то, что этой форме свойственно временное значение. Поскольку имена прилагательные, даже отглагольные, не имеют значения времени и залога, мы вынуждены признать форму *слышанный* причастием» [1976, с. 156].

Если попытаться вникнуть в суть этих исканий и столкновений, можно заметить, что все упоминаемые здесь и ранее лингвисты в сущности останавливаются перед одним и тем же вопросом: что такое причастие в плане соотношения формы и содержания? Уточняя ситуацию, отметим, что Стендер-Петерсен говорит об истинном причастии, имея в виду в качестве первичного в нем его глагольный характер. В отличие от него, например, В. В. Лопатин считает, что понятие «отглагольное прилагательное» «позволяет более наглядно выявить органичную связь так называемых «адъективных значений» причастий с прочими («более глагольными») причастными значениями, поскольку причастия, многие значения которых («адъективные») тождественны значениям обычных отглагольных (таких, как прилагательные с суффиксами *-тельн-*, *-льн-*, *-н-*), явно стоят в одном ряду с последними» [1972, с. 192]. В. Ф. Иванова считает образования на *-мый* от глаголов совершенного вида только прилагательными. Дж. Феррел находит возможным говорить о настоящем страдательном причастии совершенного вида...

Как кажется, указанные противоречия разрешаются признанием того, что структура причастия изначально синкретична. Это отметил Д. Н. Овсяннико-Куликовский: «...двойственная форма мысли есть причастие» [1912, 2-е изд., с. 40; ср. Данков 1976]. В выражении «белеющий снег», говорит Д. Н. Овсяннико-Куликовский, «сочетались оба приема мысли, — тот, который дан в выражении «снег белеет» и тот, который дан в выражении «белый снег» (там же). Таким образом, причастие следует признать синкретичной языковой структурой, реализующейся в различных речевых структурах. Характер речевой структуры определяется речевой структурой (модальным планом) текста (ср. выше Стендер-Петерсен 1937). Текст же как единица наи-

высшего языкового уровня (языковая структура) также воплощается в текстах различной речевой структуры. В этом плане различие атрибутивного и вторичного (полу-) предикативного использования причастия изоморфно противопоставлению реальности — ирреальности (потенциальности, субъективности, абстрактности), выступающих с нашей точки зрения, в качестве наиболее существенных характеристик текста. В этом и состоит как раз глубинная сущность суждений Стендера-Петерсена, Демьяновой и в особенности Бицилли.

Синкретизм причастия — это, однако, так сказать, панхроническая характеристика причастия. В определенный исторический период за формой причастия может быть закреплена как доминирующая одна какая-либо речевая структура, другая же остается в потенции или исчезает, что не отрицает возможности ее восстановления (ср. историю украинских и белорусских причастий на -чий). Процесс этот, однако, следует понимать и так, что структура в свою очередь избирает себе форму. Переориентация же частных структур определяется общими сдвигами в системе языка и — опосредованно — в мировоззрении его носителей.

Факты истории русского языка, на наш взгляд, определенно указывают на переориентацию его структуры в сторону «объективизации», или «предикативации». Поэтому в вопросе о русском причастии, видимо, следует согласиться с А. А. Шахматовым, считающим причастие «по преимуществу выразителем предикативно-атрибутивного определения» (1941, 2-е изд., с. 291). Если при этом признавать также справедливым мнение И. Пете о том, что вид является одной из категорий, формирующих предикативность (1970, с. 222), то необходимо признать и релевантность вида для данного класса слов. А это означает, что проблема вида в причастиях продолжает оставаться актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова А. С. К вопросу об употреблении действительных причастий в современном русском языке. АКД, М., 1953.
2. Бирюкова Л. П. Функционирование двувидовых глаголов в современном русском языке. Канд. дисс. Л., 1973.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Бондарко А. В. К вопросу о состоянии видовой дифференциации глагола в древнерусском языке (формы типа *потечеть, внидеть, потекла, вошла* в географических описаниях). — Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1962.
5. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
6. Ван-Вейк Н. О происхождении видов славянского глагола. — В сб. Вопросы глагольного вида. М., 1962.
7. Виньярски М., Ванников Ю. Перевод русских причастий на испанский язык. — В сб.: Вопросы теории и техники перевода. М., 1970.
8. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.

9. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть I. М., 1958.
10. Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М., 1965.
11. Грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1960 (автор главы «Глагол» — Истрина Е. С.).
12. Гужва Ф. К. Современный русский литературный язык. (Словообразование. Морфология). Киев, 1967.
13. Данков В. Н. Страдательные причастия и возвратные формы глагола в составе пассивных конструкций в древнерусском литературном языке (с XI по XIV—XV вв.). АКД, М., 1976.
14. Демьянова Е. М. К вопросу о временном и видовом соотношении между предикатом и атрибутом причастием. — Программа и краткое содержание докладов XII научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русск. яз. Л., 1970.
15. Дюровиц Л. Система причастных и деепричастных форм современного русского языка. — «Russian linguistics», № 1, July 1974, vol. 1.
- 15а. Ельмслев Л. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. — В сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., «Наука», 1972.
16. Жеребков В. А. Левитов Ю. Л. Об атрибутивных причастиях русского и немецкого языков. — В сб.: Вопросы германской филологии. Вып. 3. Калинин, 1976.
17. Зайцев Л. З. Синтаксис полных страдательных причастий в современном русском литературном языке. АКД, Л., 1974.
18. Иванникова Е. А. О так называемом процессе адъективации причастий. — В сб.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., «Наука», 1974.
19. Иванова В. Ф. К вопросу о соотношении причастий и прилагательных в современном русском языке. — Уч. зап. ЛГУ, № 180, филол., в. 21, 1955.
20. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960.
21. Кавецкая Р. К. Конструкции с нестрадательным (действительным) причастием в современном русском языке. АКД, М., 1952.
22. Калауцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., «Наука», 1971.
23. Климонов В. Д. Вид и время в причастиях на -у, -ту, употреблённых в роли определения (на материале современного польского литературного языка). — Уч. зап. ЛГУ, № 316, филол., вып. 64, 1962.
24. Он же. Конструкции с причастиями на -у, -ту в современном польском литературном языке (залог и видовременные значения). АКД, Л., 1962.
25. Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1913.
26. Он же. К истории русских деепричастий. Юрьев, 1916.
- 26а. Курилович Е. Вид и время в истории персидского языка. — Очерки по лингвистике. М., 1962.
27. Кучеренко И. К. Грамматична характеристика деепричастника I його місце в системі частин мови. — «Мовознавство», 1967, № 4.
28. Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. — ВЯ, 1966, № 5.
- 28а. Он же. К вопросу о словообразовательном статусе причастий. — Актуальные проблемы русского словообразования, II, Самарканд, 1972.
29. Луценко Н. А. Об изучении вида и других категорий причастия (замечки о состоянии и перспективах) (машинопись).
30. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
31. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
32. Небыкова С. И. Модальность необходимости и возможности в

- современном русском языке (на материале научной литературы). — «Вестник Московского университета», филология, 1970, № 4.
33. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
 34. Немец И. Генезис славянской видовой системы. — В сб.: «Вопросы глагольного вида», М., 1962.
 35. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
 36. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. О глаголе. СПб., 1850.
 37. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке. «Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae», XVI, 1970.
 38. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
 39. Поспелов Н. С. Соотношение между грамматическими категориями и частями речи. — В сб.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
 40. Прокопович Н. Н. Вид в страдательных причастиях. — В сб.: Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974.
 41. Прокопчук О. О. Про дієслівні граматичні значення німецьких дієприкметників. «Іноземна філологія», Львів, вип. 23, 1971.
 42. Рахманкулова И. С. О видовом значении причастий в современном немецком языке. — Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. XVI, 1958.
 43. Современный русский язык. Часть II (Морфология и синтаксис). Изд-во МГУ, 1964 (автор главы о глаголе — Горшкова К. В.).
 44. Тихонов А. Н. О границах русского спряжения. РЯШ, 1967, № 1.
 45. Трофимов В. А. Современный русский литературный язык. Морфология. Л., 1957.
 46. Финкель А. М., Баженов Н. М. Курс современного русского литературного языка. Киев, 1965.
 47. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
 48. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Вып. I. Воронеж, 1975.
 49. Щеулин В. В., Медведева В. И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965.
 50. Bicilli P. Die Funktion der Partizipialformen auf -ий in der russischen Literatursprache. Zeitschrift für slav. Philologie, 17, Leipzig, 1941.
 51. Ferrel J. Exeptionalism in phenomena on the periphery of the linguistic system. «Word», vol. 11, № 4, 1955.
 52. Forsyth J. A Grammar of Aspect. Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970.
 53. Hebbel F. Einige Bemerkungen zum Problem der Neutralisation der Aspektopposition im Russischen. Pädagogische Hochschule «Karl Liebknecht» Potsdam, 16, 1972, Hft. 2.
 54. Kuryłowicz J. Miesce aspektu w systemie koniugacyjnym. In: Symbolae polonicae in honorem Stanisłai Jodłowski. Wrocław, 1972.
 55. Jakobson G. The use of gerund and active participles in modern Russian newspapers, Göteborg, 1969.
 56. Stender-Petersen A. Das russische part. praet. pass. von imperfektiven verben. Acta Jutlandica 9 : I, 1937.

ПОСТРОЕНИЕ ТЕКСТА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРИЧАСТИЯ

(В СВЯЗИ С АНАЛИЗОМ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫХ
ЗНАЧЕНИЙ)

Н. А. Луценко

Верификация эмпирических данных путем соотнесения их с логико-дедуктивными посылками показывает, что включение в текст тех или иных элементов (форм, структурных особенностей) определяется в основном отношением их к таким двум универсальным оппозициям.

1. Центр — периферия. Ср. **Он подошел и сказал и Подойдя, он сказал.** Один из элементов сообщения «убирается» на периферию, этим детерминировано использование в конструкции деепричастия.

2. Общее — частное. Ср. **Повар должен хорошо разбираться во вкусовых качествах продуктов и Повар подошел к плите.** Употребление в первом предложении слова **повариха** возможно только при нейтрализации его коннотативных оттенков, в то время как во втором предложении оба слова могут быть использованы свободно. (Ср. также невозможность использования формы совершенного вида в предложениях типа **Человек дышит легкими** и т. п.).

Уже на основании данных примеров можно заметить, что первая из данных оппозиций определяет более характер синтаксической конструкции, вторая — выбор формы, или точнее — выбор категориального оформления слова.

Отношение причастия (материал ограничиваем областью действительных причастий) к указанным оппозициям выявлено следующим образом.

Оппозиция 1. Причастия как класс слов обслуживают преимущественно периферию, им соответствуют вторичные (побочные, сопутствующие тому, что должно в первую очередь привлекать внимание) элементы сообщения. Трансформация переводит причастие в иной класс — личных форм, для которых

первично обслуживание ключевых элементов сообщения (**Отец приехал**). Конструктивно периферийность сохраняется, однако подчинение происходит по образцу первичных предикативностей. (Ср. **Отец, который приехал вчера, еще спал**). Использование причастия в качестве единицы, обслуживающей центральные элементы сообщения, затруднено и требует специальных условий (см. ниже).

Оппозиция 2. Общее предполагает изолированное использование формы; причастие в этой позиции встречается, однако здесь оно переходит, согласно традиционным взглядам, в прилагательное. Ср. **цветущий вид, блестящие успехи, знающий инженер**; или в терминологии: **пишущая машинка, действующая модель** и т. п. Таким образом, общее — область адъективного использования причастия. Отсюда следует, что причастие обладает более конкретной семантикой, чем прилагательное. Общее значение причастия определяется, следовательно, его периферийностью и конкретностью.

Посмотрим теперь, какие признаки приносят в это значение категории рода, числа, падежа, с одной стороны, и какие изменения в связи с этим происходят в глагольных категориях вида и времени — с другой.

Категория рода, как можно заметить, не релевантна относительно двух указанных оппозиций, однако она связана с проявлением такой оппозиции, как актуальность/неактуальность, которую, видимо, следует считать функциональным вариантом на пути к абстрактному содержанию оппозиции общее/частное. Как известно, род охватывает только область прошедших (неактуальных относительно действия) глагольных форм: **писала, написала, извинился, пришла** и т. п. Это позволяет дополнить перечень признаков причастия характеристикой «неактуальность». Итак, значение причастия — периферийное (побочное) конкретное неактуальное действие.

Число — категория, общая для глаголов, прилагательных, причастий, существительных и т. д. Следовательно, число тоже не связано с отношением к оппозиции периферийность/непериферийность. Вместе с тем эта категория находится в связи с реализацией оппозиции конкретность/абстрактность. По наблюдениям лингвистов, сфера множественности абстрактна, сфера единичности конкретна¹. Следовательно, поскольку причастие обладает формами числа, формы pluralis должны характеризоваться определенным сдвигом в сторону абстрактности (ср. **отравляющее вещество — отравляющие вещества, моющее средство — моющие средства** и т. п.). Данному процессу, однако, всегда противостоит большая или меньшая конкретность причастных суффиксов (и вообще — аффиксов), в силу чего он может быть почти неощутим. Ср.: Когда Катерина Львовна проходила по кори-

дору... она наткнулась на две или три пары, не дававшие ничем себя заметить издали (Лесков, Леди Макбет Мценского уезда).

Категория падежа связана с двумя оппозициями — периферийностью/непериферийностью и актуальностью/неактуальностью. Вторая из них симметрична (вне оппозиции общее: частное) противопоставлению прямой — косвенные падежи. (В этой связи следует должное внимание придать значению конструкций типа **Меня заметили, Его поблагодарили** и т. п.). Почти то же можно сказать и об отношении периферийность/непериферийность: прямой — косвенные падежи, но только в данном случае периферийность соотносится с непрямыми падежами (что очевидно), а непериферийность с прямым. Переkreщивание этих отношений обуславливает сдвиг в сторону актуальности (**мальчик, читающий книгу**) или абстрактности (**читающий мальчик**).

Таким образом, есть основания рассматривать род, число и падеж (падеж, как видно, в первую очередь) не как «заимствованные» у прилагательного, а функционально и системно обусловленные категории, — детерминированные вхождением причастия в совокупность средств, обслуживающих зону периферийности. (Все тут, однако, диалектично, и указанные акценты в причастии могут быть смещены не только функционально, но и в системно-структурном плане).

Категория времени отношения к оппозиции актуальность/неактуальность выражает различием абсолютного и относительно-го времени (оппозиции эти, однако, не накладываются полностью друг на друга). Закономерно поэтому, что временная зона причастия — область относительного времени, что особенно подчеркивается некоторыми лингвистами². Функциональное взаимодействие с категорией падежа и прочими средствами актуализации обуславливает структурно-речевое деление неактуальное настоящее: актуальное настоящее. Пример последнего: Зеркальные стекла. Шикарный подъезд. Швейцар, **блестящий**, как коробка со шпротами. А давно ли здесь была общественная столовка, суп из требухов, тощая кассирша...? (Четвериков, Атава). Актуальность в данном случае, однако, не совсем та, что присутствует в личной форме. Как можно заметить, это фоновая, или статическая актуальность. Ср. еще: Вот она парижская необязательность, язычок огня, традиция, уходящая к временам Вийона (Лит. газета от 8/XII 1976 г.). Отношение к двум другим оппозициям вкратце состоит в следующем. 1. Общее: : частное. Область общего исключает субкатегоризацию форм по времени (примеры см. выше). 2. Периферийность/непериферийность взаимодействует с семантикой формы непосредственно (неактуальность) и опосредованно (актуальность).

Отражение упоминавшихся оппозиций в категориальном значении причастия определяет также характер его аспектуальной

загруженности. В частности, уже из сказанного можно заметить, что сфера передаваемых причастием аспектуальных значений не может не быть суженной, подобно тому, как это наблюдается в формах императива или сослагательного наклонения³. Дедуктивно-логически следует, что эта область должна быть ограничена совокупностью аспектуально-релятивных (неактуальных) значений. В этом убеждает и беглый анализ материала. Ср.: Мужик, насыпавший яблоки, ест их с сочным треском одно за другим, но уже таково заведение — никогда мешанин не оборвет его... (Бунин, Антоновские яблоки). В данном случае, как видно, реализуется качественно-характеризующее, а не обычное для личных форм конкретно-процессное частновидовое значение. С другой стороны, можно полагать также, что соотносительные аспектуальные значения причастий должны стоять несколько ближе к полюсу видовой синонимии, чем к полюсу видовой антонимии⁴.

Периферийность/непериферийность и целостность/нецелостность (выше шла речь об отношении к актуальности/неактуальности) взаимодействуют следующим образом. Объективно нецелостное действие вследствие включения его в зону периферийности воспринимается как предшествующее. Ср.: **Висящая лампа упала**. Как видно, в данном случае имеет место результат, функционально предопределяемый, как правило, только семантикой целостности. Периферийность, следовательно, связана с тем, что можно назвать дейктической (в отличие от семантической) целостностью формы. Непериферийность и актуальность, как это понятно, подобный результат исключают. Реализация оппозиции **общее: частное**, в области вида представленной прежде всего отношением инфинитивов (ср. **Писать легче, чем говорить** и **Написать легче, чем сказать**), в области причастий связана с полупредикативным/неполупредикативным (адъективным) употреблением причастий (ср. выше). Сдвиги относительно целостности/нецелостности, однако, при этом не наблюдаются.

Таковы самые общие замечания, которые можно сделать о причастии и совокупности его категорий, прежде чем приступить к конкретному анализу какой-либо из них. Можно заметить, что формулируемым ключевым положениям следует придавать общий характер, поскольку в данном случае ориентация на важный для нас аспектуально-темпоральный анализ причастий была сознательно отодвинута на второй план.

В заключение отметить, что сказанное, разумеется, — только первое приближение к комплексу проблем, связанных с изучением категорий причастия. Задачей данной статьи было наметить некоторые ориентиры в указанном комплексе и — отчасти — указать пути, по которым следует идти дальше.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Кошечая И. Г., Лукашенко И. Г. Категория числа. — *Ceskoslovenská rusistika*, 1972, 2, с. 50.
2. Ср.: I. Němec. K vývoji funkcí infinitivu v češtině a v litevštině. *Slovo a slovesnost*, 1977, № 4, с. 276.
3. См.: Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности). Автореф. докт. дисс., Л., 1972, с. 14—15.
4. Понятие видовой синонимии развил в указанной диссертации М. А. Шелякин. См. также: Шелякин М. А. Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме синонимии видов). — *Филологические науки*, 1976, № 3. Частные видовые значения в их отношении к понятиям видовой синонимии и антонимии описаны в работе: Maslov J. S. Zur Semantik der Perfektivitätsopposition. — In: *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 20, Wien e. a., 1974, S. 107—122.

ТЕРМИНАТИВНО-ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ И ТЕРМИНАТИВНО-ИНТЕНСИВНЫЕ СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин

I

В русском языке выделяется большая группа префиксально-постфиксальных глаголов, образованных от неопределенных глаголов при помощи 6 приставок и морфемы *-ся* и имеющих общий семантический признак крайней степени продолжительности (повторяющегося или длительного характера) либо интенсивности в проявлении действия исходного глагола: *нагуляться, заговориться, раскричаться, добежаться, исхулиганиться, убежаться*. Семантически к ним примыкают глаголы с приставкой *пере-* типа *переработать, переволноваться* и под. По словам В. В. Виноградова, у этих глаголов «лексических значений и оттенков столько же, сколько разных приставок, служащих совместно с *-ся* способом образования новых глаголов и выражающих предельную полноту проявления действия с теми или иными семантическими оттенками... Глаголы этого типа нуждаются в детальном анализе» [2/636]. Таким образом, можно говорить об особой группе морфемно характеризованных способов действия со значением предельно- (терминативно-) — количественного осуществления действия, определяющим семантическую природу совершенного вида глаголов: в них продолжительность или интенсивность действия рассматривается как достигшее крайней степени (границы), что и фиксируется совершенным видом. Они едины не только со стороны своего аспектуального значения, но и своими словообразовательными связями и функцией постфикса *-ся*, — образуются от непереходно-неопределенных глаголов со значением действий лиц и указывают на интенсивную активность действий в сфере их производителей (ср. разницу в степени выражения интенсивности у непереходных глаголов *стучать* и *стучаться*).

Каждая приставка в соответствии с первоначальным пространственным значением вносит в исходный глагол свой признак предельно-количественного проявления действия. Так, несомненна связь предельно-количественного значения приставки *на-* со значением направленности действия сверху на поверхность предмета, откуда возникло значение «вверх, до верхней границы». Об этом еще писал Н. П. Некрасов [6/212], в последнее время доказал данную связь значений П. С. Сигалов [7/137—138]. Неслучайно глаголы типа *нагуляться* были названы сативными (термин принадлежит Дж. Грубору [3/74]).

Одним из пространственных значений приставки *за-* является, как известно, указание на далекую направленность действия во внутренние пределы предмета (*зайти далеко в лес*, но ср. *войти в лес*). Это значение легло в основу ее количественных и временных значений (ср. значение временной перспективности результата действия в глаголах типа *засолить огурцы на зиму*, значение сукцессивности в глаголах типа *загость, запить*), в том числе и чрезмерно-длительного значения, ср. *засидеться в гостях*.

Есть все основания предполагать, что приставка *из-* отличалась от синонимичной приставки *вы-* и признаком указания на далекую отдаленность при выражении обратной направленности действия по отношению к внутреннему пространству. По наблюдениям Т. В. Дыбиной [4], приставка *из-*, наряду со значениями приставки *вы-*, имела в старом языке следующие специфические функции: распространения действия последовательно с предмета на предмет, перемещения через предмет и направленности движения мимо чего-либо, т. е. в приставке *из-*, вероятно, был семантический признак далекой направленности действия, который отсутствовал в приставке *вы-*. Б. Ляпунов на основании семасиологического и этимологического исследования приставки *из-* в славянских языках пришел к выводу о том, что в значении «исчерпывающего действия» она сильнее передает действие без остатка, чем *вы-*, в которой преобладает признак выделения [5]. Отсюда возникло чрезмерно-кратное значение приставки: *изолгаться, извороваться* и под.

Также очевидна связь количественно-интесивного значения приставки *раз-* с ее первоначальным пространственным значением направленности действия в разные стороны (ср. *разойтись* и *раскричаться*), количественного значения приставки *до-* (ср. *догуляться до беды*) с пространственным значением направленности действия на достижение границы предмета и количественного значения приставки *у-* с пространственным значением удаления, из чего развилось значение полной исчерпанности действия (ср. *уйти, утонуть, угаснуть, устыдить, укутаться* и *убегаться*).

Каковы же аспектуальные и словообразовательные особенности каждого терминативно-продолжительного и терминативно-интенсивного способа действия в современном русском языке?

II

1. **Сативный способ действия** образуется главным образом при помощи приставки *на-* и постфикса *-ся* (ряд глаголов образуется от глаголов, уже имеющих в своем составе *-ся*: *любоваться* — *налюбоваться*, *купаться* — *накупаться* и т. д.). Практически любой непредельно-непереходный глагол русского языка со значением действия лица способен образовать сативный способ.

Контексты употребления сативных глаголов показывают, что они обычно сочетаются с адverbиальными показателями типа «вдоволь», «досыта», «вволю», «достаточно», «слишком много», «до (сумасшествия)», «до (утомления)» или встречаются в конструкциях типа «до того..., что...», «так..., что» со значением различных следствий. Ср. «Наборовшись досыта, пересказавши друг другу всевозможные анекдоты о силе, они начинали придумывать, как бы уразнообразить день» (Салтыков-Щедрин); «(Настя), Ну, вдоволь налюбезничались?» (Леонов); «Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю» (Тургенев); «— Сядь же ты, папа! Что ты все ходишь? — сказала Соня. — Нет, нет, я достаточно уже насиделся» (Караваева); «Наскучавшись таким образом почти до сумасшествия, он наконец не вытерпивал» (Писемский); «Я до того захлопотался и набегался, что даже заболел» (Чехов) и под.

Указанная адverbиальная валентность сативных глаголов объединяется по признаку указания на предельно-количественную оценку продолжительности (с возможным оттенком интенсивности) действия с точки зрения активности субъекта в осуществлении действия или его пребывания в состоянии. Эта оценка может быть представлена в выражении или полного удовлетворения продолжительностью действия или крайней степени активности субъекта. И та и другая оценка количественного проявления действия рассматривается в качестве причины прекращения действия и различных его следствий.

Особенность сативного способа заключается в том, что он представляет повторяющееся или длительное проявление действия в течение большого промежутка времени как суммарное, сведенное в целостное единство через ту или иную субъективную оценку количества действия. Поэтому сативные глаголы обычно сочетаются с временными показателями, локализуемыми время повторяемости или длительности действия. Ср.

«Не следовало сегодня ходить удить, довольно наудились за лето» (Никандров); «— Нет, барин, ты выпусти нас, настрадались мы тут в неволе» (Г. Марков) и под. Этой семантической особенностью сативных глаголов мы объясняем отсутствие у них имперфективных форм. Как замечает А. В. Бондарко, «отмечаемые в некоторых случаях словарями формы несовершенного вида (у сативных глаголов — М. Ш.) малоупотребительны или носят искусственный характер» [1/19]. Суммарность как объединение в одно целое объективно повторяющегося или широко локализованного длительного действия не поддается пониманию в плане конкретно-процессного либо неограниченно-кратного действия несовершенного вида.

К сативным глаголам относится ряд образований с приставкой *вы-* и постфиксом *-ся*: *плакать — выплакаться, спать — выспаться, бегать — выбегаться* (сл. Даля), *кричать — выкричаться, лежать — вылежаться, сидеть — высидеться, гостить — выгоститься* и нек. др. Сл. Даля последовательно характеризует данные глаголы через показатели «вдоволь», «вволю», «досыта» и толкует их сативными глаголами с приставкой *на-* (*выкричаться — «накричаться вволю», выбегаться — «нагуляться вдоволь»* и т. д.). Литературные примеры также показывают сативное значение этих глаголов, но оно всегда относит действие к одному временному моменту. Об этом свидетельствует и образование имперфективных форм от ряда глаголов значений неограниченно-кратных действий: *вылежаться — вылеживаться, выспаться — высыпаться*. Ср. «Я быстро сообразил, что лучше всего спрятаться за высокой спинкой трона и там высмеяться вдоволь» (Куприн); «За всю войну она только два или три раза выпалась досыта, у нее постоянно был удручающе утомленный вид» (Панова); «— Ничего, — отвечала она, всхлипывая, — не мешай, дай выплакаться...» (Гончаров).

2. Чрезмерно-кратный способ действия. Данным термином мы обозначаем глаголы, образованные при помощи приставки *из-* и постфикса *-ся* от двух типов исходных глаголов: а) неопределенных глаголов со значением действий, характеризующих постоянное поведение субъекта (многие из них на *-нича-*): *бродяжничать — избродяжничаться, вольничать — извольничаться, мошенничать — измошенничаться, бездельничать — избездельничаться, важничать — изважничаться*, в сл. Даля *избарышничаться, извертопрашиваться, измодничаться, изгостейничаться* (*гостейничать — «проводить время в гостях»*) и др.; *воровать — извороваться, ездить — изездиться, поститься — испоститься, лениться — излениться*, в сл. Даля *иззаботиться, излюбиться* («истощиться в любви»), *исскитаться, изъязыкаться* и др.; б) неопределенных глаголов, употребленных в неограниченно-кратном значении, ср. «Высыплет первая весенняя зелень, на кото-

рую можно будет выгнать изголодавшуюся за зиму скотину» (Мамин-Сибиряк); «Канал был готов раньше назначенного срока, хотя первое время Казанский измучился и исплевался, обучая вчерашних кочевников держать лопату» (Паустовский); «Я совсем изнервничался, меня задержали японцы, и еще больше свое начальство» (Степанов).

Подобные образования многочисленны и, можно сказать, неограниченны: любой глагол, употребленный в кратном значении действия лица, способен образовать чрезмерно-кратный способ действия. Толковые словари русского языка приводят небольшое количество таких глаголов: *избегаться, изболеться, избрюжаться, изволноваться, изворчатся, изголодаться, изгореваться, издрожаться, излукавиться, измучиться, изолгаться, испахаться, истерзаться* и др. (список дан по академическому словарю в 17-ти томах). Однако этот список можно дополнить глаголами из сл. Даля, показывающими, что чрезмерно-кратный способ действия распространяется на любые кратные действия лица и в словообразовательном отношении мало чем отличается от сативного способа действия: ср. *избезумиться, избожиться, избушеваться, избуяниться* — «быть отъявленным буйном», *избеседоваться, избеситься, извитийствоваться, изворожиться, изворониться* — «быть ротозеем», *изгруститься, иссидеться, исскушаться, исстрадаться* и мн. др.

Контекстуальное употребление глаголов чрезмерно-кратного способа действия связано обычно с адвербиальными показателями типа «совсем», «совершенно», «весь», «до такой степени, что...», «так, что...» Ср. «Когда Никита с Феней начали возню в доме или ссорились, Санька строго на них прикрикивал: — Совсем избаловались...» (Мусатов); «На барском-то дворе она совсем извольничалась, от рук моих отбилась» (Гладков); «Я, может, об этом изболелся весь» (Шолохов); «Ты представить себе не можешь, до какой степени может изовратиться наконец человек» (Достоевский); «Вы изолгались и истрепались до мозга костей и способны только на попрошайничество и ложь!» (Куприн).

Приведенная сочетаемость и употребление чрезмерно-кратных глаголов позволяет определить их значение следующим образом: они выражают отрицательно оцениваемую крайнюю степень (меру) кратного проявления действия исходного глагола, характерного для субъекта. Следовательно, как и у сативных глаголов, значение чрезмерно-кратных глаголов сводится к суммарному представлению чрезмерно-кратного проявления действия через субъективно-отрицательную оценку количества действия. Поэтому, как и сативные глаголы, они не образуют имперфективных форм.

3. Чрезмерно-интенсивный (в другой терминологии — экстаустатиный) **способ действия.** К нему относится только не-

сколько глаголов с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*: *убегаться, уездиться, убродиться* (за день), *угоняться, уходить, упахаться, упрыгаться*. По своему значению и аспектуальным свойствам чрезмерно-интенсивный способ действия близок к чрезмернократному, выражая крайнюю степень продолжительной интенсивности действия, связанную с усталостью, бессилием субъекта продолжать осуществление действия (ср. пример из сл. Даля: *угонялся я до поту за лошадью*). Способ действия одновидовой, так как совершенный вид выступает в нем в суммарном значении.

4. **Финально-отрицательный способ действия.** Этим термином мы обозначаем глаголы, образованные при помощи приставки *до-* и постфикса *-ся* и имеющие обязательную сочетаемость с предлогом *до* + *род. пад.* существительного или конструкции «до того, что...» в значении каких-то непредвиденных отрицательных состояний субъекта в результате чрезмерной продолжительности и интенсивности действия, ср. «(Иван) был пьяница, пьянствовавший сряду тридцать лет, допившийся до постоянных галлюцинаций» (Гл. Успенский); «Хозяин допился до того, что не может говорить» (Горький); ср. также *догуляться до простуды, доиграться до ссоры, докричаться до хрипоты* и под. Следует отметить, что в ряде случаев глаголы финально-отрицательного способа действия употребляются в эллиптических конструкциях, в которых обязательная сочетаемость с предлогом *до* предполагается ситуацией: «— Пришла полиция забрала Машеньку... Посадили в острог. Допрыгалась баба» (Чехов); «То и дело слышалось: «— Пал, значит, Порт-Артур! Довоевался Куропаткин» (Соколов).

В отличие от рассмотренных способов действия финально-отрицательный способ указывает на чрезмерность как разового, так и кратного действия, хотя чаще всего имеет в виду последний характер осуществления. Ср. разовое действие: «Однажды, когда я лежал на диване с каким-то глупым переводным французским романом и долежался до головной боли..., отворилась дверь и вошел Гельфрейх» (Гаршин); ср. кратное действие: «Даже мама выходила на покос в сарафане с граблями, а мой дядя ... докосился до того, что у него все руки были покрыты огромными водяными мозолями» (Л. Толстой). Этой особенностью объясняется неограниченная возможность образования данных глаголов от любых непредельно-непереходных глаголов со значением действий лиц. В словарях засвидетельствованы образования, относящиеся ко всем группам непредельных глаголов: *достранствоваться, дописаться, доглядиться, доработаться, добежаться, доболтаться, долежаться, доплакаться, доплясаться, докуриться* и многие другие.

Толковые словари иногда приводят имперфективные формы финально-отрицательных глаголов (типа: *добалтываться, доиг-*

рываться, докатываться, долеживаться и ряд других). Но нам не встретился ни один литературный пример на употребление этих форм. Видимо, они возможны только для глаголов, имеющих в виду разовое действие (ср. *он часто договаривается до того, что...*), а для глаголов кратных действий, в которых совершенный вид представлен суммарным значением, имперфективные формы невозможны, как и для всех других чрезмерно-кратных способов действия.

5. Чрезмерно-длительный способ действия. К нему мы относим образования с приставкой *за-* и постфиксом *-ся* в значениях чрезмерного проявления длительности или (реже) интенсивности конкретно-разового действия исходного глагола: *засидеться, зачитаться* и под. Как показывают словари, данные глаголы представлены в русском языке менее продуктивно, чем, например, сативные глаголы. Видимо, это объясняется тем, что их производящие глаголы предполагают разовое осуществление действия, а в глагольной лексике русского языка немало слов со значением постоянных действий (ср. *учительствовать, бродяжничать* и др.). В качестве исходных глаголов для чрезмерно-длительного способа действия обычно выступают следующие группы: а) неопредельные глаголы речи (*заболтаться, заговориться, завраться, зафилософствоваться* и др.), ср. также *запеться*; б) неопредельные глаголы состояния (*засидеться, залезжаться, застояться, заждатьсь, залениться, загоститься* и др.); в) неопредельные глаголы восприятия (*засмотреться, залюбоваться, заслушаться* и др.); г) неопредельные глаголы «развлечения» (*завеселиться, заиграться, заплясаться* и др.); д) неопредельные глаголы ненаправленного движения (*забегаться, заездиться, заплаваться, залетаться* и др.). Вне приведенных групп можно отметить еще: *замечтаться, задуматься, зацеловаться, заучиться, замолиться* и нек. др.

Все чрезмерно-длительные глаголы допускают употребление с двумя типами показателей продолжительности и интенсивности действия: с наречиями «чересчур», «слишком», «очень», «совсем» и с адverbиально-количественными сочетаниями типа «до обморока», «до того, что...», «так, что...». Ср. «Наконец, вся компания опомнилась и увидела, что заболталась уж чересчур, потому что на дворе была совершенная ночь» (Гоголь); «Мне, наконец, сказал Палимпсестов, что хозяева... находят, что я уже слишком зашалился. Да и в самом деле, кажется, уж я очень шалил» (Чернышевский); — «Вылезайте, коллега, сказал доктор, — поливая пригоршнями свой толстый белый живот. — Так мы до обморока закупаемся» (Куприн); «Я зачитался до того, что, когда услышал звонок колокольчика на парадном крыльце, не сразу понял, кто это звонит и зачем» (Горький).

Указанные показатели объединяются признаком обозначе-

ния крайней степени продолжительности или интенсивности разового действия, при этом само прекращение действия не маркируется. С другой стороны, контексты употребления рассматриваемых глаголов обнаруживают еще один их семантический признак — непроизвольность развития действия вследствие полной поглощенности им субъекта. Это мы связываем с отсутствием у них имперфективных форм в конкретно-процессном значении. Однако в значении неограниченно-кратных действий имперфективные формы данных глаголов, хотя и в редких случаях, все же встречаются: «В последние годы жизни своей бабушка каждый день до обмороков замаливалась. Сотни по полторы, по две земных поклонов по вечерам на сон грядущий клала» (Мельников-Печорский); «До того люди запева-лись, что, бывало, и каша вон из котла бежит» (Горький); ср. также *зачитываться по ночам, заслушиваться, засматриваться* и нек. др. Сама возможность образования имперфективных форм в значении кратных действий объясняется, на наш взгляд, тем, что совершенный вид чрезмерно-длительных глаголов имеет конкретно-фактическое, а не суммарное значение, а лексическое ограничение образования имперфектных форм — разной степенью неопределенности исходных глаголов, на что обратила внимание М. Д. Фетискина (см. ее статью в настоящем сборнике).

6. Сверхнормативно-длительный способ действия. К чрезмерно-длительному способу действия примыкает способ действия со значением чрезмерной длительности разового действия, оцениваемой с точки зрения нормы проявления действия. Он образуется при помощи приставки *пере-* без частицы *-ся* от некоторых неопределенных глаголов: *переспать, перегулять, пересидеть, передержать, перегостить; перенервничать, переработать, переволноваться, перегреться* (на солнце), *перестараться* и нек. др.

Эти глаголы отличаются от глаголов с приставкой *за-* и постфиксом *-ся* тем, что маркируют прекращение действия исходных глаголов. Ср. «По ночам, должно быть, переспав нещадно, Собака воеет безотрадно» (Некрасов); «Для тела в сто раз лучше не доесть, не доспать, не догреться, чем переест, переспать, перегреться» (Л. Толстой); «Рыжая пристяжная, очевидно, переработавшая вчера, не ела корма и была скучна» (Л. Толстой).

Имперфективные формы образуются в целом так же, как и у чрезмерно-длительных глаголов: только в значении кратных действий и от глаголов эволютивного способа действия (*перегуливать, перерабатывать, перегреваться*).

7. Усилительно-интенсивный (в другой терминологии — усиленный или аугментативный) **способ действия.** Среди многочисленных глаголов с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* выделяется группа образований, соотносительных только с непере-

ходными неопределёнными глаголами. Эта группа в словообразовательном отношении не допускает различных интерпретаций: она образована префиксально-постфиксальным способом от таких непереходных глаголов, которые не являются исходными ни для возвратных глаголов, ни для приставочных глаголов с приставкой *раз-*. Ср. *кричать* — *раскричаться* (нет глаголов «кричаться», «раскричать»). Следовательно, такие образования представляют собой определённую модель, и их семантика опирается на значения структурных компонентов модели. К ним относятся и приставочные глаголы, исходные основы которых уже содержат постфикс *-ся* и являются неопределёнными. Данные глаголы и представляют усилительно-интенсивный способ действия.

В семантическом отношении усилительно-интенсивный способ действия подразделяется на а) глаголы звучания и речи (*разахаться, разворчаться, раскричаться, разговориться, разовратиться* и многие др.); б) глаголы физического и психического состояния (*разгореваться, разгуститься, разволноваться, разозлиться, разлентиться, расхрабриться* и многие др.); в) глаголы со значением действий «развлечений» (*разбаловаться, развееселиться, расшалиться, расплясаться, радурачиться* и др.); глаголы ненаправленного движения (*разлетаться, разбегаться, расплаваться* и др.), а также *размахаться, разворочаться, расколыхаться, расплеваться, разбросаться камнями* и нек. др.

Примечание: От приведенных глаголов движения следует отличать парные по формам вида глаголы, образованные префиксально-постфиксальным способом от направленных глаголов движения и имеющих два значения: пространственное — движение многих субъектов и разные стороны и значение «совершать движение субъекта с постепенным увеличением скорости для совершения другого действия», ср. *бежать* — *разбежаться по домам и самолет разбежался, отделился от земли и стал подниматься*. Последнее значение выражают и постфиксальные образования от глаголов, действие которых направлено на каузацию интенсивного движения объекта или субъекта, типа *крутить* — *раскрутить* — *раскрутиться, качать* — *раскачать* — *раскачаться*. Отмеченные глаголы относятся к общерезультативному способу действия и приставки в них выступают не в акциональных, а в лексических значениях.

Все усилительно-интенсивные глаголы употребляются в следующих типах контекста:

а) В конструкциях с соотносительными словами «так», «настолько», «до того», в значении высокой меры, сильной степени действия и изъяснительным союзом «что», присоединяющим придаточные предложения меры и степени к главному предложению: «Потом стала жаловаться, что у ней голова болит, заплакала и так разрыдалась, что уже я и не знал, что с ней

делать» (Достоевский); «(Сонечка) до того расхохоталась, что слезы навернулись ей на глаза» (Л. Толстой); «Вечером буря разыгралась так, что нельзя было расслышать, гудит ли ветер, или гремит гром» (Гончаров); «(Давыдка) так разоспался, что никак не мог совсем открыть глаз и стоять не пошатываясь и не зевая» (Л. Толстой); «Адриан пил с усердием, и до того развеселился, что сам предложил какой-то шуточный тост» (Пушкин).

б) С наречиями типа «совсем», «окончательно» в значении достижения высокой степени интенсивности действия при контекстуальном обозначении ее развития, включая начало: «Тут отчего-то она стала прихварывать, а потом и совсем расхворалась» (А. Островский); «Вообще я чувствовал себя как-то не по себе... А когда начались занятия, я окончательно расхворался» (Мамин-Сибиряк); «На заводе свисток заныл — сначала тонко и жалобно, потом разревелся густо и повелительно» (Горький).

в) С временными показателями в значении срока, к наступлению которого интенсивность действия достигла предельной меры. Этими показателями подчеркивается процесс развития интенсивности действия: «Расстроенный Андрей Григорьевич к утру расхворался и трое суток лежал, не подымая головы» (Седых); «Весь вечер просидел я со стариком. Сначала был он не очень разговорчив... Под конец разговорился» (Мельников-Печерский).

Отмеченная валентность усилительно-интенсивных глаголов свидетельствует о том, что они содержат в своей семантике указание на нарастающее развитие интенсивности уже начатого разового действия до крайней меры. Поэтому они не образуются от глаголов, не допускающих подобной характеристики их действий, — например, от глаголов пространственного положения (*сидеть, лежать, стоять, валяться*) или таких, как *ждать, жить, гостить, смотреть, слушать* и т. д.

Усилительно-интенсивный способ действия можно считать одновидовым. Приводимые словарями формы *разгуливаться, разлениваться, разыгрываться* и нек. др. даются без текстуальных иллюстраций, — трудно судить, существуют ли они и в каком видовом значении употребляются. Глаголы *разгореться — разгораться, раскалиться — раскаляться, разболеться — разбаливаться* имеют подчеркнутый предельно-результативный признак инхоативности, допускающий видовую парность глагола (усилительно-интенсивные глаголы не имеют этого признака). Препятствием в образовании имперфективных форм от данного способа действия является его семантика: значение крайней степени произвольного развития интенсивности действия с сильной неопределенностью не поддается интерпретации в функциях несовершенного вида.

Аспектуальное своеобразие терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных способов действия состоит в том, что их совершенный вид представляет целостность количественного характера в проявлении действия с указанием на достижение крайней границы (меры) повторяемости, длительности или интенсивности, но необязательно на прекращение самого действия. Это вносит определенные коррективы в понимание и раскрытие общего значения совершенного вида: значение целостности предполагает наличие какой-либо «правой» границы, не всегда совпадающей с концом осуществления действия (ср. *он проспал уже два часа, — пусть еще поспит*). Иначе говоря, значение совершенного вида распространяется всегда на то отдельное действие, которое выражается данной глагольной лексемой, а не корневой основой без показателей характера, способа проявления действия на линии времени.

Описанные способы действия примечательны и в другом отношении. Они помогают выявить те семантические факторы, которые влияют на одновидовость русских глаголов perfectiva tantum. Это, во-первых, значение суммарности, отвечающее только грамматической семантике совершенного вида, ср. одновидовые глаголы дистрибутивно-суммарного способа действия с приставкой *пере-* и *по-*: *переломать все стулья, переболеть гриппом, побросать все лопаты* и под., ср. также суммарное значение в одновидовых, как правило, глаголах кумулятивного способа действия: *настроить много домов, наносить воды* и под. Во-вторых, это значение подчеркнутой интенсивности действия, которое нередко сопровождается сильной эмоционально-экспрессивной окраской, ср. *узнать — узнавать*, но одновидовой *разныхать, надоесть — надоедать*, но одновидовой *осточертеть, раскупить — раскупать*, но одновидовой *с руками огорвать* и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.
3. Грубор Дж. Из книги «Видовые значения». «Вопросы глагольного вида». М., 1962.
4. Дыбина Т. В. Значения глагольной приставки *из-* по памятникам XI—XVII вв. — Ученые записки Марийского госпединститута, т. 14, 1957.
5. Ляпунов Б. Семаснологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*. — «Slavia», VII, 1929.
6. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
7. Сигалов П. С. Русские сативные глаголы. — Труды по русской и славянской филологии, XXVII, серия лингвистическая. Тарту, 1977.

К ТИПОЛОГИИ ОДНОАКТНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Э. А. Галнайтите

Среди других способов глагольного действия как в русском, так и в родственном ему литовском языке выделяется довольно большая группа глаголов одноактного (семельфактивного) способа. Это — разнообразные и по морфологической структуре, и по образованию глаголы. В одну группу они объединяются на основе семантической общности: все они выражают действие, выполняемое в один прием [1/77], в одно мгновение [2/38]. Такое действие обычно бывает внезапным, мгновенным, а иногда характеризуется незначительной или, напротив, сильной интенсивностью проявления [3/25; 3/19].

В русской аспектологической литературе последних лет анализируемые глаголы называются одноактными (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко) или однократными [4]. В литовском языкознании подобные глаголы до сих пор интерпретируются как глаголы мгновенные или моментальные (в литературе XIX в. они рассматривались как *verba punctiva* [5], т. е. точечные). Такая терминология отчасти является правомерной, так как к мгновенным глаголам лингвистами относились лишь глаголы с суффиксом *-telė-ti* [6], соответствующим по значению суффиксу *-ну-ть* (ср.: *aiktelėti* — *айкнуть*, *stumtelėti* — *толкнуть*). Именно этим глаголам совершенного вида [7] в основном присущи оттенки мгновенности и моментальности. Однако в лингвистической литературе последних лет термины моментальные [8], мгновенные [9] глаголы применяются и в тех случаях, когда речь идет о семантической группе глаголов как способе действия. Мгновенность (как и моментальность) не всегда характерна для глаголов с указанным суффиксом, а тем более для глаголов другого типа образования. Поэтому в дальнейшем исследовании мы будем употреблять термин **одноактный** способ действия, предложенный Ю. С. Масловым.

Границы данного способа действия точно не определены как в русском, так и литовском языках. Кроме глаголов с суф-

фиксами *-ну-* и *-ану-*, к одноактным глаголам А. В. Бондарко относит еще глаголы с суффиксом *-ну-* и приставкой *вз-(вс-)* (типа *вздохнуть*, *вскрикнуть*), а также отдельные глаголы с приставками *вы-*, *с-* (*выхватить*, *схватить*) и некоторые глаголы с производной основой (*бросить*, *ступить* [10]. Несколько уже круг одноактных глаголов в Грамматике-70: в эту группу не включаются глаголы с приставками *вз-(вс-)*, *вы-* [11]. По мнению некоторых лингвистов, к одноактному способу действия не относятся глаголы с производной основой, так как значение одноактности у них не выражено морфологически [12]. При анализе способов глагольного действия мы придерживаемся концепции Ю. С. Маслова, а также А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, согласно которой способы представляют собой семантические разряды глаголов и поэтому они могут быть характеризованные (морфемно выраженные), нехарактеризованные (морфемно невыраженные) и непоследовательно характеризованные [13]. Одноактные глаголы русского (как и литовского) языка вслед за А. В. Бондарко относятся нами к непоследовательно характеризованным способам действия.

В академической грамматике литовского языка к моментальным глаголам, кроме образований с суффиксом *-telė-ti*, относятся некоторые глаголы с производной основой, выражающие короткое, точечное действие (ср.: *griebti* — *хватить*, схватить, *mesti* — бросить, *sprogti* — лопнуть, взорваться), а также некоторые группы приставочных глаголов. Это прежде всего глаголы, означающие моментальность завершенности действия, образованные от уже упомянутых производных глаголов (типа *sugriebti* — схватить), начинательные приставочные глаголы (ср.: *subildėti* — застучать, *suburkuoti* — заворковать) и приставочные глаголы типа *pabusti* — проснуться, *sustoti* — остановиться, *nukaisti* — покраснеть и т. п. [14]. В книге «Глагол современного литовского языка» к мгновенным глаголам А. Паулаускене относит все перечисленные группы глаголов, за исключением двух последних [15], что представляет собой более правильное решение данного вопроса.

Первый шаг к определению границ и типологических особенностей одноактного способа действия заключается в выделении семантических признаков, характерных для основной группы глаголов данного способа. Так как ядро одноактного способа действия в обоих языках составляют глаголы с суффиксами *-ну-* и *-telė-ti*, то эти признаки, думается, можно определить на основе анализа суффиксальных образований. Поэтому в данной статье делается попытка выявить словообразовательные связи суффиксов одноактности в русском и литовском языках, установить все семантические признаки одноактного действия, проследить функциональные особенности одноактных глаголов и их взаимодействие с категорией вида.

1. Общая характеристика суффиксов

Суффикс *-ну-* представлен одним морфом. Производный от него *-ану-* [16] рассматривается как особая морфема, характеризующаяся особыми оттенками значения. Суффикс *-telė-ti* представлен несколькими алломорфами (вариантами): *-telė-ti(tel-ti)*, *-terė-ti(-ter-ti)*, *-stelė-ti(-stel-ti)*, *-sterė-ti(ster-ti)*. Замена *l* звуком *r* имеет чисто фонетический характер. Все указанные варианты с гласным *ė* (двуслоговый вариант) и без него (однослоговый вариант) — семантически не различаются. Нормой современного литовского литературного языка является двуслоговый суффикс *-telė-ti* [17].

При помощи суффиксов *-ну-* и *-telė-ti* в обоих языках образуются глаголы, входящие в разные способы действия. Семантическое различие производных суффиксальных глаголов в основном обусловлено словообразовательными связями данных суффиксов, характером и семантикой мотивирующей основы.

Суффикс *-ну-* в русском языке обладает двумя противоположными значениями и поэтому рассматривается как две омонимичные деривационные морфемы. Глаголы, мотивированные прилагательными и образованные при помощи суффикса *-ну-*, относятся к инхоативному (мутативному) способу действия несов. вида (ср. *слепнуть*, *крепнуть*); девербативные глаголы с суффиксом *-ну-* — к одноактному способу сов. вида [18] (ср. *крикнуть*, *махнуть*).

Два значения характерны и для литовского суффикса *-telė-ti*. Подавляющее большинство глаголов с данным суффиксом имеет значение одноактного (однократного) действия (ср.: *aiktelėti* — *айкнуть*, *mostelėti* — *махнуть*). Менее многочисленная группа глаголов такого же типа образования имеет деминутивное значение (ср.: *brangtelėti* — *немного подорожать*, *žilstelėti* — *немного поседеть*) [19]. Следовательно, глаголы с суффиксом *-telė-ti* тоже относятся к двум способам действия — одноактному и деминутивному (уменьшительному) и являются глаголами абсолютного сов. вида. Но в отличие от глаголов русского языка и те и другие мотивируются глаголами. Кроме того, многие одноактные глаголы образуются от так называемых звукоподражательных междометий (типа *pykšt, pokšt* — *бац*).

Интересно отметить то, что значение деминутивности часто сопутствует основному значению суффикса *-telė-ti* — одноактности, т. е. оно выступает как дополнительный семантический признак одноактных глаголов (ср.: *kilstelėti* — *внезапно и немного поднять, приподнять*). Иногда указанные значения суффикса настолько тесно переплетаются, что возникают затруднения при определении доминирующего значения в глаголе (ср.: *pykteleiti* — *внезапно и немного рассердиться*). Более того,

граница между одноактными и деминутивными глаголами иногда проходит внутри одного слова, напр.: *spustelėti* — 1. внезапно, слегка пожать (руку), 2. несколько увеличиться (о морозе), подморозить; *tįstelėti* — 1. внезапно потянуть, дернуть, 2. немного подрасти, вытянуться. Все это позволяет думать, что суффикс *-telė-ti* является многозначной морфемой.

Процессу образования суффиксальных одноактных глаголов в обоих языках нередко сопутствуют дополнительные языковые явления, в основном — разного типа чередования. В русском языке — это чередование согласных, не влияющее на семантику дериватов (ср. дрожать — дрогнуть, кричать — крикнуть, колыть — колынуть). В литовском языке довольно часто происходит чередование гласных в мотивирующей основе (ср. *žvengti* — *žvingtelėti* — ржать — вдруг заржать, *kvipti*, *kvyptelėti* — пахнуть — внезапно запахнуть), а также чередование дифтонгов — гласных (ср. *šaukti* — *šūktelėti* — кричать — крикнуть, *žviegtī* — *žvygtelėti* — визжать — взвизгнуть). Чередование же кратких-долгих гласных в корне зачастую несет и семантическую нагрузку: дериваты с кратким гласным означают незначительную, слабую интенсивность проявления одноактного действия, с долгим гласным, напротив, — сильную интенсивность действия (ср. *šuktelėti* и *šūktelėti* — слабо крикнуть и сильно, громко крикнуть, вскрикнуть).

Кроме того, в литовском языке при образовании одноактных глаголов довольно часто наблюдается явление метатонии, т. е. изменение интонации в пределах корневого слога, напр.: *buřbti* → *būrbtelėti* — бормотать — пробормотать, буркнуть, *kraĩkti* → *kránkkelėti* каркать — каркнуть, *lōštis* → *lōštelėti* — откидываться назад — внезапно откинуться. Однако метатония на семантику дериватов не влияет.

2. Словообразовательные связи суффиксов одноактности

В обоих языках словообразовательные связи суффиксов ограничены как с лексико-семантической, так и грамматической точки зрения.

Подавляющее большинство глаголов со значением действия, выполненного в один прием, в русском языке и часть глаголов в литовском образуется от соответствующих глаголов многоактного (мультипликативного) способа действия (ср.: бодать → боднуть, кашлять → кашлянуть — *kosėti* → *kostelėti*, толкать → толкануть, толкнуть). Мотивирующие мультипликативные основы означают действие, состоящее из нескольких (множеств) актов, и являются непредельными глаголами: действие, выражаемое ими, не направлено к своему завершению, к внутренней исчерпанности (ср. айка́ть — *aikčioti*; маха́ть — *moti*,

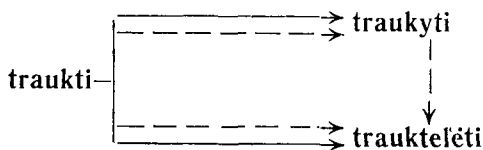
mosuoti). Суффиксальные их дериваты означают один акт, один момент такого составного действия; причем одноактное действие может быть внезапным, мгновенным [20], а в некоторых случаях произвольным.

Сравнительно редко суффикс *-ну-* (а также *-ану-*) сочетается с глаголами, означающими непрерывное, длительное действие (типа *писать*, *щеголять*). В качестве мотивирующей основы, не означающей составного, многоактного действия, чаще выступают производные глаголы иноязычного происхождения (ср. дериваты: агитнуть, критикнуть, рискнуть и т. п.). Эту тенденцию В. В. Виноградов объясняет тем, что «экспрессивные оттенки (энергичности, резкости, интенсивности проявления действия — Э. Г.), окрашивающие *-ну-*, *-ану-*, поглощают и ослабляют значение кратности» [21].

Мотивирующие основы в русском языке, таким образом, могут быть непроеизводные (бодать, мазать, толкать) и производные, т. е. осложненные суффиксами *-и-*, *-а-*, *-ова-* и его производными, а также *-ка-* (ср. тормозить, козырять, рисковать, агитировать, айкать), Глаголы с производной основой чаще всего иноязычного происхождения.

Словообразовательные связи суффикса *-telē-ti* несколько шире. Кроме указанных многоактных глаголов, данный суффикс сочетается со многими глаголами, не обозначающими составного, мультипликативного действия (типа *kelti* — поднимать; *siekti* — достигать; *klimpti* — вязнуть). Это в основном глаголы некоторых лексико-семантических групп, входящих в дуративный (эволютивный) и стательный способы действия. Особенность большинства таких мотивирующих основ (как и некоторых многоактных глаголов) заключается в том, что от них можно образовать глаголы итеративного (многократного) способа при помощи различных суффиксов с общим деривационным значением кратности, повторяемости действия (напр.: *brėžti* → *braižyti* — проводить черту — чертить; *pilti* → *pilstinėti*, *pilstyti* — лить — разливать; *sukti* → *sukinėti*, *sukioti* — вертеть, крутить — часто вертеть, покручивать; ср. также многоактный *moti* → *mojuoti* — махать). Следовательно, семантика указанных непроеизводных основ в целом не противоречит идее кратности, повторяемости, граничащей и соприкасающейся со значением многократности. Одноактные же глаголы (так же, как и все остальные суффиксальные образования) мотивируются непроеизводной основой. В плане содержания одноактные глаголы соотносительны и с глаголами дуративного и стательного способа (выражают один короткий и внезапный момент проявления действия или состояния с нерасчлененной длительностью), и с итеративными глаголами (означают как бы одно повторение из цепи однородных повторений действия), ср. *traukti* — тащить и *traukyti* — таскать, *trauktelėti* — внезапно, один раз потянуть,

рвануть. Отношения мотивации (линия) и семантические связи (пунктир) между указанными глаголами схематически можно изобразить следующим образом.

Так как рядом с непроемной основой в литовском языке почти всегда имеется мотивированная ею итеративная основа, то первая чаще всего воспринимается как основа, выражающая длительное, не состоящее из отдельных актов (повторений), цельное действие, хотя иногда она может выражать и многоактное действие. Например, упомянутый выше глагол *brėžti*, кроме значения «проводить линию», обладает значениями «царапать» и «чиркать»; действие, выражаемое глаголами *baubti* — «мычать», *žvięgti* — «визжать», представляется и как длительное, и как мультипликативное. Наличие итеративных глаголов, таким образом, оказывает влияние на семантику потенциально многоактных глаголов. В результате этого влияния и взаимодействия семантический объем непроемных глаголов часто сужается: они теряют значение многоактности, которое, видимо, поглощается итеративными глаголами.

Указанная семантическая и словообразовательная особенность литовского языка в какой-то мере проливает свет на вопрос, почему одноактные глаголы русского языка образуются почти исключительно от многоактных глаголов. Эту словообразовательную зависимость, видимо, можно объяснить отсутствием в русском языке соответствующего глагола несоем. вида со значением некротного, нерасчлененного действия при многоактных глаголах, от которого можно было бы образовать итеративный и одноактный глагол. Исключение, пожалуй, составляет глагол соем. вида *сказать*, которым мотивируется и одноактный *сказануть*, и итеративный *сказывать*, а также *писать*, образующий, по словам А. А. Потебни, «комическое» *писнуть* и итеративный *писывать*.

Видимо, причины возможности или невозможности образования одноактных глаголов от дуративных и статальных основ связаны с идеей расчлененности/нерасчлененности действия в целом, причем расчлененность действия может пониматься и как наличие отдельных, однородных актов «внутри» одного длительного действия (ср. махать — *moti*, стучать — *belsti*), и как сумма повторений цельного, длительного действия (ср. писать — *rašinėti*, побаливать — *sirguliuoti*). Отсюда можно сде-

лать допущение: поскольку от многих глаголов русского языка итеративные глаголы не образуются (ср. говорить → говаривать, сидеть → сиживать, но отсутствие таких образований от глаголов *подать*, *клониться*, *работать*), постольку одноактные глаголы от них почти не производятся (но ср. в литовском: *krypti* — клониться, *kryptinėti* — часто и немного клониться, *kryptelėti* — вдруг склониться).

Таким образом, суффикс *-telė-ti* сочетается как с многоактными, так и с дуративными, и статальными глаголами. Но в отличие от суффикса *-nu-*, он не вступает в связи с иноязычными основами. Одноактные глаголы образуются только от исконно литовских непроеизводных глаголов и так называемых звукоподражательных междометий.

Грамматические ограничения заключаются в том, что глаголы одноактного способа действия мотивируются только неопредельными глаголами несоев. вида. Единственная мотивирующая основа соев. вида в русском языке — это глагол *сказать*. Некоторые одноактные глаголы литовского языка образуются от двувидовых глаголов, ср.: *vožti* — 1. закрывать (со значением несоев. вида), 2. ударить (со значением соев. вида) и *vožtelėti* как одноактный глагол, соотносительный с обоими лексико-сематическими вариантами. Заметим, что двувидовыми в основном являются глаголы литовского происхождения с непроеизводной основой. В русском же языке двувидовыми чаще всего являются глаголы иноязычного происхождения. Но те немногие, от которых образуются одноактные глаголы (ср. агитнуть, рискнуть), рассматриваются как глаголы несоев. вида.

3. Семантическая характеристика девербативных глаголов

Основным значением одноактных суффиксальных глаголов, как известно, является «выполнение действия в один прием». Данное значение нередко осложняется дополнительными семантическими признаками (оттенками), которые во многом зависят от характера семантики мотивирующей основы. В связи с этим целесообразно рассмотреть образование одноактных глаголов от различных лексико-семантических групп глаголов того или иного способа действия.

1. Одноактные глаголы соев. вида — чаще всего в русском языке и реже в литовском — образуются от соответствующих неопредельных глаголов многоактного способа действия по словообразовательной модели: *стучать* → *стукнуть* — *belsti* → *bilstelėti*. Данный способ действия включает в себя несколько лексико-семантических групп, отличающихся друг от друга продуктивностью и отношением к категории переходности/непереходности.

1) Глаголы, означающие конкретное действие живых существ. Это самая многочисленная группа глаголов, от которых образуются одноактные глаголы в русском языке, ср.: боднуть, дернуть, качнуть, кивнуть, лизнуть, мигнуть, толкнуть и мн. др. Совершение действий такого типа часто сопровождается разными шумами, звуками, и поэтому мотивирующие многоактные глаголы, как и их дериваты, в какой-то мере приближаются к глаголам звучания, ср.: грохнуть, пальнуть, топнуть, хлестнуть, чиркнуть, чокнуться, шаркнуть и др.

В литовском языке суффиксальные образования от глаголов данной лексико-семантической группы немногочисленны; ср.: *mostelėti* — махнуть, *šoktelėti* — прыгнуть, *žengtelėti* — шагнуть и др.

Все производные глаголы обозначают один акт составного действия, выражаемого мотивирующей основой. Кроме этого, им характерны семантические признаки внезапности, мгновенности, а иногда интенсивности действия.

2) Довольно часто (реже в литовском) в качестве мотивирующей основы выступают глаголы состояния, которые можно разбить на две подгруппы:

а) глаголы, выражающие состояние и произвольные физиологические действия человека. Дериваты от данных основ в обоих языках почти всегда совпадают в словарном (лексическом) отношении, ср.: дрогнуть — *virptelėti*, икнуть — *žagtelėti*, кашлянуть — *kostelėti*, рыгнуть — *gaugtelėti* и нек. др. Но таких образований больше в русском языке, ср. еще: дернуться, зевнуть, ёкнуть, а также ряд глаголов, мотивированных основами с общим значением «падать»: грохнуться, ухнуться, хлопнуться и т. п.;

б) глаголы, означающие состояние и различные явления природы, напр.: брызнуть, булькнуть, капнуть, качнуться, пыхнуть и др. Одноактные глаголы такого типа в литовском языке чаще всего образуются от звукоподражательных слов.

Многие действия, выражаемые одноактными глаголами (как и соответствующими мотивирующими основами), тоже совершаются в сопровождении различных звуковых проявлений. Большинство одноактных глаголов данной группы означают мгновенное, внезапное (хотя эти признаки не всегда обязательны, ср. зевнуть), зачастую произвольное и неожиданное действие. Семантический признак произвольности базируется на том же признаке соответствующих многоактных глаголов.

3) Глаголы звучания:

а) глаголы с общим значением «издавать звук» (о птицах, животных), напр.: каркнуть — *kranktelėti*, квакнуть — *kurktelėti*, крикнуть — *kvarktelėti*, твякнуть — *amtelėti*, хрюкнуть — *kriūktelėti*, а также глаголы, не имеющие прямых соответствий:

фыркнуть, чирикнуть, *girgtelėti* — от глагола со значением «гоготать», *žvingtelėti* — от «ржать» и др.;

б) глаголы с общим значением «издавать, производить звук, звон, шум». По характеру совершаемого действия эта подгруппа мотивирующих основ соприкасается и с некоторыми глаголами конкретного действия, и с глаголами состояния. Ср. дериваты: звякнуть — *žvangtelėti*, скрипнуть — *girgžtelėti*, харкнуть — *krenkštelėti* и др.

Одноактные глаголы, образованные от мультипликативных глаголов звучания, обычно выражают мгновенный, внезапный акт составного действия, проявляющейся резко или, напротив, слегка.

4) Некоторые одноактные глаголы в обоих языках мотивируются глаголами речи в широком смысле этого слова. Процесс говорения как многоактный чаще всего означают синонимы глаголов речи, характеризующие данный процесс соответствующим образом. Все эти глаголы можно разбить на две подгруппы:

а) собственно глаголы речи, которые имеют эмоциональную и стилистическую окраску, ср. дериваты: брякнуть — *burbtelėti* или *turmtelėti*, шепнуть — *kuštelėti*, дакнуть, хмыкнуть и др. К этой подгруппе примыкают и глаголы с общим значением «звать» и «кричать с угрозой», ср.; кликнуть, рявкнуть — *riktelėti*, цыкнуть — *rėktelėti* и т. п. Действие, выражаемое одноактными дериватами от глаголов речи, не всегда бывает внезапным, мгновенным (ср. шепнуть — *kuštelėti*). Некоторые суффиксальные образования означают энергичное, интенсивное действие;

б) глаголы, выражающие чаще всего непроизвольные звуковые проявления человека, а также различные выкрики и т. п. Суффиксальные образования от подобных мотивирующих основ обычно означают мгновенное (но ср. аукнуть), зачастую неожиданное и непроизвольное действие, ср.: айкнуть — *aiktelėti*, ахнуть, — охнуть, аукнуть, гикнуть, *krykštelėti* — весело вскрикнуть и др.

5) Сравнительно небольшая группа одноактных глаголов мотивируется мультипликативными глаголами зрительных восприятий или оптических явлений. Они означают внезапное, мгновенное одноактное действие, напр.: блеснуть, мелькнуть — *mirgtelėti*, полыхнуть, сверкнуть и т. п.

Следует отметить, что одноактные глаголы образуются далеко не от всех непредельных многоактных глаголов. Например, соответствующие одноактные отсутствуют при таких глаголах, означающих составное действие, как *бренчать*, *мерцать*, *мычать*, *сопеть*, *стонать*, *шинковать* и т. п. Нерегулярностью образования одноактных глаголов от соответствующих мультипликативных основ, видимо, объясняется в основном тот факт, что

русским девербативным образованиям не всегда соответствует подобное образование в литовском (или наоборот); ср.: *зевнуть* и отсутствие одноактного глагола в литовском, хотя *žiovauti*, как зевать, является многоактным; или *skambtelėti* от *skambėti* — звучать, *baubtelėti* от *baubti* — мычать и т. п.

Кроме того, еще А. А. Потебня отметил, что одноактные глаголы не образуются: 1) от глаголов движения, «сопряженного с видимою переменою места» (типа *везти, бегать*, а также *шалить, валить*), 2) «от начинательных», т. е. инхоативных глаголов (типа *стать, сохнуть, лечь*), 3) от глаголов, «в коих действие представляется вне связи с пространством» (типа *петь, говорить, думать*) [22].

2. Многие одноактные глаголы литовского языка мотивируются глаголами дуративного (эволютивного) способа действия, означающими длительное, не расчлененное на отдельные акты действие. Это непредельные (а в некоторых значениях — предельные) глаголы, от которых, как уже отмечалось, можно образовать итеративные глаголы. В русском языке от глаголов данного способа одноактные образуются редко. Словообразовательная модель: *čiuožti* → *čiuožtelėti* — *скользить* → *скользять*.

Дуративный способ включает в себя три лексико-семантические группы глаголов, от которых образуются одноактные глаголы:

1) Глаголы конкретного действия человека. Некоторым суффиксальным глаголам литовского языка по значению соответствуют одноактные глаголы русского языка, мотивированные мультипликативными глаголами, ср.: *drėkstelėti* — царапнуть, *kąstelėti* — куснуть. Но чаще всего такие соответствия отсутствуют, ср.: *plėstelėti* — развести руками, *smauktelėti* — немного засучить, *spaustelėti* — немного нажать, *trauktelėti* — внезапно потащить, *virtelėti* — внезапно приоткрыть и т. п. Некоторые аналогичные глаголы русского языка образуются как от основ русского, так и иноязычного происхождения, ср.: черпнуть, хвастнуть, агитнуть, критикнуть, паснуть и т. п.

К данной группе мотивирующих основ можно отнести некоторые литовские двувидовые глаголы, от которых тоже образуются одноактные глаголы. Суффиксальный дериват обычно соотносится с тем лексико-семантическим вариантом двувидового глагола, который выражает быстрое, одноразовое действие и имеет значение сов. вида, ср.: *blokštelėti* — 1. швырнуть, 2. внезапно ударить, *dobtelėti* — внезапно ударить, *mestelėti* — бросить, *spirtelėti* — пнуть, брыкнуть, *sprogtelėti* — внезапно лопнуть, *šautelėti* — пальнуть и др. Реже одноактный глагол соотносится с обоими лексико-семантическими вариантами двувидового глагола, употребляющимися и со значением сов. вида, ср.: *vožtelėti* — 1. внезапно закрыть, 2. сильно ударить.

Одноактные глаголы, мотивированные глаголами конкретного действия, чаще всего характеризуются оттенками внезапности и незначительной интенсивности проявления действия. Некоторые глаголы, образованные от двувидовых основ, обладают оттенком сильной интенсивности действия.

2) Глаголы звучания, включающие в себя две подгруппы:

а) глаголы с общим значением «производить звук, свистящий шум» (о некоторых насекомых и животных), ср. дериваты: *baubtelėti*, *myktelėti* — внезапно замычать, *bimbtelėti* — внезапно зажужжать, *kauktelėti* — внезапно и немного завывать, *šnyųštelėti* — внезапно зашипеть и др.;

б) единичные глаголы, означающие звуковые проявления вообще, ср. *krioktelėti* — внезапно зареветь, *šniokštelėti* — внезапно зашуметь и нек. др. Одноактные глаголы, мотивированные глаголами звучания, обладают семантическими признаками внезапности, мгновенности и слабой интенсивности проявления действия.

3) Единичными являются одноактные глаголы, образованные от глаголов речи, ср.: *šuktelėti* — слегка вскрикнуть, *šuktelėti* — воскликнуть, *tarstelėti* — внезапно произнести. Суффиксальные образования выражают внезапное действие, которое может проявляться слабо или сильно (наличие долгого гласного в корне).

3. В качестве мотивирующей основы в литовском языке выступают некоторые неопределенные глаголы статального способа действия. В русском языке от глаголов состояния образуются единичные одноактные глаголы. Словообразовательная модель такая же: *dvelkti* → *dvelktelėti* — дуть → дунуть. Это:

1) Глаголы, означающие психофизиологическое состояние человека, ср. дериваты: *dūktelėti* — внезапно взбеситься, *gąsttelėti* — внезапно и слегка испугаться, *ryktelėti* — внезапно и немного рассердиться, *soptelėti* — внезапно почувствовать боль и др. С глаголами данной семантической группы соотносительны следующие одноактные глаголы русского языка — *кутнуть*, *riskнуть* и, пожалуй, *щегольнуть*, просторечный *шикнуть*. Если одноактным глаголам литовского языка свойственны оттенки мгновенности, внезапности и зачастую слабой интенсивности, произвольности действия, то для глаголов русского языка они не характерны: здесь прежде всего подчеркивается выполнение действия в один прием и (иногда) интенсивность действия.

2) Глаголы, выражающие состояние и различные явления природы. Соотносительные с ними одноактные глаголы означают неожиданность, внезапность и обычно слабую интенсивность проявления действия, ср.: *dvelktelėti* — дунуть, *kvuptelėti* — внезапно и сильно запахнуть, *švirkštelėti* — внезапно прыснуть.

3) Глаголы, означающие изменение предмета в простран-

ственном отношении. Одноактные их дериваты выражают внезапное, неожиданное и произвольное действие. Кроме того, довольно часто действие характеризуется слабой интенсивностью проявления, ср.: *klimptelėti* — внезапно и немного увязнуть, *slinktelėti* — немного и внезапно подвигнуться, *smigtelėti* — внезапно вонзиться, *virstelėti* — внезапно и немного повалиться и др. Сюда можно отнести ряд глаголов с общим значением «вывихнуть», требующих винительного падежа, ср.: *gryžtelėti*, *klyptelėti*, *kryptelėti*.

4. Одноактные глаголы в русском языке, как уже отмечалось, образуются при помощи экспрессивного суффикса *-ану-* со значением «однократно и, как правило, интенсивно или резко, неожиданно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» [23]. Они мотивируются соответствующими многоактными неопределёнными глаголами несов. вида, означающими в основном конкретное действие человека, ср.: долбануть, крутануть, рвануть, резануть, рубануть, чесануть и т. п. От некоторых многоактных глаголов образуются глаголы как с суффиксом *-ну-*, так и с суффиксом *-ану-*, отличающиеся интенсивностью проявления одноактного действия, ср.: мазнуть и мазануть, резнуть и резануть, рубнуть и рубануть, стукнуть и стукануть, толкнуть и толкануть и др.

Единичны образования с суффиксом *-ану-* от глаголов дуративного способа действия, ср.: газануть, давануть, а также сказануть от глагола сов. вида.

Все одноактные глаголы с суффиксом *-ану-* относятся к разговорной и просторечной лексике и имеют экспрессивную окраску. Так как они мотивируются глаголами конкретного действия, они почти не встречаются с постфиксом *-ся* (ср. рвануться).

В заключении анализа девербативных глаголов можно указать еще такие словообразовательные особенности русских одноактных глаголов, которые проявляются негативно в литовском языке. Одноактные глаголы литовского языка никогда не бывают возвратными (даже в тех редких случаях, когда они мотивируются возвратной основой, ср. *loštis* → *loštelėti*). В русском языке одноактные глаголы, образованные от возвратных мотивирующих основ, являются возвратными (ср.: качаться → качнуться). Во-первых, литовские одноактные глаголы, в отличие от русских, не выступают в качестве мотивирующей основы во внутриглагольном словообразовании, т. е. префиксальные глаголы от них не образуются (но ср. русские приставочные глаголы: вытолкнуть, вскрикнуть, пошевелиться и мн. др.).

Рассмотренные словообразовательные связи суффиксов и семантические признаки девербативных одноактных глаголов русского и литовского языков представлены в таблице [24].

Следовательно, все девербативные суффиксальные дериваты, кроме основного, обязательного семантического признака одно-

Мотивирующая основа		Суффиксы			Семантические признаки глаголов													
Способ действия	Лексико-сематическая группа глаголов	-ну-	-tele-ti	-ану-	Одноактность		Мгновенность		Внезапность		Интенсивность				Неожиданность		Непроизвольность	
					рус.	лит.	рус.	лит.	рус.	лит.	слабая		сильная		рус.	лит.	рус.	лит.
											рус.	лит.	рус.	лит.				
Многоактный	1. Конкретного действия	+	+	(+)	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	2. а) состояние человека	++	+		++	+	++	+	++	+	++	+	+	+	+	+	+	+
	б) явления природы	++	+		++	+	++	+	++	+	++	+	+	+	+	+	+	+
	3. Звучания	++	+		++	+	++	+	++	+	++	+	+	+	+	+	+	+
	4. а) говорения, речи	++	++		++	+	++	+	++	+	++	+	+	+	+	+	+	+
Дурагивный	б) звуковые проявления	++	(+)		++	+	++	+	++	+	++	+	+	+	+	+	+	+
	5. Зрительных восприятий	+			+	+	+	+	+	+	+	+		+				
	1. Конкретного действия	(+)	+	(+)	+	+	+	+	+	+		+	+	+				
	2. Звучания		++			++		++		++		+		+				
	3. Речи		+			+		+		+		+		+				
Статальный	1. Состояние человека	(+)	+		+	+		+	+	+		+		+	+	+		+
	2. Явления природы	(+)	++		+	++		++	+	++	+	++		+	+	+		+
	3. Изменение в пространстве		+			+		+		+	+	+			+	+		+

актности, в обоих языках (за исключением отдельных глаголов) характеризуются признаками мгновенности и внезапности проявления действия. Семантический признак слабой, незначительной интенсивности проявления действия в большей мере характерен для одноактных глаголов литовского языка; он часто сигнализируется наличием краткого гласного в корне. Признак сильной интенсивности или энергичности, резкости действия в обоих языках часто выражается морфологически: в русском языке — это суффикс *-ану-*, в литовском — долгий гласный в корне (хотя иногда он обусловлен семантикой мотивирующей основы, ср. *цыкнуть*, *рявкнуть*, *smogtelėti* — сильно ударить). Другие семантические признаки — неожиданность, произвольность действия — зависят в основном от семантики мотивирующих глаголов определенных лексико-семантических групп.

4. Глаголы, мотивированные воспроизводящими словами

В грамматике литовского языка выделяется особая часть речи *Išiktukas*, тесно связанная как с глаголами, так и с междометиями [25]. По происхождению слова данной части речи делятся на две группы: 1) отглагольные, т. е. представляющие собой усеченные основы непроизводных глаголов, ср.: *linkti* (гнуться) → *linkt*, *smukti* (спадать, сползать) → *smukt*, *krypti* (клониться) → *krypt* и *kryuti*. Они часто соответствуют русским отглагольным междометиям [26] или междометно-глагольным формам [27] типа *прыг*, *стук*, *хлоп*, *трах*. 2) Слова подражательного характера, неглагольного происхождения [28], примыкающие, по мнению авторов грамматики литовского языка, к междометиям. Одни из них представляют собой как бы звукоподражательные слова (ономатопея), ср.: *triokšt* — трах, *pokšt*, *rukšt* — бац. Это, по терминологии В. В. Виноградова, «воспроизводящие или звукоподражательные восклицания». Другие как бы имитируют быстрые, мгновенные действия, воспроизводят оптический, жестикуляционный образ действия, напр.: *gūžt* — употребляется для выражения «внезапно пожать плечами», *liuokt* — для выражения «внезапно двинуться с места», «перепрыгнуть», *žybt* — для выражения «внезапно сверкнуть» и т. п.

Так как все вышеупомянутые слова выражают ультрамгновенное, по словам А. М. Пешковского, действие, то, на наш взгляд, их можно назвать воспроизводящими или глагольно-подражательными словами [29]. Первый компонент этого термина указывает на отглагольное происхождение некоторых слов данного типа.

Одноактные глаголы литовского языка довольно часто мотивируются воспроизводящими словами. Так как часть указан-

ных слов этимологически связана с глаголами, то иногда бывает трудно определить, от чего образуется одноактный глагол (ср.: *linkti* → *linktelėti* или *linkt* → *linktelėti* — внезапно согнуться). При решении этого вопроса в данной работе учитывается лексикографическая практика: одноактный глагол считается образованным от глагольно-воспроизводящего слова, если в толковом словаре [30] он дается в одной словарной статье с упомянутым словом.

Подавляющее большинство воспроизводящих слов имеет финаль — *t*. Поэтому при образовании соответствующих одноактных глаголов наблюдается явление наложения, ср. *kušt* (-*telėti*) → *kuštelėti* — сунуть.

Глагольно-воспроизводящие слова, выступающие в функции мотивирующих основ, можно разбить на две группы в зависимости от наличия (отсутствия) звуковых проявлений. Это:

1) звукоподражательные (ономатопеические) слова, представляющие собой имитацию различных звуков, голосов птиц, животных и т. п. Ср. дериваты: *ciptelėti* — внезапно пискнуть, *kirstelėti* — внезапно загоротать, *viaukelėti* — гавкнуть и т. п. Иногда имитируемый этими словами звук является лишь следствием определенного ультрамгновенного действия, ср. дериваты: *čikštelėti* — внезапно отрезать ножницами, *tekštelėti* — с шумом бросить и др. Многие звукоподражательные слова имитируют действия, не зависящие от воли субъекта. Это глаголы *brinktelėti*, *kebekštelėti*, *plumptelėti* и др., образованные от соответствующих слов с общим значением «внезапно, с шумом упасть»; глаголы — *kliuktelėti* — булькнуть, *pokštelėti* — с шумом разорваться, *triokštelėti* — с шумом сломаться и т. п.

2) Слова, воспроизводящие образ совершения быстрого, ультрамгновенного конкретного действия, сопровождаемого зачастую жестами (но не звуком.) Это — самая многочисленная группа воспроизводящих (подражательных) слов, от которых образуются одноактные глаголы, ср.: *čiuptelėti* — внезапно схватить, *glustelėti* — внезапно прильнуть, *kinktelėti* — кивнуть, *vikstelėti* — вильнуть (хвостом) и мн. др. Сюда же можно отнести ряд глаголов, образованных от слов с общим значением «внезапно взглянуть»: *dėbtelėti*, *dilbtelėti*, *dirstelėti*, *žvilgtelėti*.

Много одноактных глаголов мотивируется словами, так или иначе воспроизводящими образную характеристику произвольного действия. Это, например, глаголы с общим значением «внезапно прийти в голову»: *kniostelėti*, *knystelėti*, *smilktelėti*; со значением «внезапно споткнуться» или «вывихнуть ногу»: *klimštelėti*, *kluptelėti*, *knaptelėti*, *nikstelėti*. Другие глаголы образуются от слов, воспроизводящих оптический образ проявления действия, ср. глаголы: *blikstelėti*, *plykstelėti*, *švistelėti*, *švystelėti*, *žibtelėti*, *žybtelėti* и т. п. со значением «внезапно блеснуть, сверкнуть» (о молнии, огоньке) и др.

Все глаголы, образованные от глагольно-воспроизводящих слов, означают мгновенное, внезапное и довольно часто неожиданное и непроизвольное одноактное действие. Кроме того, действие, выражаемое ими, может проявляться слегка или, напротив, интенсивно, что зависит от наличия кратких-долгих гласных в мотивирующей основе. Иначе говоря, они характеризуются теми семантическими признаками, которые свойственны девербативным глаголам. Наличие признаков мгновенности и внезапности у глаголов данной группы обусловлено аналогичным значением мотивирующих основ, выражающих ультрамгновенное действие ([31]). По этой причине глаголы, соотносительные с воспроизводящими словами, не означают одноактного действия с относительной продолжительностью (ср. *žybt* → *žybtelėti* — сверкнуть и *kuštelėti* — шепнуть).

5. Особенности функционирования одноактных глаголов

Суффиксальные одноактные глаголы в обоих сопоставляемых языках чаще всего встречаются в форме прошедшего времени. Особенность функционирования этих глаголов заключается в том, что они в подавляющем большинстве случаев употребляются без обстоятельственных детерминантов, уточняющих их семантику. Это, видимо, объясняется тем, что глаголы, обладая ярким значением одноактного действия, обязательно нуждаются в подобного рода лексических уточнителях, ср.: Широкая дверь лифта *щелкнула* за ним... (К. Федин, Костер). В трехстах метрах..., совсем рядом с командным пунктом, *хлопнула* третья мина (К. Симонов, Солдатами не рождаются); *кивнул* головой — *linktelėjo galva*, *махнул* рукой — *mostelėjo ranka*, что-то *крикнул* — *šuktelėjo*.

Одноактные глаголы сочетаются с сравнительно небольшим кругом наречий и обстоятельственных конструкций, однородных по значению с семантическими признаками глаголов. Исключительно редко в обоих языках в контексте уточняется основной признак глаголов данной группы — одноактность. Слова (или словосочетания), указывающие на однократность совершения действия, употребляются лишь в тех случаях, когда нужно подчеркнуть, акцентировать этот семантический признак глагола, ср.: — Беда мне с таким пассажиром!... Широко *шагнешь*, — он на рысь переходит... Там, где мне надо *раз шагнуть*, — я три раза шагаю... (М. Шолохов, Судьба человека); *Tik vieną kartą tose akyse tartum spindulys žybtelėjo* (J. Biliūnas). — Только один раз в этих глазах будто луч сверкнул (И. Билюнас).

Чаще одноактные глаголы сочетаются с различными лексическими показателями кратности действия. Наличие в контек-

сте таких словосочетаний, как *два раза, несколько раз, еще раз* и т. п., сигнализирует о повторяемости одноактного действия: Федор с интересом слушал сказку, *раза два* даже носом *шмыгнул* в забывчивости (В. Шукшин, Как зайка летал на воздушных шариках); — Иди отсюда! — негромко, жестоко сказал Павел. И *толкнул* Филиппа в грудь... И *еще толкнул, и еще* — да сильно толкал (В. Шукшин, Осень); *Vincė... dar taukštelėjo keletą dešimtų kartų* ... (J. Vaižgantas) — Винце... стукнул еще несколько десятков раз (молотком) (Ю. Вайжгантас); *опять хлыснул* кнутом — *vėl pliaukštelėjo, несколько раз шевельнула* рукой — *keletą kartų krustelėjo* и др.

Сравнительно часто одноактные глаголы сочетаются с лексическими показателями, уточняющими мгновенность действия: *Вдруг* ветер *дунул*, загашая Огонь светильников ночных ... (А. Пушкин, Евгений Онегин); *Ir staiga krūptelėjau* nuo žmogaus balso (J. Baltušis) — И вдруг я дрогнул от человеческого голоса (Ю. Балтушис). Нередко одноактные глаголы употребляются в предложениях, в которых имеются конструкции со словами *миг, мгновение*, ср.: Лермонтов оглянулся, и *в то же мгновение сверкнул* тусклый огонь из пистолетного дула... (К. Паустовский, Разливы рек).

Некоторые одноактные глаголы, как уже указывалось, не выражают мгновенности действия. Отсутствие этого оттенка иногда тоже сигнализируется контекстом: — А почему купили душу у Плюшкина? — *шепнул* ему на другое ухо Собакевич (Н. Гоголь, Мертвые души); ср. также — О боже мой! — воскликнул Володя. — Чего ж ты уж так испугалась-то?... — И он *коротко хохотнул*... (В. Шукшин, Медик Володя); — *Bene ne teisybė, — burbtelėjo* Andrius... (P. Cvirka) — Разве не правда, — буркнул Андриус; (П. Цвирка); — *Ne, kam..., aš tik trumpai, sakau, žvitgtelėsiu, kaip čia jie* ... (J. Paukštelis) — Я, говорю, лишь мельком (коротко) взгляну, как они здесь (Ю. Паушктялис). Однако, несмотря на возможность употребления некоторых одноактных глаголов в таком окружении (когда контекст указывает на относительную продолжительность действия), они не сочетаются со словами, обозначающими конкретный, хотя и непродолжительный, промежуток времени (ср. невозможность таких сочетаний, как «одну секунду *шепнул* — *kuštelėjo vieną sekundę* и т. п.).

Незначительная интенсивность одноактного действия тоже может подчеркиваться соответствующими лексическими показателями: Силой я разнял ее (Ирины) руки и *легонько толкнул* в плечи (М. Шолохов, Судьба человека); Он *чуть заметно шевельнул* своей повязанной на косынке, забинтованной рукой (К. Симонов, Солдатами не рождаются); *слабо махнул* рукой — *lengvai mostelėjo* ranka, *незаметно дернула* за рукав — *nežymiai timptelėjo, bejėgiškai mostelėjo* ranka — *бессильно махнул*

рукой. Этот семантический признак глаголов сигнализируется иногда другими словами контекста с соответствующим значением: *Легкая боль кольнула* ее сердце (К. Паустовский, Разливы рек).

Литовские одноактные глаголы с наречиями, выражающими слабую интенсивность действия, почти не употребляются. Редки также в обоих языках случаи сочетания одноактных глаголов с лексическими показателями, уточняющими сильную интенсивность, резкость проявления действия, ср.: «Держись, сейчас *больнее* будет». Да с тем как *дернет* мою руку... «У меня рука *вдребезги* разбитая, а ты ее *так рванул*» (М. Шолохов, Судьба человека); *наотмашь хлыстнул*. Они почти не сочетаются и со словами, означающими неожиданность (ср.: *netikėtai kryptelėjo* — *неожиданного качнулся*), а также непроизвольности действия.

Однако довольно часто в русском языке и реже в литовском суффиксальные одноактные глаголы вступают в связь с наречиями, характеризующими те или иные стороны действия, не свойственные семантике самых глаголов. Например: И *дрогнул* Сокол, и *гордо крикнув*, пошел к обрыву... (М. Горький, Песня о Соколе); Рагозин *горестно махнул* рукой (К. Федин, Костер); *удивленно моргнул*, *неопределенно хмыкнул*, *piktai rėktelėjo* — *серdito цыкнул* и т. п.

Анализ суффиксальных одноактных глаголов русского и литовского языков, таким образом, показывает, что они имеют целый ряд общих типологических черт как в области словообразования, семантики, так и функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — Вопросы общего языкознания. Изд-во ЛГУ, 1965, с. 77.
2. Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, p. 550; Lietuvių kalbos gramatika. II. Vilnius, 1971, p. 38 (далее — Gramatika, II).
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 25; Якайтене Э. Суффиксальные глаголы современного литовского языка. АКД. Вильнюс, 1968, с. 49 (далее — Автореферат).
4. Грамматика современного русского литературного языка. АН СССР, М., 1970, с. 347 (далее — Грамматика-70); Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976, с. 287.
5. Kurschat Fr. Deutsch-Litauisches Wörterbuch. Halle, 1870, S. XVIII; он же. Grammatik der Litauischen Sprache. Halle, 1876, S. 126. Следует отметить, что в работах Л. Дамбрюнаса точечными называются глаголы с непроизводной основой, выражающие краткое одноразовое действие (см.: Dambriūnas L. Verbal Aspects in Lithuanian. — inqua Posnaniensis, VIII, 1958, p. 254—255, — на русском языке в сб. — Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 317—368; он же. Lietuvių kalbos veiksmazodžių aspektai. Bostonas, 1960, p. 17—18).
6. См. Jablonskis J. Rinktinia rašai. I. Vilnius, 1957, p. 277—18). Skardžius P. Указ. соч., с. 549—550; Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. II. Warszawa, 1965, S. 372—375;

- Якайтене Э. Автореферат, с. 18—19. Заметим, что литовские глагольные суффиксы в лингвистической литературе пишутся вместе с суффиксом инфинитива *-ti*, ср. *-telėti*. В данной статье суффикс инфинитива отделяется черточкой.
7. По мнению А. А. Потемни, соответствие указанных глаголов «русским однократным только мнимом», так как литовские глаголы употребляются в формах настоящего времени (см. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. IV. М.—Л., 1941, с. 41). Однако глаголы в данных формах не выражают настоящего актуального и, как все глаголы сов. вида, не могут быть употреблены в ответах на вопрос «что ты сейчас делаешь» (ср. статью Л. Дамбрюнаса в сб. — Вопросы глагольного вида, с. 367, 368).
 8. Gramatika, II, p. 18—20.
 9. Paulauskienė, A. Dabartinės lietuvių kalbos veiksmažodis. Vilnius, 1971, p. 31; Jakaitienė E., Laigonaitytė A., Paulauskienė A. Lietuvių kalbos morfologija. Vilnius, 1976, p. 136 (далее — Morfologija).
 10. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 25—26. По мнению О. П. Рассудовой, значение однократности (одноразовости) имеют и глаголы с приставкой *по-* типа позвонить, попросить, поцеловать (Употребление видов глагола в русском языке. Изд-во МГУ, 1968, с. 13, 116).
 11. Грамматика-70, с. 347.
 12. Авилова Н. С. Указ. соч., с. 287—289, 268, и след.; Кухтенкова Г. Г. Способы действия и их влияние на вид глаголов. — Вопросы современного русского литературного языка (грамматический строй и стилистика). Вып. 1. Челябинск, 1966, с. 14, 12—13.
 13. См. Маслов Ю. С. Указ. соч., с. 70—72; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 13—28; Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. АДД. Л., с. 6, 30—31.
 14. Gramatika, II, p. 18—20.
 15. Paulauskienė A. Указ. соч., с. 31—32; ср. Morfologija, p. 136.
 16. Вопрос о возникновении данного суффикса см. Виноградов В. В. Русский язык. Изд. второе. М., 1972, с. 349—350.
 17. См. Якайтене Э. Автореферат, с. 18; она же. Veiksmažodžių daryba (Priesagų vediniai). Vilnius, 1973, p. 56.
 18. Ср. Виноградов В. В. Указ. соч., с. 349; Грамматика-70, с. 244, 246—247.
 19. Ср. Галнайтите Э. А. Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком). — Kalbotyra (Языкознание). VIII. 1963, с. 138—139; Gramatika, II, p. 38—39; Якайтене Э. Автореферат, с. 19.
 20. См. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Указ. соч., с. 25. По словам Л. Дамбрюнаса, глаголы с суффиксом *-telė-ti* выражают очень краткое действие, для совершения которого требуется меньше времени, чем для произнесения глагола, означающего данное действие. ср. *ai* и *aiktelėti* — *ai* и *айкнуть* (Dambriūnas L. Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai, p. 17).
 21. Виноградов В. В. Указ. соч., с. 417.
 22. Потемня А. А. Указ. соч., с. 88.
 23. Грамматика-70, с. 247.
 24. Знак \pm указывает на нейтральное отношение одноактных глаголов к данному признаку; знак (+) указывает на наличие единичных образований от основ данной лексико-семантической группы.
 25. См. Gramatika, II, p. 734—746. Термин *ištiktukas* образован от глагола *ištikti* — случиться.
 26. Против этого термина высказался еще А. М. Пешковский (см. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, с. 198).

27. См. Виноградов В. В. Указ. соч., с. 437, 594.
28. По мнению Я. Отрембского, все слова данной части речи являются производными от глаголов (см. Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego, s. 375).
29. В литовско-русском словаре, а также в лингвистической литературе (ср. Якайтене Э. Автореферат, с. 19) термин *Ištiktukas* переводится на русский язык «звукоподражательные междометия». Так как слова упомянутой части речи эмоций не выражают и, следовательно, не имеют никакого отношения к междометиям, а также не всегда являются звукоподражательными, в статье предлагается другое русское название этих слов.
30. Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1972.
31. Интересным в данном отношении является замечание А. М. Пешковского: «Когда мы говорим *прыг* вместо *прыгнул*, мы хотим выразить ограниченность проявления движения во времени и символизируем ее при этом обычно еще и особой артикуляцией звуков (напряженной) и особой интонацией» (см. Пешковский А. М. Указ. соч., с. 199).

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ РУССКОГО ГЛАГОЛА В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Мюркхейн

1. Вопрос о способах передачи русского глагольного вида средствами эстонского языка не раз привлекал внимание исследователей. Проблема важна не только с практической стороны преподавания русского языка эстонцам и для практики перевода, но и в чисто теоретическом плане выявления сходства и различия в функционировании тех участков систем, где наблюдаются наибольшие категориальные расхождения.

При сопоставлении русского и эстонского языков с точки зрения видо-временных отношений существенной опорой представляется функционально-семантическая категория аспектуальности. Если в русском языке в понятие аспектуальности включается категория вида в качестве морфологического ядра и периферийные компоненты — «способы действия, а также лексические и синтаксические показатели характера протекания действия» [3/50—51], то в эстонском аспектуальность ограничивается лишь периферийными элементами, т. е. неглагольными лексическими и синтаксическими средствами. Правда, известны попытки выделить в сфере эстонского глагола особые «видовые классы»: образования с суффиксом -*pe*- (транслативы), обозначающие постепенный переход из одного состояния в другое, глаголы с -*tse*- (континуативы) со значением медленно протекающего действия и др. [10/33].

Как отмечает А. И. Пихлак, аспектуальность в эстонском языке — это выражение различных акциональных значений на лексико-семантическом уровне (т. е. на уровне способов действия), на уровне словосочетаний (на рекциональном уровне) и на уровне связи предикатов. Эти значения выражаются в оппозициях предельности/непредельности и достижения/недостижения предела. Именно в последней оппозиции обнаруживаются соответствия важнейшим функциональным различиям русского глагольного вида. На рекциональном уровне оппозиция достижение/недостижение предела проявляется у переход-

ных глаголов в тотальном /партитивном падежах дополнения, у непереходных — в тотальном/партитивном падежах подлежащего [7]. Вопрос заключается в том, есть ли какая-либо регулярность в употреблении тех или иных лексико-синтаксических средств эстонского языка для передачи определенных значений русских видовых форм.

В задачу настоящей работы входит проследить на материале переводов нескольких рассказов А. П. Чехова¹, какими средствами эстонского языка пользуются переводчики при передаче русского глагольного вида, как эти возможности реализуются в зависимости от временного плана глагольного действия, переходности и непереходности глаголов. Наблюдению подвергались видо-временные формы индикатива — всего 467 форм. Отправным моментом служил русский текст, в котором, следуя алгоритму М. А. Шелякина [14], учитывались частные видовые значения и различия, наблюдаемые между временными формами. В подходе к значению эстонских временных форм мы исходили из системы Б. А. Серебренникова [11]. Кроме того, в некоторых случаях учитывались структурно-синтаксические особенности русского и эстонского текстов.

Анализ производился в следующем порядке: глаголы совершенного вида (СВ) прошедшего и будущего простого времени, глаголы несовершенного вида (НСВ) прошедшего и настоящего времени. В рамках каждой временной группы отдельно рассматривались переходные и непереходные глаголы.

2. Глаголы совершенного вида

2.1. Прошедшее время

2.1.1. Переходные глаголы². Свойство эстонских переходных глаголов варьировать падеж дополнения в зависимости от того, на весь объект (объекты, определенную часть объектов) направлено действие или на неопределенную его часть, обычно используется при переводах, в сопоставительных русско-эстонских работах, а также в методике обучения русскому глагольному виду эстонских учащихся. Глаголы с тотальным дополнением (в форме ген. ед. ч., номин. ед. и мн. ч.), как правило, соотносятся с русскими глаголами совершенного вида. Партитивное дополнение (в парт. ед. и мн. ч.) при глаголе свидетельствует о соответствии его русскому глаголу несовершенного вида. Исключения представляют так называемые

¹ Рассказы «Живая хронология» и «Гость» в переводе В. Линаска; «Лошадина фамилия» и «Пересоллил» в переводе Фр. Тугласа.

² Так как русским переходным глаголам не всегда соответствуют эстонские транзитивные глаголы, то мы будем рассматривать как случаи совпадения, так и случаи расхождения.

«партиитивные» глаголы, употребляющиеся в основном с партиитивным дополнением. В нашем материале эта закономерность в значительной степени выдерживается. Ср. глаголы прош. вр. СВ с единично-фактическим значением в русском и имперфектные глаголы в эстонском: «...землемер закрыл уши воротником...» (503)³ — «...peitis maamõõtja kõrvad kraesse...» (ном. ед.), (228); «Землемер... первым делом остановил лошадей...» (502) — «...Maamõõtja... peatas kõigipealt hoobuse...» (ген. ед.), (227).

Если в роли дополнения в эстонском языке выступает количественный оборот или единичное числительное, то дополнение будет всегда тотальным, так как переход действия на определенную часть объекта или определенное количество объектов очевиден. Однако эстонский глагол при такого рода дополнении не обязательно должен соответствовать русскому глаголу совершенного вида (напр.: võtsin kaks raamatut — взял/брал две книги). Необходимость же передать значение совершенного вида на эстонский язык осуществляется в таком случае при «особой контекстуальной поддержке». Так, значение достижения предела не вытекает из формы дополнения при переводе фразы «Часы пробили половину первого». — «Kell lõi pool üks». Оно создается всем окружающим контекстом. Значение контекстуальных и стилистических факторов при выражении предельного действия наблюдаем и в таком случае: «Накося!» — сказал генерал с презрением и поднес к его лицу два кукиша» (343). — «Säh sulle!» ütles kindral põlgusega ja tõstis ta näo ette kaks trääsa» (114). Здесь на мгновенность двух последовательных действий в сочетании с известной экспрессией указывает текст в целом.

Контекст не играет столь заметной роли, если в передаче русского СВ в эстонском языке участвуют наречия перфективности, «указывающие на завершение действия, доведение его до какого-то предусмотренного предела» [9/12]. Это такие наречия, как äga, tahta, läbi и др., являющиеся составным компонентом слитных глаголов. Наиболее распространенный из них äga выступает и в нашем материале при глаголах с тотальным дополнением: «Все средства испробовал...» (376) — «Kõik abipõud olen äga proovinud...» (138); «Она ему и театр выхлопотала, и билеты на десять спектаклей распродала...» (206) — «Muretses talle teatri ja müüs ära pääsmed kümnele etendusele...» [20].

В условиях такого типа аспектуального контекста, как цепь, слитный глагол с перфективным наречием может «задавать» значение достижения предела следующему глаголу, который

³ В скобках отмечаются №№ страниц русского и эстонского изданий А. П. Чехова, означенных в разделе «Литература».

обычно рассматривается как неопределенный. При переводе оба эти глагола соответствуют русским глаголам СВ. Ср.: «Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую...» (342) — «Võeti läbi kõik hobuste ead, sood ja tõud, meenutati lakkasid, kapju, hoburiistu...» (113). Несмотря на то, что неопределенно-личные глаголы в эстонском языке требуют тотального дополнения, глагол *meenutama* употребляется обычно с партитивным, что мы и видим в нашем случае. То, что он соотносится с русским глаголом СВ, во многом обусловлено слитным глаголом, в состав которого входит перфективное наречие *läbi* (*läbi võtma*).

Эстонские глаголы с партитивным дополнением, соотносительные с русскими глаголами СВ, наблюдаются в составе фразеологизмов, после глаголов с особой экспрессивной окраской: «Одного я так трахнул, что... богу душу отдал...» (501) — «Ühte raputasin ma põnda, et... oma hingekeese andis Issandale...» (226). Как известно, экспрессивность присуща более глаголам СВ, однако в эстонском и русском языках она может не совпадать или иметь различную степень проявления. Например: «Клим оглянулся на землемера, заморгал всем лицом и стегнул по лошаденке» (501) — «Klim heitis pilgu selja taha maapõõjtjale, virildas nägu ja äigas hobust» (226). В русском тексте экспрессивность создается словоформой «лошаденка» и необычностью словосочетания «заморгал всем лицом». В эстонском экспрессивны все три глагольные центра, выраженные фразеологизмами и просторечным глаголом *äigama*.

В соответствии с русскими глаголами СВ в эстонском языке нередко употребляются оборотные глаголы, не содержащие особой экспрессии. Устойчивым компонентом этих глаголов служит имя существительное в определенной грамматической форме, часто и в партитиве [9/8—9]. Рассмотрим один из таких случаев: «Перегарин быстро пожал Зельтерскому руку, надел фуражку и вышел» (377). — «Peregarin surus kähku Zelterski kätt (парт. ед.), pani mütsi (ген. ед.) pähe ja väljus» (139). Как видим, оборотные глаголы имеют устойчивые компоненты в форме партитива и генитива. Без широкой поддержки контекста они не могут выражать значение достижения предела. Это значение обуславливается быстрой сменой единично-фактических последовательных действий и подчеркивается таким контекстуальным элементом, как *kähku* «быстро».

Любопытен случай передачи формы СВ при чрезмерно-длительном способе действия формой эстонского презенса: «Чай, заждалась друга сердешного...» (377) — «Küllap ta juba ootab oma südamesõpra...» (139). Здесь при явном нарушении соотносительности во временной локализации наблюдается сохранение некоторого соотношения целостности действия — достижение предела. На первый взгляд кажется, что в эстонском тексте

контекстуальные показатели предельности действия находятся в противоречии: с одной стороны — партитивное дополнение, с другой — лексемы *küllar* и *juba*, показывающие на чрезмерность действия. Однако следует иметь в виду, что данное сказуемое-глагол не употребляется с тотальным дополнением. Следовательно форма дополнения в этом случае не участвует в выражении предельности или неопределенности, и лексические показатели остаются единственными выразителями значения чрезмерной длительности действия.

2.1.2. Непереходные глаголы. Для передачи значения СВ русских непереходных глаголов переводчики пользовались различными средствами эстонского языка. Например, 1) формами перфекта: а) в индикативе при конкретно-фактическом перфектном действии в повествовательном предложении «... вся живность уснула...» (373) — «... *kõik, mis elas, oli uinunud...*» (135); при чрезмерно-длительном действии «Однако... я у вас засиделся...» (377) — «*Kuid... olen kauaks istuma jäänud...*» (138) (на длительность указывает слово «*kauaks*»); в эллиптической структуре «Кто как привык...» (374) — «*Kuidas keegi harjunud...*» (136); в вопросительном предложении «Куда же это ты въехал?» (501) — «*Kuhu sa oled sõitnud?*» (226); б) в сослагательном наклонении «Чуть я не помер от страха...» (503) — «*Oleksin hirmust peaaegu surunud...*» (228).

2) Формой составного глагольного сказуемого с компонентом *hakka*, показывающим на начальный предел действия: «Телега задрожала» (503). — «*Vanker hakkas võibsema*» (228); «У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы» (340). — «*Erukindral-major Buldeevil hakkasid hambad valutama*» (111); «... и заходил по комнатам» (342). — «... *ja hakkas tuba mööda sammuma*» (113).

3) Фразеологизмами с ярко выраженной интенсивностью действия. Причем, в русских текстах им могут соответствовать как фразеологизмы, так и единичные глаголы. Ср.: «Зельтерского бросило в пот» (374). — «*Zelterski tõmbus higiseks*» (136); «Убежал... Испугался, дурак...» (502) — «*Putku pani... kartma löi, lollpea...*» (227); «... из головы вышибло...» (341) — «... *peast pühitud...*» (112).

4) Сочетанием морфологических и контекстуальных элементов, обуславливающих передачу значения СВ. Например, глаголом с суффиксом *-ata*-, указывающим на внезапное, однократное действие, и обстоятельственным словом *äkki* «вдруг»: «... заорал вдруг землемер» (501) — «... *gõgatas äkki maamõõtja*» (226). Однако подобных случаи редки. Значительно чаще в передаче значений СВ участвует широкий контекст.

5) Сочетанием семантики глагольного действия со значением текста в целом: «Как пришел он после обеда и как сел на диван,

так с той поры ни разу не поднимался, словно прилип» (373). — «Sellest ajast, kui ta pärast lõunat tuli ja diivanile istus, ei tõusnud ta sealt enam kordagi, nagu oleks kinni kasvanud» (135). Однократность первых двух последовательных действий следует из широкого контекста. Обстоятельство «после обеда» не ограничивает повторяемости действия. Оно допускает видовую синонимию, так как эти действия могли повторяться после обеда в течение нескольких дней (или определенного отрезка времени). Другой случай: «... В третьем часу от вышел из дому и постучался в окно к приказчику» (342) — «Kell kolm hommikul väljus ta majast ja koputas kupja aknale» (113). Предшествующий текст характеризует оба действия как конкретно-фактические, обстоятельственная структура лишь уточняет время протекания этих действий.

Только семантика широкого контекста позволяет соотносить «Pimenes» (225) с глаголом СВ «Стемнело» (501). Без этого была бы возможна и форма НСВ — «Темнело». То же самое и в предложении «Генерал сел за стол и взял перо в руки» (341). — «Kindral istus laua taha ja võttis sule kätte» (112). Без учета описываемых событий можно допустить кратность двух действий, рассматривать их как часть обычного распорядка дня. Видовая синонимия возможна и после прямой речи в глаголах говорения. Например: «— Клим!.. — ответило эхо.» «— Климушка! — закричал он» (502). — «Klim!..» kordas vastukaja. «Klimikene!» kisendas ta» (227). Не учитывая обстановки происходящего действия, правомерно соотносить эти глаголы и с формами НСВ — «кричал» он, «отвечало» или «повторяло» эхо.

б) В ряду последовательных действий (при отношениях существенной последовательности) одно из них может иметь грамматически или лексически выраженное значение достижения предела и уподоблять себе другие. Ср.: «Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился» (343). — «Tohter saabus ja tõmbas haige hamba välja. Valu vaikis kohe ja kindral rahunes» (114). В первой фразе на предельность переходного глагола указывает тотальное дополнение и семантика предикатно-объектного узла. Непереходный глагол, связанный с переходным отношениями существенной последовательности, воспринимается как предельный. Во втором предложении достижение предела в первом глаголе обусловлено обстоятельством *kohe* «сразу». Второй глагол связан с первым причинно-следственными отношениями и поэтому рассматривается как предельный.

2.2. Будущее время

Среди эстонских грамматистов нет единого мнения по поводу того, есть ли в эстонском языке будущее время, и в частности —

будущее простое. Одни считают, что значение будущего простого выражается формами настоящего при наличии в тексте известных лексико-синтаксических условий: тотального падежа дополнения, некоторых обстоятельств, указывающих на предел действия в будущем, употребление в роли сказуемого глаголов *jääb*, *saab* и нек. др. [16/91]. Другие, наоборот, усматривают в эстонском языке тенденцию к расщеплению будущего времени на простое и аналитическое [11/451—452]. Третьи допускают существование в эстонском языке простого будущего, «совпадающего с омонимичным по форме настоящим, выражающим целостность действия» [7/]. В наши задачи не входит подвергать критике существующие точки зрения. Однако приведенный в работе материал из практики перевода, возможно, послужит подтверждением правомерности тех или иных взглядов.

Рассмотрим в отдельности выявленные случаи перевода на эстонский язык форм будущего простого русских переходных и непереходных глаголов.

2.2.1. Переходные глаголы. 1) На достижение предела в будущем указывает тотальный падеж дополнения: «Возьмешь одной рукой какого-нибудь здоровилу, вроде тебя и ... и сковырнешь» (501). — «*Võtan vahel ühe käega mõne põraka, nii umbes sinutaolise, ja ... kahekorra*» (226). «Авось службу сослужит...» (375). — «*Vahest osutab mulle teene...*» (137). Это же наблюдается и в случаях несовпадения переходности в русских и эстонских глаголах. Ср., в русском непереходный глагол, в эстонском — переходный с тотальным дополнением: «... а у вас вдруг заражусь!» (374) — «... *ja teil järsku saap nak-kuse!*» (136).

2) При партитивном дополнении значение достижения предела выражается различными способами в разных контекстуальных условиях.

а) Действие, направленное на неопределенную часть объекта, проецируется совершить в будущем самим субъектом действия: «Ба! Попрошу-ка у него денег взаймы!» (376) — «*Haa! Kūsin õige talt raha laenuks!*» (138); «... не хотите ли, я прочитаю вам свое сочинение?» (375) — «... *Vahest soovite, ma loen teile oma teost?*» (137). При этом в русском тексте в первом случае дополнение в генитиве, во втором — в аккузативе.

б) В условиях полного отрицания перехода действия на объект. В русском тексте это подчеркивается специальными лексическими средствами, в эстонском, кроме того, и формами с усиительными частицами *-gi*, *-ki*: «Меня, батенька, ... никакая болезнь не возьмет» (374). — «*Mind..., kullake, ei võta ükski haigus*» (136); «Тут за сто верст пудовой собаки не сыщешь...» (499) — «*Siin ei leia saja versta kaugusel korralikku koeragi...*» (224).

в) В формулах вежливости, характерных для русского речевого этикета, приставочные глаголы фактически обозначают актуальное настоящее. Ср.: «Извините, я вас побеспокою, перебую, я вам помешаю» и под. Действие в этих случаях, как правило, совпадает с моментом речи и поэтому план будущего условен. В эстонских текстах он ничем не отмечается. Напр.: «Виноват, я вас перебую...» (374) — «Vabandage, ma katkestan teid...» (136). В эстонских формулировках подобного рода партитивное дополнение закономерно, так как выражено личным местоимением 2-го лица [19/171]. В русских соответствиях форма простого будущего как бы «отложила» в этих речевых штампах и стала обязательной.

2.2.2. Непереходные глаголы. При непереходных глаголах достижение предела в эстонских текстах обуславливается в основном различными контекстуальными элементами.

1) На достижение предела в будущем могут указывать обстоятельства времени, часто при поддержке более широкого контекста: «Сегодня, например, я часа в четыре лягу...» (375) — «Täna päiteks heidan kella nelja paiku...» (136); «Завтра дочитаете, а теперь поговорим...» (376) — «Homme loete edasi, aga nüüd ajame juttu...» (138). В последнем случае предельность второго глагола задается установкой автора речи.

2) Сочетание обстоятельства времени со слитным глаголом, неглагольный компонент которого указывает на конечную точку движения. Например, наречие ориентации «välja»: «Этот старый хрыч до утра просидит!» (373) — «See vana tõhk istub hommikuni välja!» (135).

3) Значение достижения предела может выражаться только слитным глаголом: «— До-о-едем! — успокоил возница» (500) — «Küll jõuate pärale!» (225).

4) Обстоятельство меры в составе условного придаточного предложения подчеркивает предельность в будущем: «Этакое дитя природы пальцем тронет, так душа вон!» (500) — «Kui sihuke looduslaps kord sõrmega puudutab, siis on hing väljas!» (225).

5) На целостное проявление действия указывает само синтаксическое построение предложения и его лексическое наполнение. Это случаи, когда ситуация сама предполагает «совершенство действия» [14/25]: «Не ровен час — нападут и ограбят...» (500). — «Võib juhtuda mis tahes — tungitakse kallale, röövitakse paljaks...» (225).

Как известно, функция обозначения одновременности/последовательности во времени «является очень важной стороной в «семантическом комплексе» вида, во многом определяющей употребление форм СВ и НСВ в речи...» [6/31]. Рассмотрим, как это положение учитывается при переводе.

6) При соотносительных действиях с существенной последовательностью одно из них обозначает наступление факта как пре-

дела длительности [14/28]. Формально это может определяться структурами типа «до тех пор, пока», в эстонском — «senikaua, kuni», ср.: «Буду читать ему до тех пор, пока не взвоят...» (376). — «Loen talle senikaua, kuni ta uluma pistab...» (137).

7) В аналогичном тексте предел действия подчеркивается введением обстоятельства lõpuks «наконец»: «Поедешь по ней, так, наверно, заедешь к черту на кулички». (500) — «Sõida seda mööda ja jõuad lõpuks vist vanakuradile enesele külla» (225). В эстонском тексте первый глагол употреблен в форме императива, что в принципе возможно и в русском варианте.

8) В цепи последовательных действий предельность одного из них может «задавать тон» другим. Так, например, предельность первого глагола обуславливается наличием при нем генитивного дополнения. Другие глаголы, находясь с ним в одном последовательном ряду, воспринимаются как предельные: «Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплует — и как рукой!» (340) — «Rõõrab läo akna poole, pomiseb midagi, sülitab...» (111).

9) Предел действия в будущем может проецироваться самим субъектом действия или со стороны действующих лиц: «Ужо погоди!.. Взвоешь!» (376) — «Küll sa veel uluma pistad!» (138). Отмеченное значение в эстонском тексте подчеркивается также словами küll и veel. На предельность могут указывать и другие контекстуальные элементы. Например, обстоятельство со значением полного охвата действия: «Этак мы всю дорогу поедем?» (500) — «Kas me sedasi kogu tee sõidame?» (225). Или слитные глаголы с наречием перфективности ära: «Теперь, наверное, уйдет», — мечтал Зельтерский...» (376) — «Nüüd läheb kindlasti ära,» — unistas Zelterski...» (137); «У-убьешь!» (502) — «Ta-tapad ära!» (227).

Однако, как показывает фактический материал, далеко не в каждом эстонском тексте содержатся признаки, свидетельствующие о предельности действия в будущем. Если в русском тексте возможна видовая синонимия, то и в эстонском варианте нейтрализуется оппозиция достижение/недостижение предела. Ср.: «Теперь до четырех часов будет сидеть...» (просидит) — «Nüüd istub ta siis kella neljani.»; «Поедем!» (Едем!) — «Sõidame!».

3. Глаголы несовершенного вида

3.1. Прошедшее время

3.1.1. Переходные глаголы, соответствующие русским глаголам НСВ, могут употребляться в эстонских текстах как с партитивным, так и с тотальным дополнением.

1) В эстонском варианте наблюдаем тотальное дополнение (в форме ген. ед. или номин. мн. числа) при неограниченно-крат-

ном значении русских глаголов: «Одна только беда: некоторые ноты желудком пел и «ре» фистулой брал...» (206) — «Ainult üks viga: mõned noolid laulis kõhuga ja «re» võttis falsetiga...» (20); «Все домашние... предлагали каждый свое средство». (340) — «Kõik kodused... igaüks esitas oma abinõu» (111). Генитивное дополнение отмечается и в том случае, где в русском тексте возможна видовая синонимия, ср.: «Анюточка делала (сделала) вечер в пользу раненых» (207). — «Korraldas Anjutake õhtu haavatute heaks» (20).

2) Эстонские глаголы-сказуемые с партитивным дополнением соответствуют русским глаголам НСВ неограниченно-кратного и конкретно-процессного значения: «Турки-офицеры... все ей руки целовали» (207). — «Türgi ohvitserid... aina suudlesid ta kätt» (21); «Заговаривал зубы — первый сорт» (340). — «Arstis posimisega hambaid — suurepäraselt» (111); «Анюточку петь учил...» (206) — «Opetas Anjutakest laulma...» (20).

3) Наряду с формой дополнения на неопределенность действия могут указывать и обстоятельственные слова: «Приказчика то и дело требовали в дом» (342). — «Kubjast kutsuti ühtesoodu sisse» (113).

4) Нередки случаи, когда русским переходным глаголам соответствуют эстонские непереходные в сопровождении каких-либо обстоятельств. Например, с обстоятельством образа действия: «Моя Анюточка принимала большое участие в его таланте» (206). «Minu Anjutake suhtus väga osavõtlikult tema talendisse» (20). (буквально «относилась участливо»).

3.1.2. Непереходные глаголы НСВ имеют в эстонском переводе следующие соответствия.

1) Большей частью неопределенность глагольного действия, его процессуальность или кратность выражается обстоятельными словами: «...он, бывало, нам целые дни и ночи распевал...» (206) — «...laulis ta meile vahel tervete päevade ja ööde kaupa...» (20); «Он... то и дело выходил из комнаты, где сидел гость...» (373) — «Ta... väljus ühtelugu, toast, kus külaline istus, ent miski ei aidanud» (135). Неопределенность последнего глагола обуславливается и отрицанием. В подобных случаях в русском языке принципиально возможна видовая синонимия, ср. «ничего не помогло». Однако в приведенном тексте отрицательная форма выступает в цепи других глаголов НСВ кратного способа действия и поэтому ее неопределенность является как бы заданной. Аналогичный случай с глаголами процессуального значения: «Гость не понимал и продолжал про бешеную собаку» (373) «Külaline ei saanud aru ja jätkas oma juttu marutõbisest koerast» (135).

Обстоятельные слова при отрицательной форме глагола подчеркивают значение неопределенности: «На войне мы по це-

лым неделям не ложились» (375). — «Sõjas me ei heitnud nädalate kaupa magama» (136).

2) Русским глаголам с частным значением процессности в эстонском могут соответствовать как простые, так и слитные глаголы, ср.: «...у него сидел гость...» (373) — «...tema juures istus külaline...» (135); «У частного поверенного Зельтерского слипались глаза» (373). — «Egaadvokaat Zelterskil kippusid silmad kinni vajuma» (135). В последнем случае в обоих языках глаголы входят в состав фразеологизмов.

3) Монотемпоральные одновременные действия при изобразительной описательности в эстонском передаются формами имперфекта: «На горизонте, где она исчезала и сливалась с небом, лениво догорала холодная, осенняя заря...» (500) — «Taevagannal, kus lagendik kadus ja taevaga liitus, põles laisalt külm sügise-eha...» (225). То же самое при политемпоральном постоянном действии: «Налево от дороги... высились какие-то бугры...» (500) — «Teest pahemal pool tõusid... mingid kühmud...» (225).

4) При ссылочном вводном слове «говорят» (в форме прошедшего времени) в эстонском языке выступает глагол в перфекте косвенного наклонения — *modus obliquus*: «У Тамберлика, говорил, учился...» (206) — «Rääkis, et olevat Tamberliki juures õppinud...» (20). Это соответствие отмечается и в «Сопоставительной грамматике эстонского и русского языка» [8/402].

5) Форма перфекта в эстонском тексте встречается в соответствии с кратным глаголом НСВ, связанным причинно-следственными отношениями с другим кратным глаголом. Этот второй глагол в эстонской фразе выражен имперфектом с отрицанием: «В тифозных госпиталях живал — не заражался...» (374). — «Olen tüüfusehospidalides elanud — ei ole nakkust saanud...» (136). В другом случае единичный кратный глагол того же значения передается формой имперфекта: «Бывали и знаменитые актеры, и певцы...» (206) — «Käisid niihästi kuulsad näitlejad kui ka lauljad...» (19).

Наибольшую трудность при переводах представляет передача значения предельности или достижения предела в глаголах движения. Например, понятийное значение достижения предела может возникать в силу того, что глагол находится в последовательном ряду предельных глаголов. Однако значение конкретной видовой формы противоречит этому. Ср.: «Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину...» (340) — «Saabus tohter. Ta urgitses hamba kallal, kirjutas hiniini...» (111). Переводчик для передачи глагола «приезжал» пользуется словом *saabus* (буквально «прибыл»). Употребление этого глагола не противоречит значению достижения предела, выражаемого всем рядом последовательных глаголов. Однако глагол *saabus* не

передает грамматического значения НСВ глагола «приезжал». Ограниченно-кратное действие глагола «приезжал» в данном случае состоит из двух актов движения — «туда и обратно».

Русские глаголы «ходить» и «ездить» (и образования от них с приставкой при-) обычно переводятся на эстонский язык глаголом *käima* независимо от того, имеется ли в виду неограниченно-кратное действие или действие, состоящее из двух актов (туда и обратно). Например, в нашем материале: «Генегал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал...» (342) — «Kindral ei maganud kogu öö, käis ühest nurgast teise ja oigas...» (113); «И певцы хорошие приезжали, бывало...» (206) — «Ka head lauljad käisid vahel...» (20); «Приезжал он сюда ... лет двенадцать тому назад...» (206) — «Ta käis siin ... aastat kaksteist tagasi» (20). При необходимости передать различие отмеченных значений следует учитывать семантику глагольных действий и контекстуальные возможности.

3.2. Настоящее время

3.2.1. Переходные глаголы. Как уже отмечалось ранее, русскому аккузативу при переходных глаголах НСВ в эстонском языке обычно соответствует партитивное дополнение. Однако нарушение этой закономерности наблюдается и в настоящем времени. Так, в нашем материале тотальное дополнение обнаруживается при разных условиях.

1) В актуальном настоящем с процессно-конкретным значением глаголов НСВ: «Большая бронзовая лампа с зеленым абажуром красит в зелень а ла «украинская ночь» стены, мебель, лица...» (205) — «Suur roheline abajuuriga pronkslamp värvib seinad, mööbli ja näod rohelisteks a la «Ukraina ööd» (19); с ограниченно-кратным значением: «Изредка ... вспыхивает тлеющее поле-но и на мгновение заливает лица цветом пожарного зарева...» (205) — «... süttib aeg-ajalt veel hõguv puuhalg ja katab hetkeks näod tulekahjukumaga...» (19).

2) Генитивное дополнение при глаголе с неограниченно-кратным значением (что устанавливается из предшествующего контекста) отмечается в составе фразеологизма параллельно с партитивным в границах одной фразы: «Я теряю сознание, вскакиваю и начинаю бросать в домашних чем попало» (375). — «Ma kaotan teadvuse, kargan püsti ja hakkam koduseid loopima...» (137). (В эстонском тексте глагол *loopima* «бросать, кидать» — переходный. В. М.).

3) В вопросительных предложениях с более общим значением дополнение тотальное, например, номинативное: «Так что же ты думаешь?» (501) — «Ja mis sa mõtled?» (226). При обозначении конкретного предмета оно может быть и в партитиве:

«... зачем ты так гонишь лошадь?» (501) — «... miks sa põnda hobust kihutad?» (226).

Партитивное дополнение выступает в следующих случаях. Во-первых, после партитивных глаголов в положительной и отрицательной форме: «Его в Саратове каждая собака знает...» (341) — «Teda teab Saraatovis iga koer...» (112); «Не знаете ли такого человека?» (377) — «Kas te ei tea mõnd niisugust head inimest?» (138); «... дороги не знаю...» (502) — «... ma ei tunne teed...» (227); «Ох, света белого не вижу!» (342) — «Oh, ei näe enam maailma valgust!» (113). Во-вторых, в отрицательных предложениях: «...но это не портит общей световой гармонии» (205). — «... kuid see ei riku üldist valguse harmooniat» (19). В-третьих, после некоторых саратовских на дому у себя пользуется...» (340) — «Sealseid saraatovlasi arstib kodus enese juures...» (111). Нередки случаи, когда значение кратности глагольного действия создается при поддержке контекста, задается какой-либо частью синтаксического целого, например: «Ограничиваюсь только тем, что незадолго до припадка предупреждаю знакомых и домашних...» (375) — «Piirdun ainult sellega, et hoiatan tuttavad ja koduseid...» (137).

Глаголы так называемой «интеллектуальной чувствительной деятельности» и глаголы «речи-мысли» в позиции перед придаточным предложением или перед прямой речью обычно понимаются как неопределенные: «Помню, фамилия лошадиная...» (341) — «Mäletan, on hobuse nimi...» (112); «Да, чувствую, что заразился.» (374) — «Jah, ma tunnen, et olen nakatatud» (136); «Мне, папа, семь лет! — говорит Коля...» (207) — «Mina olen seitsmeaastane, isa!» ütleb Kolja...» (21). Если не учитывать этих условий, то глагол *ütleb* правомерно перевести как «скажет», что и наблюдается часто в русской речи эстонцев.

3.2.2. Непереходные глаголы. Формам НСВ с конкретно-процессным или единично-фактическим значением в эстонском тексте, как правило, соответствуют формы актуального настоящего: «...у раба божьего Алексея зубы болят...» (341) — «... jumala sulasel Alekseil hambad valutavad...» (111); «Я вот еду, а начальству известно... так и глядят...» (501) — «Siin ma sõidan, aga ülemus teab ... muudkui vaatavad...» (226); «Врешь, брат! Вижу, что врешь!» (501) — «Valestad, vennas! Näen, et valetad!» (226). То же самое и при неопределенном значении русского глагола: «Живем, как в лесу» (206). — «Elame nagu metsas» (20).

Кратным глаголам с неограниченно-кратным значением в эстонском соответствует в основном дериватное значение настоящего времени. При этом регулярность кратного действия обуславливается обстоятельственными словами или задается

контекстом: «А вот я так всегда в двенадцать ложусь» (375). — «Aga mina heidan alati kell kaksteist magama» (137); «В девять мы встаем, в три обедаем, в десять ужинаем, в двенадцать спим» (374). — «Me tõuseme kell üheksa, kell kolm sööme lõunat, kell kümme õhtust, kell kaksteist heidame magama» (135). В последней паре русским непереходным глаголам «обедаем» и «ужинаем» соответствует эстонский переходный глагол *sööme* с партитивными дополнениями *lõunat* и *õhtust*.

Интересно отметить случаи, когда при изменении аспекта высказывания формы настоящего и простого будущего времени в значении *praesens historicum* передаются в эстонском тексте формами имперфекта. Например: «Одно слово скажет, бывало, и театр ходором ходит» (206). — «Ütles vahel üheainsa sõna ja teater vabises» (20). На спорадическую повторяемость двух последовательных действий в русском тексте указывает глагол «бывало», в эстонском — обстоятельственное слово *vahel*. Таким образом, контекст нейтрализует видовые значения представленных здесь форм презенса. Каждая из них может быть взаимно заменена, и содержание высказывания не изменится. Видовые значения этих форм становятся нерелевантными, они выражают лишь «фактовость действий в повторяющихся ситуациях» [1/72]. Как отмечают исследователи, одним из особых значений глаголов СВ в настоящем историческом является экспрессивность [2/54]. В нашем случае экспрессивность высказывания достигается не только формами исторического настоящего, но и включением фразеологизма «ходором ходит». В эстонском тексте значение экспрессивности выражается лексически. Употребление в переводе форм имперфекта на месте форм исторического настоящего соответствует абсолютному употреблению времен. Однако формы *praesens historicum* могут передаваться в эстонском тексте и формами настоящего времени: «... стоим мы под Ахалцыхом...» (375) — «... me asume Ahhalsõhhi juures...» (137).

В односоставном предложении с главным членом — глаголом 3 л. мн. ч. в значении неопределенно мыслимого лица [4/564] формам исторического настоящего в эстонском соответствуют глаголы в неопределенно-личной форме, ср.: «Какие прекрасные бывали у нас прежде вечера... И поют, и играют, и читают...» (206) — «Kui toredad õhtud meil varem olid... Lauldi, mängiti, deklameeriti...» (20).

В отдельных случаях переводчик прибегает к изменению форм наклонения. Например, для передачи действия, кажущегося сходным с каким-либо другим, в эстонском языке служит одно из значений сослагательного наклонения [19/118]: «Землемер сделал вид, что роется в карманах...» (502) — «Maatõõtja tegi näo, nagu otsiks taskutes» (227). Здесь представлена форма настоящего времени сослагательного наклонения.

Можно отметить немало случаев, когда одно и то же значение настоящего времени в эстонском и русском текстах передается разными лексико-синтаксическими структурами. Рассмотрим некоторые из них. Русскому безличному предложению в эстонском соответствует личное. Характеристика кратности действия в обоих языках содержится в последующей фразе. Ср.: «Знобит меня, в жар бросает. Всегда этак у меня перед припадком бывает» (375). — «Mul käivad külmavärinad, kuumad joad jooksevad üle keha. Nii on mul alati enne haigushoogu» (137). Обратное явление — русскому личному предложению с глаголом конкретно-процессного значения в эстонском соответствует безличное: «Мерзну!» (503) — «Mul on külm!» (27); «Я люблю-с...» (376) — «... mulle meeldib...» (137). Единичный глагол (в данном случае с конкретно-процессным значением) в эстонском может передаваться фразеологизмом: «Лопнев и Шармыкин задумываются» (207). — «Lopnev ta Šaramõkin jäävad mõttesse» (21). Структурные различия особенно часты в речевых штампах. Например, в вопросе-обращении при неограниченно-кратном значении глагола: «... как тебя зовут?» (500) — «... kuidas su nimi on?» (225); в реплике-ответе с обобщенно-кратным значением глагола: «Случается!» (374) — «Seda juhtub!» (136) и нек. др.

Наши наблюдения проводились на художественных текстах, насыщенных диалогом, что в значительной мере сближает их с разговорной речью. Однако эта близость относительна, так как диалог в художественном тексте не может быть слепком живой разговорной речи, а представляет лишь ее стилизацию [5/176]. Сопоставление текстов других жанров и другой стилистической направленности, по всей вероятности, выявит иные возможности для передачи видо-временных форм русского глагола на эстонский язык.

На основании рассмотренного материала можно сделать некоторые выводы.

1. Тексты переводов не обнаруживают сколько-нибудь устойчивой регулярности в передаче тех или иных частных значений СВ и НСВ определенными средствами эстонского языка. Аспектуальная характеристика действия чаще всего складывается из показателей контекста, из различной их комбинации.

2. В группе переходных глаголов варьирование падежа дополнения создает относительную регулярность при передаче форм русского СВ и НСВ. Эта регулярность в прошедшем времени нарушается употреблением так наз. «партитивных» глаголов в соответствии с русскими глаголами СВ, обязательно партитивного дополнения, выраженного личными местоимениями 1-го и 2-го лица, при отрицании и др.; в настоящем времени — употреблением тотального дополнения. Нередко русским переходным глаголам соответствуют эстонские непереход-

ные. В этом случае на характер протекания действия указывают обстоятельственные слова.

3. Характер протекания глагольного действия переходных глаголов СВ и НСВ выражается при переводе обстоятельственными словами, семантикой широкого контекста или его частей, употреблением слитных и оборотных глаголов в соответствии с русскими глаголами СВ.

4. Там, где в русских текстах возможна видовая синонимия, в эстонских параллелях наблюдается нейтрализация противопоставления достижение/недостижение предела.

5. Для передачи форм будущего простого обычно используется тотальный падеж дополнения в сочетании с контекстуальными элементами и семантикой текста. Например, план будущего может задаваться со стороны действующих лиц или субъекта действия, структурами типа «до тех пор, пока» — *senikaui*, *kipi* и др.

6. При изменении аспекта высказывания в соответствии с русским *praesens historicum* использовались формы эстонского имперфекта, настоящего времени и глаголы в неопределенно-личной форме.

7. Эстонский перфект выступает не только при передаче глаголов СВ, но в некоторых случаях и вместо глаголов НСВ прошедшего и настоящего времени.

8. Нередко значение той или иной видовой формы русского глагола в эстонском тексте передается с изменением форм времени, склонения, синтаксической структуры высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ф. Ф. О выражении повторяющихся действий глаголами совершенного вида в историческом настоящем. — В сб.: Вопросы русской аспектологии II. Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 434. Тарту, 1977.
2. Бондарко А. В. Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида. — В сб.: Славянское языкознание. Изд-во АН СССР, М., 1959.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
4. Грамматика современного русского литературного языка. Изд-во АН СССР, М., 1970.
5. Журавлев А. П. О некоторых отличиях живой речи от стилизованной. — В сб.: Русская разговорная речь. Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1970.
6. Маслов Ю. С. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та, т. 146. Воронеж, 1975.
7. Пихлак А. И. Принципы лексико-семантического сопоставления глаголов в русско-эстонских словарях. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. III. Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 439, Тарту, 1978.
8. Пяльль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллин, 1962.
9. Рятсеп Х. К. Структура простого предложения в эстонском языке.

- Ориентированные на глагол модели предложения. Автореферат докт. диссертации. Тарту, 1974.
10. Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. Изд-во АН СССР, М., 1960.
 11. Серебренников Б. А. Категория времени в прибалтийско-финских языках. — В сб.: Eesti keele süntaksi küsimusi. ENSV TA Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused, 8. Tallinn, 1963.
 12. Чехов А. П. Собрание сочинений, т. 3. М., 1955.
 13. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В сб.: Вопросы русской аспектологии. Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та, т. 146. Воронеж, 1975.
 14. Шелякин М. А. Лингвистические основы обучения иностранцев употреблению видов русского глагола. — В сб.: Die russischen Verbaspekte in Forschung und Unterricht. Verlag Lambert Lensing, Dortmund, 1976.
 15. Kont, K. Käändesõnaline objekt läänemeresoome keeltes. Tallinn, 1963.
 16. Mihkla, K., Rannut, L., Riikoja, E., Admann, A. Eesti keele lauseõpetuse põhijooned I. Lihtlause. Tallinn, 1974.
 17. Rätsep, H. Eesti keele väljendverbide olemusest. — Keel ja Kirjandus, 1973, nr. 1.
 18. Tšehhov, A. P. Novelle ja jutustusi (1885—1886), II köide, Eesti riiklik kirjastus. Tallinn, 1961.
 19. Valgma, J., Remmel N. Eesti keele grammatika, 2 trükk, Tallinn, 1970.

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ ВИДОВЫХ ФОРМ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Б. М. Гаспаров

1. В течение 50—70-х годов получила значительное развитие новая лингвистическая дисциплина — **грамматика текста**, рассматривающая типы структурной связи между предложениями в тексте и структуру связного текста в целом¹. Можно было ожидать, что обнаружение лингвистических закономерностей построения текста окажет существенное влияние на изучение грамматических категорий, поскольку к традиционному описанию функционирования категорий в рамках отдельного предложения добавился еще один, более высокий уровень, позволяющий рассматривать формообразующие функции и значение категорий в масштабах более крупных межфразовых единств, вплоть до законченного текста в целом. Однако возможности этого нового подхода мало используются. Причина этого в значительной степени заключается в самой грамматике текста: до сих пор в рамках этой дисциплины наибольшее число работ было посвящено описанию соотношений между именами и их различными перифразами в тексте², в то время как закономерности связи между предикатами, наиболее важные с точки зрения функционирования грамматических категорий, остаются сравнительно мало изученными и обычно не выходят за рамки констатации единства временного плана в повествовании.

В связи с этим изучение глагольных категорий на уровне сверхфразовых структур ограничивается пока установлением ряда закономерностей сочетаемости видо-временных форм у частей сложного предложения и у смежных простых предложений в тексте. По этому вопросу имеется довольно обширная литература³. Установлены закономерности введения в межфразовый

¹ См. ряд работ суммарного характера, посвященных современному состоянию данной проблемы [7; 20; 23].

² См. наиболее подробное описание связей между именами в тексте в работах [14; 21; 22; 20].

³ Одним из первых исследований связи между временными формами в сложном предложении явилась работа Н. С. Поспелова [12], написанная

контекст некоторых видовых значений, в частности, «наглядно-примерного» значения СВ [4, стр. 22; 10, стр. 62—63]. Ряд интересных наблюдений над употреблением видовых форм в условиях междфразовых контекстов содержат работы О. П. Рассудовой [13], А. А. Бойко [3], А. В. Бондарко [5; 4, гл. IV]. Все эти частные наблюдения дают в настоящее время возможность поставить вопрос в более общем плане: каковы общие формообразующие функции глагольных категорий, и в частности категории вида, в построении текста на русском языке как единого и связного целого? и какова, в связи с этим, общая «стратегия», которой руководствуется говорящий при употреблении видов в масштабах целого текста? Ответ на эти вопросы может иметь значение как для дальнейшего исследования сущности категории вида, так и для грамматики текста.

Поставленная таким образом проблема имеет чрезвычайно обширный объем и предполагает наличие большого числа различных аспектов. Задачей настоящей работы является не столько решение проблемы, сколько ее постановка. Разрешению этой первичной задачи должна способствовать предпринятая в дальнейшем изложении попытка систематизировать ряд наблюдений над повествовательным текстом и наметить возможности дальнейшего движения в указанном направлении.

2. Рассмотрим следующий пример [газ. «Правда»]:

- [1] Руководство СВАПО отказалось от дальнейших переговоров с пятью западными странами — членами Совета Безопасности ООН по вопросу о Намибии.

В этом примере целый текст равен одному предложению; одного предложения оказалось достаточно для того, чтобы полностью вместить сообщение. Как всякий целый текст, это предложение не предполагает никаких обязательных дополнений, т. е. не предъявляет валентных требований к дальнейшему развертыванию текста. Конечно, для понимания этого текста необходимо знание соответствующих реалий. Например, не всякий читающий эту заметку в газете будет знать, как расшифровывается СВАПО, какие именно пять западных государств входят в Совет Безопасности, каковы предыдущие события, следствием которых явилось данное сообщение, и т. д. Без пояснения этих моментов содержание сообщения будет понято таким читателем не полностью. Однако необходимость всех этих дополнений связана уже с экстралингвистическим опытом читателя, а не с правилами построения целостного сообщения. С точки зрения этих имманентных правил, приведенный пример является самодоста-

параллельно с целым рядом исследований того же автора по грамматике текста. В дальнейшем появилось довольно большое число работ, в которых рассматривается в аналогичном плане соотношение временных и видо-временных форм [8; 9; 11; 16; 18; 4, гл. IV, и др.].

точным и поэтому в принципе может функционировать в качестве законченного текста. Эта принципиальная возможность была реализована в газетном сообщении, которое в данном случае действительно состоит из одного приведенного выше предложения.

Обратим внимание на то, что сказуемое в прим. 1 имеет **форму СВ**. Прделаем теперь эксперимент — заменим форму СВ на НСВ:

[2а] Руководство СВАПО отказывалось от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии.

[2б] Руководство СВАПО отказывается от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии.

Полученные варианты являются грамматически правильными предложениями. Однако они уже не обладают статусом **целого текста**. Поскольку вещественное содержание сообщения осталось примерно тем же, очевидно, что эта смена статуса не связана с передаваемым событием как таковым. И в прим. 1, и в прим. 2а—2б содержание сообщаемого события может оказаться полностью понятным, либо частично непонятным тому или иному читателю, в зависимости от его экстралингвистического опыта и включенности в ситуацию сообщения [знания преамбулы]. Различие заключается в том, **как подается** сообщаемое содержание. В первом случае оно подано как целое сообщение: читатель не только получил информацию о событии, но и понял, что именно это событие составляет то, что ему сообщается. Во втором случае то же содержание подано как часть сообщения; читатель воспринял ту же информацию, но воспринял ее в том смысле, что эта информация еще не составляет всего обращенного в нему сообщения. После прочтения прим. 2 возникает вопрос: 'И что же?'; предложение получает **валентность в тексте**, т. е. нуждается в некотором развертывании для полной реализации своего смысла в качестве целостного сообщения.

Приведем некоторые возможные примеры такого развертывания:

[3а] Руководство СВАПО отказывается от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии. Об этом стало известно вчера в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

[3б] Руководство СВАПО объявило вчера, что оно отказывается от дальнейших переговоров по вопросу о Намибии.

[3в] Руководство СВАПО отказывается от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии. Это решение было принято в связи с обострением внешнеполитической обстановки на Юге Африки.

Приведенные примеры вновь приобрели характер целостного сообщения, которое может быть дано в качестве отдель-

ного текста. При этом в прим. 3а и 3б сообщаемое содержание в сущности не изменилось по сравнению с прим. 2; с точки зрения получаемой читателем информации, сделанное добавление имеет почти исключительно формальный характер. Функция этого добавления состоит не столько в том, чтобы дополнить или продолжить информацию, содержащуюся в прим. 2, сколько в том, чтобы реализовать валентность, исходящую от [2], и тем самым оформить передаваемый смысл как целостное сообщение. С другой стороны, в прим. 3в добавление не только реализует валентность первого предложения, но одновременно с этим существенно расширяет само содержание сообщения. Таким образом, функция оформления коммуникации, которую выполняют добавленные предложения во всех трех прим. [3а—в], никак не связана с реальной информативной ценностью этих предложений, подобно тому, как статус прим. 1 и 2 также не зависел от содержащейся в них вещественной информации.

Итак, отдельные предложения или группы предложений в тексте характеризуются одним важным признаком, наличие или отсутствие которого определяет статус данных единиц в рамках коммуникации в целом. Этот признак можно назвать **автокоммуникативностью**. Предложение или группа предложений, обладающие данным признаком, отличаются способностью представлять заключенное в них содержание в виде целостного сообщения. Восприняв в речи автокоммуникативную единицу, адресат сообщения констатирует, что сообщение **состоялось**, независимо от того, насколько понятным или информативным оказывается для него содержание данного сообщения само по себе. Поэтому автокоммуникативная единица в принципе может образовать отдельный текст, — хотя может также, наряду с этим, войти в состав более обширного текста, который в этом случае будет включать в себя несколько автокоммуникативных единиц.

С другой стороны, предложение или группа предложений, не обладающие указанным признаком, должны быть признаны **синкоммуникативной** единицей. Сама по себе такая группа не воспринимается адресатом как коммуникация, он ждет необходимого развертывания, после которого сможет окончательно судить о том, что ему было сообщено.

Автокоммуникативность vs. синкоммуникативность не связаны непосредственно с содержанием предложений. Они характеризуют не смысл как таковой, а способ подачи смысла в коммуникации. Поэтому данное свойство следует отличать от **автосемантической** vs. **синсемантической**, т. е. способности высказывания нести содержание, которое может быть понято без поддержки контекста или ситуации [19].

Автосеманτικότητα является свойством всякого отдельного предложения; она отличает предложение от различных окка-

зиональных единиц, способных выступить в роли высказывания только в определенных условиях контекста или ситуации (например, различных неполных структур, восклицаний, жестов и т. д.)⁴. В отличие от этого, автокоммуникативность является свойством целого текста (или части текста, обладающей потенциальной способностью быть оформленной в качестве целого текста).

Несомненно, автокоммуникативность представляет собой чрезвычайно сложное явление, которое имеет множество признаков и средств выражения. В приведенных примерах, однако, обращает на себя внимание один общий формальный признак, который может быть приведен в связь с явлением автокоммуникации. Прим. 1 функционировал в качестве автокоммуникации и включал в себя форму СВ. Перевод в форму НСВ привел к появлению синкоммуникации (прим. 2). Добавление к прим. 2 предложения с формой СВ снова привело к созданию автокоммуникации. Продолжая этот эксперимент, заменим далее форму СВ на НСВ в соответствующих предложениях прим. 3:

[4а] Руководство СВАПО отказывается от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии. Об этом сообщалось вчера в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

[4в] Руководство СВАПО отказывается от дальнейших переговоров ... по вопросу о Намибии. Это решение принимается в связи с обострением внешнеполитической обстановки на юге Африки.

Пример вновь приобрел черты синкоммуникации; он не может существовать в качестве отдельного текста и должен быть как-то развернут, чтобы образовать целостное сообщение. Всю последовательность произведенных трансформаций можно представить следующим образом:

СВ [АК] → НСВ[СК] → НСВ + СВ[АК] → НСВ + НСВ [СК].

Итак, в разобранный пример автокоммуникативная структура образуется только при наличии в тексте формы СВ. Анализ дальнейших текстов должен показать, насколько общий характер имеет сделанное наблюдение.

3. Рассмотрим текст несколько большего масштаба — рассказ И. А. Бунина «Идол»:

[5] Как всегда зимой, в московском Зоологическом саду было и в ту зимулюдно, оживленно: на катке с трех часов **играла музыка** и туда **шло** и там **толпилось** и **каталось** множество народа. А по дороге на каток все на минуту **приоста-**

⁴ См. анализ автосемантической как признака предложения [6, стр. 21].

навливались и любопытно глядели на то, что представлялось их глазам в одном из загонов возле дороги: все прочие загоны, равно как и всякие искусственные гроты, хижинки и павильоны, раскинутые на снежных лугах сада, были пусты и, как все пустое, печальны — все странные звери и птицы, населявшие сад, **зимовали** в теплых помещениях, но этот загон не **пустовал**, и было в нем нечто еще более необыкновенное, чем всякие пеликаны, газели, утконосы: там **стоял** эскимосский чум, **похаживал** и порой **бил** в снег копытом тонкой ноги, что-то **искал** под ним большой, бородатый буланый олень, гладкозадый и кудрый, коронованный высокими и тяжкими лопастями серых рогов, — зверь мощный и весь какой-то твердый, жесткий, как все северное, полярное, — а возле чума, прямо на снегу, **сидел**, поджав под себя короткие скрещенные ноги в пегих меховых чулках, **торчал** раскрытой головой из каляного мешка оленьей шкуры не то какой-то живой идол, не то просто женоподобный, безбородый дикий мужик, у которого почти не было шеи, плоский череп которого **поражал** своей крепостью и густотой крупных и прямых смоляных волос, а медно-желтое лицо, широкоскулое и узкоглазое, своей нечеловеческой тупостью, хотя как будто и смешанной с грустью; и **занимался** этот идол только тем, что с трех часов до позднего вечера **сидел** себе на снегу, не обращая внимания на толпавшийся перед ним народ, и от времени до времени **давал** представление: меж его колен **стояли** две деревянные миски, — одна с кусками сырой конины, а другая с черной кровью, — и вот он **брал** кусок конины своей короткой ручкой, **макал** ее в кровь и **совал** в свой рыбий рот, **глотал** и **облизывал** пальцы, всему прочему совсем не соответственные: небольшие, тонкие и даже красивые...

В эту зиму, в числе прочих, ходивших на каток в московском Зоологическом саду и мимоходом смотревших на такую удивительную разновидность человека, были женины и невеста, студент и курсистка. И так на весь век и запомнились им те счастливые дни: снежно, морозно, деревья в Зоологическом саду кудряво юбросли ииеем, точно серыми кораллами, с катка долетают такты вальсов, а он **сидит** и все **сует** себе в рот куски мокрого и черного от крови мяса, и ничего не **выражают** его темные узкие глазки, его плоский желтый лик.

В этом рассказе имеется только одна форма СВ, но именно она играет определяющую роль в построении повествования. Большая часть повествования представляет собой статическую картину; предложение с СВ задает ту **перспективу**, в которой должна восприниматься данная картина, и тем самым выяв-

ляет ее смысл с точки зрения данного сообщения. Иначе говоря, предложение с СВ выполняет в масштабах целого текста функцию, аналогичную той, которую в рамках отдельного предложения имеет форма **предиката** этого предложения. Форма предиката вводит категории времени, лица и наклонения, которые относят содержание предложения в целом к ситуации речи, т. е. определяют временную, пространственную и реальностную перспективу, в которой говорящий рассматривает данное событие, и тем самым актуализируют содержание предложения. Аналогично, содержание группы предложений с НСВ в приведенном тексте само по себе имеет **виртуальный** характер (используя термин Ш. Балли — 2). Содержащаяся в этой части текста картина может по-разному использоваться для целей сообщения, и ее смысл (или, вернее, та смысловая перспектива, в которой она представляет перед адресатом сообщения) будет существенно изменяться в зависимости от этого. Например, может оказаться, что сообщение в целом представляет собой рассказ о некоторых событиях, которые произошли в рамках данной картины, или отсылает к воспоминаниям, связанным с этой картиной (вариант, реально использованный в данном рассказе), или ограничивается самой этой картиной как зарисовкой с натуры (этот последний случай, не требующий предиктирующего предложения с СВ, будет рассмотрен ниже). Выбор любого из этих или какого-либо другого аналогичного варианта представляет собой **актуализацию** исходной картины, т. е. отнесение ее к конкретному сообщению, включение в задачу этого сообщения. Именно такой выбор определяется в рассказе предложением с СВ.

Следующий текст (стихотворение в прозе И. С. Тургенева) хорошо иллюстрирует этот механизм актуализации, который осуществляется в повествовании при помощи предложений с СВ:

[6] Довольный человек.

По улице столицы **мчится** вприпрыжку молодой еще человек. Его движения веселы, бойки; глаза **сияют**, **ухмыляются** губы, приятно **алеет** умиленное лицо... Он весь — довольство и радость.

Что с ним случилось? Досталось ли ему наследство? Повысили ли его чином? **Спешит** ли он на любовное свидание? Или просто он хорошо позавтракал, и чувство здоровья, чувство сытой силы **выиграло** во всех его членах? Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крест, о польский король Станислав!

Нет. Он сочинил клевету на знакомого, **распространил** ее тщательно, **услышал** ее, эту самую клевету, из уст другого знакомого — и сам ей **поверил**.

О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!

В этом рассказе первый абзац (предложения с НСВ) дает исходную картину. Второй абзац состоит из ряда предложений с СВ, каждое из которой предлагает тот или иной вариант актуализации этой исходной картины. Перед нами как бы параллельно возникает несколько альтернативных возможностей включения первого абзаца в целое сообщение. Наконец, третий абзац позволяет осуществить выбор одной из альтернатив — сообщение оказывается окончательно построенным.

Рассмотрим, далее, еще один пример целостного текста (газ. «Известия»):

[7] Перед финишем.

Чемпионат мира и Европы по хоккею, проходящий в чехословацкой столице, **приближается** к финишу: сборные восьми стран сыграли уже 34 матча из 40 запланированных. Команды, оспаривающие места с пятого по восьмое, провели еще две встречи. Американские хоккеисты выиграли у финских спортсменов — 4:3, а команды ГДР и ФРГ сыграли вничью (0:0).

В прим. 5. основную часть текста составляли предложения с НСВ, которые затем получали коммуникативное оформление при помощи единственного в тексте предложения с СВ. В прим. 7 наблюдается противоположное соотношение: текст почти сплошь состоит из предложений с СВ, и лишь первое предложение имеет форму НСВ. В соответствии с этим меняется соотношение двух частей коммуникации. В первом случае исходная картина имеет развернутый характер; смысловой поворот, придающий этой картине статус целого сообщения, долго оттягивается, и наконец совершается в одном из последних предложений текста. Второй текст, напротив, направлен главным образом на сообщение, на передачу новой информации; поэтому исходная, отправная часть сообщения сжимается до одного предложения — это уже не развернутая картина, а краткое объявление **темы** сообщения, как бы продолжение заглавия. Эта функция начального предложения прим. 7 подтверждается тем, что данное предложение в сущности дублирует заголовок, предпосланный тексту.

4. Итак, предложения с СВ осуществляют **предицирующую функцию** в тексте. Они оформляют текст как целостную коммуникацию. Одновременно с этим, предложения с СВ нередко содержат в себе ключевые моменты сообщения, т. е. собственно ту информацию, ради которой был построен данный текст. Именно так обстоит дело в прим. 7, который соответствует наи-

более типичному случаю, часто встречающемуся в речи. В этом случае соотношение частей текста с СВ и НСВ можно сравнить с соотношением **темы и ремы** в актуальном членении предложения: первые вводят исходный материал, отправную точку сообщения, тогда как вторые дают сообщение в собственном смысле. При таком соотношении группа предложений с СВ образует рему в масштабе целого текста. Однако описанный случай не является единственно возможным. Ср. прим. 2а, где вся информация заключалась в предложении с НСВ, а предложение с СВ выполняло чисто техническую функцию оформителя целостной коммуникации. Итак, не во всех приведенных примерах предложения с СВ являются ремой текста, хотя во всех случаях они выполняют свою текстообразующую функцию. Это соотношение хорошо соответствует функции предиката в структуре предложения: предикат обычно (в нейтральном случае) служит одновременно и ремой в актуальном членении предложения, однако в принципе его принадлежность к реме не обязательна; в то же время, независимо от своего положения в структуре актуального членения предложения, предикат всегда выполняет свою конструктивную функцию оформителя целостного предложения. Данная аналогия позволяет сделать вывод о том, что функция предложений с СВ в тексте принадлежит именно к **конструктивному плану** построения текста, хотя в большинстве случаев (как это наблюдается и на уровне предложения) эта функция одновременно соответствует и актуальному членению текста. Таким образом, подтверждается введенное выше определение функции СВ в тексте как предидирующей функции.

До сих пор рассматривались тексты очень ограниченного объема, в силу чего в приведенных выше примерах постоянно оказывалось, что предидирующая функция группы предложений с СВ распространяется на весь текст в целом. В текстах, имеющих большую длину и более сложное строение, повествование распадается на ряд составных частей таким образом, что внутри каждой части действуют те же закономерности, которые отмечаются для текста в целом. В этом случае предидирующая функция СВ распространяется только на соответствующую часть текста. Заметим попутно, что соотношение чередующихся предложений с СВ и НСВ дает формальную основу для членения текста на ряд частей, которые образуют как бы промежуточный уровень между отдельными предложениями и текстом в целом. См. в этой связи стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Нищий»:

[8] Я проходил по улице... меня остановил нищий,
I. дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он **протягивал** мне **расную, опухшую, грязную руку** ...
III. Он **стонал, он мычал** о помощи.

Я стал **шарить** у себя во всех карманах ... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка ... Я ничего не взял с собою.

А нищий **ждал** ... и **протянутая** рука его **слабо колы-**

IV. **халась и вздрагивала.**

Потерянный, смущенный, я **крепко пожал** эту **грязную, трепетную руку** ... «Не **взыщи, брат; нет у меня ничего, брат**».

Нищий **установил** на меня свои **воспаленные глаза**; его **синие губы усмехнулись** — и он в свою очередь **стиснул** мои **похолодевшие пальцы**.

— Что же, брат, — **прошамкал** он, — и на том **спасибо**. — Это тоже **подавание, брат**.

Я **понял**, что и я **получил подавание** от моего брата.

В этом тексте выделяются четыре блока, в каждом из которых задается исходная точка повествования и затем осуществляется ее предсказание формой СВ. Аналогично могут строиться повествовательные тексты очень большой длины.

5. Нам осталось рассмотреть еще один случай — когда целый текст не имеет в своем составе ни одной формы СВ. Такой случай встречается редко, однако в принципе он все же возможен. Примером является рассказ И. А. Бунина «Небо над стеной»:

[9] В солнечное зимнее утро **уезжаю** из Рима.

Хмельной, возбужденный старик, везущий меня на вокзал, в одном пиджаке и каскетке сидящий на **высоких козлах, дергает** локтями, **гонит** свою узкую клячу по тесной длинной улице, в тени и свежей сырости. Но вот улица **круто поворачивает** вправо, **обрывается** спуском на просторную площадь, на **слепящее теплое солнце**. Кляча с **разбегу садится** на задние ноги, старик, упав на бок, **быстро крутит** тормоз. Колеса **скребут** и **ноют**, копыта **крепко цокают** по камню. Впереди, в этом **блеске, еще зыбком, влажном, густо дымится** водяной пылью, **валит** в разные стороны серыми клубами огромный фонтан. А слева, рядом с нами, **идет** какая-то древняя руина, **тянется** дикая, как крепость, радостно озаренная солнцем стена, над обрезом которой **ярко и густо синее** небо. И старик, тормозя, **косит** глаза **кверху**, в дивное лоно его **райских красок**, и **кричит, восклицает**:

— **Мадонна! Мадонна!**

В приведенном тексте, как и в прим. 5, дается развернутая картина, однако в отличие от последнего, никакого собственно события, которое дало бы эту картину в определенной перспективе, здесь так и не происходит. Читатель, не обнаружив ключевого момента, к которому был бы отнесен исходный материал повествования, должен прийти к заключению, что смысл сообщения в данном случае состоит в назывании этого исходного момента как такового. Текст в целом приобретает характер, аналогичный характеру **назывного предложения**: он ничего не сообщает в собственном смысле слова, а лишь **называет**, формирует в сознании читателя целостный образ, и в этом образе (а не в том, что будет о нем сообщено) и заключается весь смысл коммуникации. При этом каждое отдельное предложение в составе данного текста, за исключением последнего, не является назывным и содержит в себе грамматический предикат предложения (*verbum finitum*). Однако весь текст в целом является как бы назывным макропредложением — именно потому, что в его составе отсутствует грамматический предикат текста (форма СВ).

Аналогично прим. 9, без участия форм СВ, чаще всего строятся также такие тексты особого рода, как объявления (Продается... Меняю... Покупайте... Объявляется... Производится... и т. д.); научные определения или утверждения, имеющие вневременной характер («Твердыми телами называются тела, которые имеют кристаллическое строение»); пословицы и т. п. Параллелизм с такими непредикативными образованиями на уровне предложений, как заглавия, вывески, устойчивые выражения типа Ну и ну! и т. д., здесь очевиден.

В случае типа объявления, пословицы и т. п. текст часто равен одному предложению, и притом предложению со стандартной предикативной структурой. Таким образом, данные примеры имеют двоякую структуру с точки зрения двух различных уровней, выступая в качестве предикативных единиц на уровне предложения и непредикативных единиц на уровне текста. Это формальное различие хорошо отражает то различие статуса, в котором данные единицы выступают в качестве отдельных предложений и в качестве целого текста. В качестве отдельного предложения, пример типа «Меняю...» содержит «мысль» — информацию о событии, оформленную в виде предикативной структуры. Но как отдельный текст такой пример может функционировать только в качестве объявления; он не осуществляет целенаправленной передачи заключенной в нем информации, ограничиваясь называнием этой информации в «сыром», неактуализированном виде.

5. Различие функций, которые выполняются в тексте формами СВ и НСВ, может быть объяснено спецификой значения каждой из этих форм. СВ представляет действие в его целост-

ности и тем самым придает действию характер **события**. В самом деле, событие — это то, на что говорящий имеет возможность посмотреть извне; именно так оформляет действие глагол СВ. С другой стороны, глагол НСВ показывает процесс в его течении; это растекание процесса, невозможность определения внешней точки отсчета, которая позволила бы охватить процесс в его целостности, лишает описываемый процесс статуса события.

На уровне отдельного предложения, когда речь идет лишь об оформлении некоторой информации в структурированное единство, данное различие не заметно: обе видовые формы одинаковым образом отвечают требованиям, предъявляемым к структурному центру предложения, и поэтому различие в их употреблении в рамках отдельного предложения сводится к различиям в семантике видовых форм. Однако на уровне текста, где на первый план выступает уже не только объединение информации в единое структурное целое, но и функциональное использование этой информации, соотнесение ее с определенным коммуникативным заданием, различие в значении видов определяет их принципиально различный функциональный статус.

С высказанными здесь соображениями хорошо согласуются некоторые наблюдения О. П. Рассудовой над употреблением видов в контексте. Так, О. П. Рассудова отмечает, что при употреблении СВ «внимание говорящего направлено не столько на само действие, сколько на событие в целом» [13, стр. 11]. В то же время при употреблении НСВ на первый план выступает не событие, а собственно действие как процесс: «Функция глаголов несовершенного вида сближается с функцией глагола быть ... Иную функцию имеют глаголы совершенного вида. Ее можно было бы назвать скорее сообщающей, повествовательной» [13, стр. 18]⁵. Данные наблюдения несомненно относятся к функционированию видов **на уровне текста** и подтверждают тезис о своего рода **процессуальной номинативности** НСВ, которая делает последний неспособным нести на себе предикацию текста.

В принципе функция видовой формы в тексте основывается на значении, которое эта форма приобретает в каждом отдельном предложении. Однако в некоторых случаях два плана реализации видовой формы могут вступать в противоречие друг с другом, и тогда употребление видовой формы может резко не соответствовать ее основному значению. Примером может служить так называемое «наглядно-примерное» значение СВ, при котором эта форма неожиданно начинает использоваться для

⁵ Впервые мысль о повествовательной функции СВ и номинационном характере НСВ была высказана Э. Кошмидером [9 а].

обозначения повторяющихся действий, в сочетании с кванторами типа часто, бывало и т. д., т. е. оказывается включенной в контекст, типичный для НСВ.

В литературе неоднократно давались объяснения того механизма переносного изображения кратности, который делает возможным наглядно-примерное значение СВ [4, стр. 22; 10 стр. 63]. К этим объяснениям следует добавить, что специфика данного употребления СВ основывается не только на особом осмыслении действия в пределах данного предложения, но и на тех функциях, которые форма СВ выполняет на уровне связного текста. В связи с этим следует заметить, что СВ в наглядно-примерном значении обычно появляется в тексте в сочетании с другими предложениями, в которых также сообщается о кратных действиях, но при этом используется форма НСВ. В этом контексте фраза с СВ выделяется как такой элемент сверхфразового единства, который формирует центральное, наиболее важное для данного сообщения звено в цепочке кратных событий, то именно звено, которое придает этой цепочке характер целостного сообщения. Необходимость реализации предиктирующей функции ведет к употреблению в этой точке формы СВ, даже несмотря на ее явное несоответствие передаваемому кратному значению. Требования, связанные с формированием целостного текста, оказываются сильнее требований, предъявляемых к семантической сочетаемости единиц в рамках отдельного предложения, и семантика предложения подстраивается к этим требованиям более высокого уровня организации речи. Эта ассимиляция в структуре предложения формы, противоречащей семантической структуре данного предложения, но необходимой с точки зрения организации текста, и проявляется в переносном наглядно-примерном переосмыслении СВ. Ср. некоторые примеры такого употребления СВ:

[10] И все-таки **не забывала** она тетю Машу: прибежит, немногословно сообщит свои новости, вымоет пол или постирает замызганные малярные комбинезоны (пример взят из 10, стр. 63).

Первое предложение в этом примере служит темой сообщения, той отправной точкой, исходя из которой далее разворачивается основная часть сообщения. Соотношение предложений с НСВ и СВ напоминает соотношение «заглавия» и собственно сообщения (ср. прим. 5). Это соотношение двух частей сообщения оформляется при помощи введения во второй (предиктирующей) части формы СВ.

[11] «У всех за дело сердце **болеет** (он так и говорит: **болеет**). Бывало, поезд **затонишь** на Бирюсинку, а оно **болеет**.

Представляю, как там мой Серега в Усть-Илимске ба-
ранку **крутит**, может, как раз этого груза **дожидает**, и —
болеет...» (газ. «Известия»).

И в этом примере общее исходное состояние дано в предложениях с НСВ, в то время как для пояснения этого состояния используется форма СВ в наглядно-примерном значении. Соотношение видовых форм формирует функциональную соотнесенность двух частей сообщения как темы и предиката в масштабах целостного текста.

6. Подводя итоги, следует прежде всего вновь подчеркнуть, что проведенное исследование является лишь первым шагом в разработке большой и сложной проблемы. Можно перечислить целый ряд вопросов, остающихся на данном этапе не выясненными. Во-первых, описанные закономерности достаточно отчетливо проявляются в монологическом тексте повествовательного характера, который и является предметом настоящего исследования; однако их реализация в диалоге выглядит значительно менее ясной. По-видимому, в диалоге каждая реплика, с одной стороны, является ответом на предыдущую реплику партнера, и с другой стороны, одновременно служит преамбулой для следующей реплики партнера. Эта двойственная функция каждой реплики, соответствующая двойственной роли каждого из участников диалога, делает закономерности построения диалогического текста как единого целого более сложными, чем при монологическом повествовании.

Во-вторых, не выяснена роль в тексте бытийных предложений, предикатом которых является связка. В принципе, как кажется, бытийные предложения функционируют в тексте аналогично глагольным предложениям с формой НСВ, т. е. принадлежат к непредикативной части текста (ср. прим. 5, начало прим. 6, 8); это обстоятельство косвенно подтверждает соображения о наличии видового статуса у связки в русском языке [15]. Однако данный вопрос требует специального исследования.

Наконец, остается неизвестным, какие еще средства предикации применяются в тексте и каким образом эти средства взаимодействуют с функциями видовых форм. Возможно, что не только формы вида, но и другие глагольные категории, в частности, время и наклонение, играют в тексте определенную формообразующую роль. Более детальное рассмотрение функционирования видовых форм в различных временных и модальных планах [ср. 13; 17] должно способствовать выяснению этой проблемы.

В то же время, несмотря на значительное число вопросов, остающихся нерешенными, проведенное исследование позволяет

уже на достигнутом этапе сделать ряд выводов принципиального характера:

1) Связный текст, как целое, имеет определенные признаки, которые не сводятся к признакам отдельных предложений в составе этого текста. Поэтому характер одной и той же единицы, взятой в качестве предложения (части текста) и в качестве текста в целом, может различаться: предикативному статусу в первом случае может соответствовать номинативный статус во втором случае (ср. такие тексты, состоящие из одного предложения, как объявление, пословица и др.).

2) Подобно тому как предложение имеет постоянный формальный показатель, выполняющий функцию оформителя предложения, так и текст в целом имеет свой формальный показатель. Процесс оформления, придающий данному построению статус предложения или статус целостного текста, можно назвать предикцированием. Таким образом, в речи имеет место предикцирование отдельных предложений и предикцирование текста в целом.

3) Средства предикцирования различаются для двух описываемых уровней. Если для уровня предложения основным средством предикцирования является время и наклонение (модальность), то на уровне текста аналогичную роль в русском языке выполняет вид. Это обстоятельство заставляет существенным образом пересмотреть сложившееся в синтаксисе представление о том, какие категории являются предикативными. Привлечение уровня текста позволяет включить вид в число предикативных категорий.

4) Употребление вида связано с закономерностями двух уровней: уровня предложения, где определяющую роль играет видовая семантика, и уровня текста, где наиболее важной является предикцирующая функция. Столкновение этих двух факторов может вызывать необходимость переносного употребления видовой формы, включения последней в контекстуальные условия, в принципе не типичные для данной формы.

5) Различные типы соотношений фраз с формами СВ и НСВ в повествовательном тексте формируют различные типы повествовательных текстов, каждый из которых характеризуется специфическим соотношением «исходной точки» и «сообщения», «темы» и «ремы» в масштабе целого текста. Некоторые из этих типов были намечены в настоящей работе. Их дальнейшая характеристика и систематизация составляет одну из задач дальнейшего исследования проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андромонова Н. А. Соотносительное употребление видов-временных форм глагола-сказуемого в сложном предложении с придаточным относительным. — В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы изучения французского языка. Рус. перев., М., 1958.
3. Бойко А. А. О модальных функциях вида в современном русском языке. АКД, Л., 1953.
4. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л., 1971.
5. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
6. Гаспаров Б. М. Проблемы функционального описания предложения. АДД, Минск, 1971.
7. Гаспаров Б. М. Современные проблемы лингвистики текста. — «Linguistica», VII. Тарту, 1976.
8. Дмитриева Н. Е. Закономерности сочетания предикативных структур в сложносочиненных предложениях с союзом «и». — «Материалы 7-й научной конференции профессорско-преподавательского состава». Усть-Каменогорск, 1966.
9. Иванчикова Е. А. Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в современном русском языке. АКД, М., 1956.
10. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
11. Печникова В. С. Видо-временные формы глагола как элемент структуры сложноподчиненного предложения. — «Тексты докладов предстоящей научно-теоретической конференции аспирантов». Ростов-на-Дону, 1964.
12. Поспелов Н. С. О различиях в структуре сложноподчиненного предложения. — В кн.: Исследования по синтаксису русского литературного языка. М., 1956.
13. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
14. Севбо И. П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.
15. Теленкова Н. М. О видовом значении глагола быть в современном русском языке. — «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Современный русский язык». М., 1964.
16. Шитов В. А. Видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых в составе однородно соподчиненных придаточных частей. — «Программа и тезисы докладов к 8-й научно-методической конференции Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов». Л., 1966.
17. Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении. — РЯШ, 1959, № 2.
18. Шмелев Д. Н. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола. РЯШ, 1960, № 6.
19. Bühler, K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
20. Van Oijk T. A. Some Aspects of Text Grammar. A Study in Theoretical Linguistics and Poetics. The Hague—Paris, 1972.
21. Von Harweg, R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1968.
22. Palek, B. Cross Reference. A Study from Hyper-Syntax. Praha, 1968.
23. «Studies in Text Grammar»; ed. by T. A. von Dijk and J. S. Petöfi. Dordrecht—Boston, 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

М. А. Шелякин. О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке	3
М. Д. Фетискина. О семантических причинах видовой соотносительности глаголов в современном русском языке	18
Н. А. Луценко. О состоянии изучения видов в русских причастиях . . .	38
Н. А. Луценко. Построение текста и грамматические категории причастия.	59
М. А. Шелякин. Терминативно-продолжительные и терминативно-интенсивные способы действия в современном русском языке	64
Э. А. Галнайтите. К типологии одноактных глаголов в русском и литовском языках	75
В. В. Мюркхейн. К проблеме передачи видо-временных значений русского глагола в эстонском языке	95
Б. М. Гаспаров. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте	112

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 482. Категория вида и ее функциональные связи. Вопросы русской аспектологии IV. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор М. А. Шелякин. Корректор Н. Н. Чикалова. Сдано в набор 2. VIII 1978. Подписано к печати 8. 01. 1979. Печ. листов 8.0. Учетно-изд. листов 8,5. Бумага печатная 60×90¹/₁₆. Тираж 600. МВ-01010. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. П. Зак. № 3605. Цена 1 руб. 30 коп.